

СМЕНА

№ 12 ИЮНЬ 1980

ВЧЕРА
ФАНТАСТИКА—
СЕГОДНЯ
РЕАЛЬНОСТЬ

НОВАТОРСТВО. ДЕРЗОСТЬ+РАСЧЕТ

«Молодежь, вступающая сейчас в науку, будет работать и в третьем тысячелетии. К тому времени первоочередные материальные нужды человека в какой-то мере будут удовлетворены, и в его жизни значительно больше места, чем теперь, станут занимать духовные ценности, жажда познания, связанная с получением и переработкой информации, поиск творческого удовлетворения. Мне кажется, молодежь должна готовить себя к такому неизбежному пересмотру человеческих ценностей».

В. А. ТРАПЕЗНИКОВ,
академик

ПОРЯДОК В МИРЕ СЛУЧАЯ

Сергей КОЗЛОВ,
кандидат химических наук, заместитель директора ВНИИ пленочных материалов и искусственных кож, председатель Совета молодых ученых и специалистов при МГК ВЛКСМ

В спектакле «Да здравствует королева, виват!», идущем на сцене Театра имени Маяковского, советник королевы Англии произносит реплику: «Мы копаем землю в поисках золота потому, что нам нравится золото, а не потому, что нам нравится копать». Мне это запомнилось вот почему. Каждый исследователь всю жизнь копает, всю жизнь надеется на хороший результат. Это нормальное ощущение всякого профессионала. Но, по-моему, настоящим профессионалом становишься лишь тогда, когда рядом с надеждой на удачу поселяется удовольствие от самого процесса работы.

Короче, когда нравится копать. Я знаю — сам видел реакцию посетителей. — что на выставке НТТМ работы нашей лаборатории пользуются большой популярностью. Мы занимаемся очень «земными» вещами. Например, новыми материалами для швейной и обувной промышленности. Благодаря новой «точечной» технологии нанесения покрытий на разнообразные прокладки изделия, помимо красоты и прочности, приобретает еще одно достоинство. Ткань «дышит».

За пятилетку мы создали немало

разновидностей этого процесса применительно к разным производствам, и подтвержденный экономический эффект составил пятьдесят миллионов рублей.

Нас представили к медали ВДНХ. Всех, всю лабораторию — семнадцать человек, а не кого-то персонально. Потому что наш объединенный, согласованный труд продуктивнее, чем труд самого талантливого одиночки. И думаю, этим успехом мы обязаны тому, что «копали» все вместе и в одном направлении.

Несколько лет назад из академического Института общей и неорганической химии я пришел на «пустое место», начал создавать новую лабораторию в отраслевом НИИ. Здесь я по-новому стал воспринимать давнюю производственную присказку, что «всякая инициатива наказуема». У лаборатории есть определенный план, не составляющий секрета ни для одного сотрудника. И вдруг кто-то выдвигает идею, лежащую где-то в стороне. Причем делает это искренне, из самых благих побуждений. Как водится в любом нормальном производственном коллективе, идею не отвергают, а говорят ее автору: «Ты сам и займись ею». В результате ценный работник начинает думать в ином направлении, чем того требуют интересы лаборатории. Значит, выгоднее всего для коллектива, если инициатива каждого будет введена в одно русло с общей инициативой. Именно к этой мысли я приводил все новых и новых сотрудников, вливавшихся в нашу комсомольско-молодежную лабораторию.

Не существует какого-то универсального способа воздействия на человека. Но ориентация только на настроение, на личную заинтересованность не может

привести к сколько-нибудь серьезному результату. Пределом успеха можно считать момент, когда сможешь работать и без настроения. Ведь сколько еще приходится выслушивать объяснений, в которых главное: «Я был не в духе!» Только там, где удастся направить «дух» в нужном направлении, и удается делать нечто существенное.

Несколько лет назад на Ижорском заводе под Ленинградом пусkali установку для внепечного рафинирования стали. В «дебютантке» была заинтересована целая группа предприятий. Зная об этом, молодые сотрудники московского ЦНИИ технологии машиностроения взяли под свою опеку монтаж установки на институтском экспериментально-опытном заводе. Выявляя «узкие» места, выходили раньше на работу, иной раз прихватывали и обеденный перерыв, проводили целевые субботники. Должным образом отработали установку в институте и на два месяца

рыбопромысловым водоемом. С помощью точных приборов и пробных химических анализов были выявлены заводы с особо тревожным состоянием очистных сооружений.

С создания такой «карты тревог» и началось шефство Московской городской комсомольской организации над Яузой. Так самым ходом событий научная работа сомкнулась с общественной.

Рейды, проводимые городским советом молодых ученых и специалистов, готовятся очень тщательно. К ним подключают и сотрудников отраслевых химических лабораторий, которые хорошо знают «свою» воду, и работников районных санэпидемстанций, и Госводинспекцию.

Молодые инженеры ВНИИводгео и Мосводоканалпроекта деятельно консультируют сотрудников предприятий, стоящих на Яузе. Налажена целая сеть «экологических патрулей», вмешивающихся там, где убеждение не помога-

сократили сроки ее монтажа и пуска на заводе в Колпине. Каждую стадию отладки и пуска обеспечивала одна из первичных комсомольских организаций института.

Теперь заводские специалисты приезжают в ЦНИИТМаш на каждую научно-техническую конференцию, делают доклады о практическом применении той или иной новинки, разработанной в институте. И порой это вносит существеннейшие коррективы в планы ведущего института. А сотрудники НИИ ведут широкую и активную пропаганду технических знаний среди заводской молодежи.

Шефство убыстряет внедрение новой техники и создает для заводской молодежи новые возможности повысить свою квалификацию, найти себя в техническом творчестве. Ведутся совместные исследования, часто во вне рабочее время, по «авангардным темам», еще не вписанным в планы, их итоги обсуждаются на совместных конференциях.

Узел творческого союза завязывается все прочнее.

А если в него завязать не два коллектива, а больше?..

Уже несколько лет молодые сотрудники Института водных проблем АН СССР ведут исследования Яузы, за которой давно закрепилась репутация «мертвой» реки. Если удастся возродить самую загрязненную реку, можно будет эффективно бороться с загрязнением и более крупных и пока еще более чистых рек.

Совет молодых ученых Института водных проблем объединил усилия с комсомольцами треста «Мосочиствод». На катере они обошли всю реку от устья до верховьев, где она еще остается

ет... Естественно, для такой работы нужны большое терпение и большая осведомленность.

Наивно, конечно, думать, что воды Яузы посетлеют уже завтра. Но на восьми особо тревожных заводах положение с очисткой стоков уже улучшилось. Деловые контакты ученых и производственников приносят свои плоды.

Всю жизнь мы проходим через своеобразные микроколлективы — семья, школа, бригада, лаборатория. И удача или неудача часто зависят от того, нашел ли ты свое место внутри коллектива, способен ли ты знать свой маневр и дополнять другого. Называйте это как хотите: научная школа, коллектив единомышленников... Мне больше по душе термин «команда». Он говорит о примерном равенстве в возрасте и абсолютном взаимопонимании, о «сыгранности», или, иначе говоря, о социальной дисциплине. Театр, цех, НИИ, клиника — все они с гардероба начинаются, но главное — везде «сыгранность».

Сейчас уже многие ректоры стали задумываться над тем, что «круг старых приятелей» хорошо бы по возможности сохранять. Потому что вне вузовских стен страшно не хватает «команды», к которой привык. Время от времени молодые актеры покидают свои училища уже готовыми театральными труппами, выпускники пединститутов едут в отдаленные края целыми группами. А что же инженеры? Технический вуз вполне может подготовить инженерный коллектив цеха или заводской лаборатории.

Да, конечно, есть преемственность опыта, традиций. На сложившемся производстве без них нельзя. Но на новом производстве, где пока нет ничего, цех, которым руководят ровесники, был бы

«Открытия лежат на поверхности». Эти слова принадлежат учащемуся профтехучилища металлостроителей г. Барановичи Виталию Петровскому. В юношеском максимализме молодого изобретателя, создателя нового метода разведения мостов, возможно, не сразу разглядишь истину. Но вспомните, что в профессионально-технических училищах страны уже не первый год существует такой предмет, как «Основы технического творчества». В вузах страны движение НТТМ сейчас по своему размаху и эффекту не уступает уже ставшей традиционной деятельности студенческих строительных отрядов.

Второе десятилетие Ленинский комсомол настойчиво работает над выполнением ответственного поручения партии. Совместно с НТО, ВОИР, министерствами и ведомствами он регулярно проводит Всесоюзный смотр научно-технического творчества молодежи. Каждый этап этого смотра заканчивается Центральной выставкой, на которой молодые новаторы демонстрируют свои лучшие работы. Первая же выставка «ТТМ-67» была посвящена пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. С тех пор число участников движения молодых новаторов выросло с 2 до 20

миллионов человек. Да и сам смотр «вырос» из технического в научно-технический, перешел на качественно новую ступень, а Центральные выставки стали международными, вместе с советскими новаторами в них принимают участие их коллеги из всех социалистических стран.

Центральная выставка «НТТМ-80», открывшаяся 14 июня в крупнейшем павильоне ВДНХ, посвящена 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Свыше 10 тысяч работ представлено на этой выставке, все лучшее, что сделано молодыми новаторами во всех отраслях народного хозяйства. Здесь можно не только посмотреть на чью-то овеച്ചественную идею, но и поучиться, самому задуматься над решением какой-то технической задачи. Выставки в первую очередь тем и хороши, что они не просто удивляют внимательных посетителей, но и учат. Да-да, умению искать там, где не терял, и находить то, что вроде бы не существует, оказывается, можно учить. Об этом и рассказывается в материале о новаторах столицы Азербайджана, работы которых широко представлены на Центральной выставке «НТТМ-80».

Каждая подобная выставка — свидетельство того, что научно-техническое творчество — одно из самых массовых движений советской молодежи.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ

весьма уместен. В составе комбината или завода они не останутся без присмотра, им помогут пережить самый трудный начальный период. Но зато после — больше уверенности в своих силах, особое небезразличие ко всему, что делает сослуживец. Да и не будет сослуживцев — будут товарищи. Придут психологическая совместимость и дружная работа.

Разумеется, организационные рецепты такого рода только для тех, кто уже стал «командой» в вузе. В общем, здесь главное в том, что отношения в коллективе влияют на качество работы, и так же верна обратная зависимость.

Вспомните прогрессивные формы работы: зобинский ли метод в строительстве, безнарядные ли звенья в сельском хозяйстве. Казалось бы, новизна, острота, смелость эксперимента должны были бы сами по себе увлечь молодых специалистов. Но само собой мало что получается. И сегодня не диковинка — молодой прораб или агроном, стоящий вроде бы и над бригадой и в то же время — в стороне, хотя место прораба, цехового мастера, агронома — «внутри почина». Комплексные бригады инженеров и рабочих, появившиеся в последние годы на предприятиях различных отраслей, — разумный подход к искомому результату.

Но число комплексных бригад растет значительно медленней, чем хотелось бы. Причем при их создании молодой специалист, как правило, либо «доводит до ума» идею рабочего, либо учит его, как эту идею довести самому. Но упускается из виду, что и рабочий имеет что сказать инженеру. А «игра в одни ворота» мало кому интересна. «Команда» тем и отличается, что роли в ней хоть и неодинаковы, но равно важны.

Поэтому мне кажется очень привлекательным содружество молодежи Центрального научно-исследовательского института технологии машиностроения и Ижорского завода имени Жданова. Совместные разработки, испытания, участие сотрудников завода в институтских конференциях, внимание к их мнениям — все это создало истинно плодотворную атмосферу. Обратная связь налажена и действует. Под контроль взяты самые «узкие» моменты внедрения новых образцов. Это шефство стало составной частью технической политики двух больших коллективов, записано в общем договоре. «Общественные начала» влились в государственный план, стали давать хорошие результаты — и научные и экономические. И все же не столько о рублях экономии тут думаешь, сколько о громадных возможностях общественного строя, которые не всегда еще используются в полной мере. Ведь для этого нужны активность, ответственность, энергия. Вот этому — возможностям и преимуществам социализма — должен учиться каждый молодой рабочий, каждый молодой специалист. Потому что только социализм предоставляет возможность творить, по-настоящему творить всегда и во всем.

Самые юные участники Центральной выставки научно-технического творчества молодежи — школьники, создатели моделей космических кораблей.

«Виноградная гроздь», разработанная молодыми новаторами, в несколько раз экономичнее обычных ламп для кинопроекторов.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

ИДЕАЛЬНЫЙ КОНЕЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Решенное в лучших традициях современного зодчества, сверкая яркими бликами ажурных конструкций, здание выглядело прекрасным и неповторимым, причем даже с внушительных удалений. В просторных, светлых аудиториях и лабораториях, оснащенных современнейшими приборами, стояла тишина, нарушаемая лишь легким стрекотанием самопечатающих устройств.

Наибольшее оживление наблюдалось на четырнадцатом этаже, где располагался штаб — патентное бюро. Поступившая идея тут же обрабатывалась на компьютерах, оценивалась, сравнивалась с тем, чем располагает человечество в данном вопросе в настоящее время, после чего в выходном дисплее загорался транспарант «ИЗОБРЕТЕНИЕ №...». И это не было событием, потому что таких номеров за сутки выскакивали сотни.

Вот такую, пока фантастическую картину обрисовал я Тофику Имамлиеву, проректору Азербайджанского общественного института изобретательского творчества — основного подразделения штаба НТТМ при ЦК ЛКСМ Азербайджана.

— Нравится?

— Нет, — ответил он. — Мы вполне довольны своей нынешней судьбой.

Специально для «Олимпиады-80» ленинградские радиоинженеры создали режиссерский пульт для комментаторов. Он позволяет вести репортаж с любой точки спортивной арены.

— Но ведь эти, мягко выражаясь, скромные условия для работы, и ваш общественный статус, и всего пять тысяч рублей годового бюджета...

Тофик усмехнулся, и не сказать, чтобы весело.

— Конечно, нам бы очень помогло наличие своего постоянного помещения для занятий и обустройство хотя бы какой-нибудь оргтехники. Ну, а уж если совсем на «пятерку», — своя опытно-конструкторская база, производственные мастерские... Но, главное, дело-то идет, ЦК комсомола республики, НТО, ВОИР и другие организации, ответственные за движение научно-технического творчества молодежи, нас поддерживают, помогают. Со временем обростем всем необходимым. А что касается общественного статуса, то нет, не хотим мы ничего другого. Почему? Ну, во-первых, нашему преподавательскому институту не нужны административные отношения. Мы товарищи. По духу, по отношению к жизни. Во-вторых, содержание занятий, курсы лекций — все это трудно формализовать и документально представить. Да и как административно управлять нашей преподавательской работой, если мы... ничему конкретному не учим? Учим мы думать и искать.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА, которая насчитывает многие сотни лет. С очень далеких времен человек стал задумываться над тем, что мы сейчас красиво называем психологией творчества, пытался разобраться в его запутанном механизме. Известны, например, работы Рене Декарта «Правило для руководства ума», Жака Адамара «Исследование психологии процесса изобретения», статьи Анри Пуанкаре по этому вопросу. Однако активизировать творческую деятельность человека они не смогли и явились скорее умозрительными эссеисами, подчас интересными для чтения, но не более. И неизвестно, прав ли был Эдм Мариотт, утверждая, что мозг человека подобен шкатулке, которую достаточно хорошо потрясти, чтобы из нее высыпалось все необходимое. А если и был отчасти прав знаменитый физик, открывший известный закон зависимости объема газа от давления, то открыть саму «шкатулку» он все равно не помог.

АЗОИИТ — Азербайджанский общественный институт изобретательского творчества — родился десять лет назад. К тому времени за рубежом уже имелись определенные сдвиги в вопросах активизации поисков решения творческих задач. Так, на Западе получил широкое использование крупнейшими промышленными фирмами «мозговой шторм» — метод, приводивший к сокращению времени и повышению эффективности решения задач по сравнению с традиционным способом «проб и ошибок». «Шторм» задачи при этом сводился сначала к генерации идеи, причем любой, даже заведомо неосуществимой, а затем к ее критическому анализу с целью отбора приемлемого варианта.

Или метод «фокального объекта». Рассматриваемый объект помещался в фокусе внимания, а затем выбирались несколько случайных объектов, составлялись их признаки, после чего полученные идеи развивались до реализуемого вида. И, наконец, отбирались наиболее приемлемые варианты.

В отличие от «мозгового шторма» этот метод явился уже конкретным инструментом для производства новых идей. Сочетание его и ранее описанного позволило бакинским энтузиастам разработать и применить комбинированный — «фокальный шторм». Но так же, как и его родители, так же, как и другие методы, грешил он главным — отсутствием критериев для отбора полезных идей. Не давал он инструмент для работы с самой задачей. И тогда в Баку, отвергая чужой опыт, поняли, что необходимо создавать...

СВОЙ МЕТОД, содержание которого автор описать поначалу не сумел, испортив множество листов бумаги. Правда, Имамалиев и его товарищи меня об этом заранее предупреждали: «Как можно рассказать о том, что составляет двухгодичный курс объемом в двести двадцать учебных часов? Как можно рассказать о методе, который заведомо не дает ни одного четкого определения?..»

А что если... Мы уселись вокруг стола, я — зеленый и необученный азойитовец, два преподавателя и один студент-второкурсник общественного института. Мне предложили выдвинуть конкретную техническую задачу. Обратившись к своим свежим впечатлениям от долгой поездки по Дальнему Востоку, я особенно не мудрил:

— Обшивка судна постоянно обрастает ракушками. Как от этого избавиться?

— Какова, стало быть, задача?

— Я же сказал: судно, не обрастающее ракушками.

— Нет, доставка груза без потерь и расходов. А еще точнее: идеальный конечный результат — это доставка вообще без транспортных средств — вот ИКР, вот задача, которую нужно решить.

Я опешил:

— Но ведь мы же говорим о реальной ситуации.

— Пока все ситуации реальные. Ну, да ладно, для упрощения пойдем все-таки морем. Значит, путь решения — очистка судна от наростов. При этом заметим, что среди нас нет специалистов в данном вопросе, и это, если угодно, наш плюс: мы не скованы аксиомами, можно предлагать заведомо неосуществимые идеи. Когда настанет момент, мы обратимся к узким специалистам. А пока...

— Предложение: отвести судно в док и чистить его вращающейся щеткой.

— Есть другое предложение: отвести судно в сухой док, высушить наросты, и тогда они легче будут отскакивать при чистке.

— Судно должно само предохранять себя от обрастания — вот ИКР.

— Согласен, подумаем, как этого достичь. Разбиваем задачу на подзадачи. Первая — как предотвратить обрастание корпуса, и вторая — как уменьшить сцепление обросшего корпуса с водой. В частности, решение первой подзадачи может быть направлено на создание вокруг корпуса корабля нетерпимой для моллюсков обстановки в виде, скажем, полей, которые отбивают у них охоту липнуть к борту.

— Или можно создать такое поле, которое будет направлять ракушки с моллюсками в специальные ловушки, расположенные скорее всего в задней части судна. Это может дать и неожиданный, промысловый эффект.

Последнюю идею выдвинул ваш корреспондент, опасливо посмотрев при этом на собеседников. Но те и бровью не повели.

— Оставляем как вариант. Предлагается пленка, наносимая в сухом доке или в воде, кистью либо под давлением. Пленка должна быть химически нейтральной, срок ее действия, ска-

жем, один год, после чего она бесследно разлагается. Кстати, этой пленкой может служить и краска самого корпуса.

— Итак, приводим задачу к элементарному виду. Остаются три элемента: наружная часть корпуса, морская вода, ракушки. Воду в океане изменить или заменить мы не можем, моллюсков уничтожить тоже не можем и не хотим. Остается корпус.

— По корпусу мы имеем несколько предложений, и каждое можно начинать прорабатывать глубже, обратившись на определенном этапе к узким специалистам.

Допустим, остановились на пленочном решении. И тут же сами формулируем вопрос: в каких еще задачах может оказаться применимым такое решение? И наверняка такие задачи выявятся. Может быть, это будет очистка трубопроводов или океанариумов или даже... технология изготовления колбасы.

Потом мы решаем еще задачу и еще, и я уже забываю, что это всего лишь игра, в которую меня вовлекли просто для того, чтоб я смог пусть отдаленно, но вкусить дух азойитовской атмосферы. Игра в самой бесхитростной форме.

Так что в конце концов я уже не удивляюсь и каждый раз заранее говорю «да», когда слышу вопросы: «Можно ли просверлить отверстие с квадратным сечением?.. Можно ли резать обычное стекло ножницами?.. Можно ли сделать печку из обычного полиэтиленового мешка?.. Можно ли измерить температуру чая в стакане с помощью листка бумаги?.. Может ли квадрат одновременно являться и окружностью?..» И каждый раз оказывается, что действительно можно, можно, можно. Причем всему следует ясное и простое объяснение.

ОДНАЖДЫ подсчитали: один рубль, вложенный в обучение студентов общественного института изобретательского творчества, дает шестнадцать рублей прибыли за счет осуществленных и внедренных предложений. Но это, так сказать, «прямой доход», непосредственный и обозримый. Притом не учитывается, что, пройдя двухлетний курс обучения в общественном институте, человек уходит в дальнейшую творческую жизнь уже в новом качестве, и эффективность его труда, творческого мышления, а стало быть, и материализуемые результаты тоже иные.

За годы деятельности общественного института методы его работы широко распространились по стране, в различных городах созданы филиалы АЗОИИТа. Так, в Прибалтике, Молдавии, Подмоскowie, Ярославской области, Ворошиловграде, на Дальнем Востоке по методам азербайджанских специалистов их последователи и единомышленники учат врачей и инженеров, геологов и школьников. Учат изобретать. И растут, набирают силу лавины идей.

Плоды усилий азойитовцев — это и организация его выпускниками общественных конструкторских бюро и лабораторий для решения конкретных производственных задач. Созданы, например, общественная конструкторско-технологическая лаборатория изобретателей и рационализаторов в области медицины, общественная лаборатория технических средств обучения, общественные КБ на предприятиях.

И кто теперь способен подсчитать экономическую эффективность деятельности общественников из Баку?

В последние годы эта деятельность все больше привлекает внимание и зарубежных специалистов. Разработки азербайджанских ученых используются Институтом повышения ква-

лификации руководящих работников при Совете Министров Польской Народной Республики, Центральным институтом сварочной техники в городе Галле (ГДР), болгарским научно-техническим объединением «Булгар-плодэкспорт» и другими зарубежными организациями.

В АЗОИИТе подготовлена группа специалистов по методологии изобретательства для Вьетнама. Преподаватели общественного института приглашены для проведения занятий в Институте манипуляционных, транспортных, упаковочных и складских систем в Праге.

Две с половиной сотни изобретений самих выпускников АЗОИИТа — это лишь то, что дошло до сведения «альма-матер», что известно. Это как те звезды, что видны простому глазу на небольшом участке неба.

ЖИЛ-БЫЛ БАРКОВ. Учился в техникуме, служил в армии. После демобилизации работал электромонтером и одновременно занимался в заочном отделении Азербайджанского института нефти и химии. Затем работал инженером в морском управлении буровых работ. Не раз выдвигал рацпредложения, что само по себе довольно обычное явление в нормальной жизни нормального человека, то есть относящегося к делу с интересом и душой.

В свободное от работы и рационализаторских раздумий время Борис Андреевич воспитывал детей, слушал классический джаз, кормил рыбок, а также нежно лелеял свой садовый участок.

И вот однажды прочитал на стене объявление о наборе слушателей в Азербайджанский общественный институт изобретательского творчества и решил начать новую жизнь.

Скорее, он решил попробовать начать. Потому что как это сразу, огульно поверить пусть даже опечатанным на серьезной типографской машине, но все же голым и неаргументированным обещаниям, что тебя, мол, возмудят да научат тому, что принято считать «от бога»? Их, новичков, оказалось тогда около сотни. Юных и пожилых, умудренных, отгощенных знаниями, а то и учеными степенями и совсем еще зеленых, даже школьников.

Два года занятий, каждое воскресенье. С обязательными заданиями на дом. А составная часть дипломной работы — изобретение. Такое условие. Но обязательность его к завершению курса оборачивается уже неизбежностью, к этому подводят методы обучения.

А что же наш Барков? Довольно скоро после начала новой своей жизни Борис Андреевич стал наводить и новый порядок на родной буровой. Немудреное, казалось, хозяйство, но стал вдруг видеть его Барков словно другими глазами. И пошло.

Первое же внедренное его изобретение дало сотни тысяч рублей годового эффекта, и это только в его родном управлении буровых работ. Дальше — больше. Одиннадцать изобретений за полтора года.

И все же будем откровенны и уверим читателя, что далеко не каждый из выпускников общественного института переживает столь бурный творческий взрыв. Недаром Баркова пригласили пополнить дружную команду преподавателей АЗОИИТа.

Тем не менее что привело к такому перевоплощению человека? Заложенные и спавшие в нем задатки? Но ведь Борис Андреевич и к работе и к жизни всегда относился отнюдь не сонно. Только ли эта учеба? Да, считает он, именно она. Учеба, система, рассчитанная на то, чтобы разбудить творческую активность буквально у всякого

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 12 (1274) ИЮНЬ 1980

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

любопытного, увлекающегося, а вовсе не обязательно у вундеркинда.

Не числился здесь в таковых и Саша Ждан-Пушкин. Начав посещать занятия в АЗОИИТе уже в девятом классе средней школы, он в следующем году предложил оригинальную конструкцию сварочного манипулятора и вскоре стал первым из бакинских школьников обладателем авторского свидетельства на изобретение.

— Но как можете вы разбираться во всех задачах? — не отступался я от Имамалиева. — Разбираться пусть даже в общих чертах. Ведь мало того, что ваши студенты — это кто угодно по профессии, но ведь много среди них и специалистов высокого класса.

— «Знание некоторых принципов с лихвой покрывает незнание некоторых фактов». — На этот раз он отослал меня к Гельвецию.

Конечно же, «знание некоторых принципов» — это широчайшая техническая и общая эрудиция проректора и его коллег, потому что иначе на каждом шагу, на каждом вдохе им приходилось бы влезать в справочники, обращаться к профессорами — и все только для эффективного обучения. И эти качества, то есть техническая и общая эрудиция, умение найти нестандартное решение, обязательно предполагаются, а следовательно, воспитываются, культивируются у обучаемых, потому что творческая активность и общий кругозор — понятия плохо совместимые. Теперь смело можно говорить о мировоззрении, их азиитовском мировоззрении, основанном на разработанных здесь методах и принципах.

Ими изобретен качественно новый алгоритм решения изобретательских задач — АРИЗ. На одном из начальных этапов решения ставится вопрос: каков ИКР — идеальный конечный результат? Причем в этот момент никто еще не знает, как будет решена задача, речь идет лишь о том, что следует ожидать в самом лучшем случае. Решение задачи разбивается на этапы, каждый из которых отрабатывается по конкретным, оформленным правилам.

Здесь нужно сказать о том, что все люди страдают определенной психологической инерцией. Поэтому задача сразу же очищается от технической терминологии, традиционно применяемой для данных случаев. Существует также инерция зрительных представлений, нужно избавиться и от нее. Поэтому следует серия мысленных операций: меняются размеры объекта, длительность процесса. И получается, что решающий задачу сам правильно ее ставит, а затем и получает решение. Так появилась и новая, чисто азиитовская «Система подготовки, решения и использования решений научно-технических задач» — СПРИНТ. С ее помощью сделано уже немало изобретений.

Полный учебный курс включает в себя двенадцать дисциплин, и, думается, есть смысл их перечислить: методология изобретательского творчества; применение физических эффектов при решении изобретательских задач; логика и морфология технических решений; структурный анализ; основы патентоведения; развитие творческого воображения; прогнозирование тематики изобретений; экономика изобретательства; основы информатики; основы истории изобретательства; элементы психологии творческого мышления; методика обучения методологии изобретательского творчества. Большая часть программы разработана в АЗОИИТе, и, как можно видеть, она рассчитана не только на усвоение и творческое преломление, но и на дальнейшее распространение усвоенных идей.

Процесс обучения в институте многоступенчатый, это дает наиболее широкие возможности для развития творческого мышления слушателей:

А ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ? В своей книге «О профессии режиссера» выдающийся деятель нашего театра Г.А. Товстоногов сетует на то, что он и его коллеги мало занимаются существом своей профессии.

«Даже профессиональные разговоры, — пишет автор, — мы ведем порой на таком уровне, что, если б на одно из наших творческих совещаний зашел человек другой профессии, но достаточной культуры, он вполне мог принять в нем участие на нашем уровне, а то и на более высоком... Для того, чтобы говорить профессионально, нужно иметь **общие критерии**».

Не имея оснований, а также морального права оспаривать аргументы уважаемого Георгия Александровича, попробуем принять их априори и даже посмотреть с его позиций на ситуацию в АЗОИИТе, тем более что и здесь и там речь идет о творческом мышлении.

Несомненно, что суть, содержание занятий доступны только человеку подготовленному, активному, постоянно держащемуся на гребне волны в течение всего процесса обучения, человеку, не допускающему простого, пассивного потребления информации во время занятий. Споры и обсуждения — вот нормальная форма лекций, так что их традиционное название обрело здесь весьма условный характер. Но удивительно другое. При всей премудрости курса обучения он не рассчитан на какие-то профессиональные профили, специальности и даже уровни имеющихся у человека знаний. В одной аудитории, а то и за одной партией частенько сидят школьник и кандидат наук, а эффект усвоения предполагается и чаще всего получается одинаковым. Значит, есть они, общие критерии, о которых пишет Товстоногов. И это, может быть, самое замечательное, чего добились в АЗОИИТе!

— Все, что делают эти ребята, переоценить невозможно, — сказал мне уже в Москве председатель Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий Иван Семенович Нояшков. — Несмотря на то, что мы лишь недавно стали по-настоящему интересоваться опытом бакинцев, скажу уверенно, что не было и нет ничего подобного ни у нас, ни за рубежом. Все это никак не укладывается в наши сложившиеся представления об учебном процессе.

Вполне возможно, что вскоре встанет вопрос о создании государственной системы обучения изобретательскому творчеству.

— Так какой все же ИКР самого АЗОИИТа? — это был последний мой вопрос Имамалиеву.

— Расскажу-ка я тебе про свою дочку, — улыбнулся он. — Когда ей было пять лет, я спросил ее: «Что получится, если сложить двух коров и трех баранов?» На что она совершенно справедливо ответила: «Получится пять животных».

Через два года, когда она училась в первом классе, я снова задал ей тот же вопрос. И получил просто удручающий ответ: «Их складывать нельзя». Такая, понимаешь, беда, нельзя складывать, и все!

Так вот мой идеальный конечный результат — это чтобы складывать было можно. Чтобы всякий человек смотрел на мир широко распахнутыми глазами — с детства и всю жизнь. Чтоб не терял, а развивал свой замечательный природный дар удивляться, фантазировать и сочинять. И, главное, чтоб дар этот был всегда «при деле».

Наша обложка: в радиохимической лаборатории Московского института нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина идет очередной эксперимент.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

НОВАТОРСТВО.
ДЕРЗОСТЬ + РАСЧЕТ = ЭФФЕКТИВНОСТЬ.

1 Сергей КОЗЛОВ, председатель Совета молодых ученых и специалистов при МГК ВЛКСМ. «ПОРЯДОК В МИРЕ СЛУЧАЯ». Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ. «ИДЕАЛЬНЫЙ КОНЕЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ».

4 РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Слава ТАЙНС. «ЛАЗЕР В РАБОЧЕЙ СПЕЦОВКЕ».

6 ЧТО ЗНАЧИТ — ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК?
Игорь АЧИЛЬДИЕВ. «ПРИ ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ».

8 Рассказ Бориса КРЕСТЬЯНИНОВА «ДЕНЬ ДО ВЕЧЕРА».

10 ОЛИМПИЙСКИЕ ЭСКИЗЫ.
Владимир ВАСИН, чемпион Олимпийских игр 1972 года по прыжкам в воду, заслуженный мастер спорта. «ПУТЬ, ПРОЙДЕННЫЙ ВДВОЕМ».

12 Стихи Валерия ИСАЕВА.

13 Стихи Елены АНАНЬЕВОЙ.

14 ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.

16 Рассказ Виктора ИЛЬИНА «БРАСЛЕТ ТУРА».

18 Стихи Валентины КОРОСТЫЛЕВОЙ.

19 НОВАЯ РУБРИКА: БЕСЕДЫ О МОЛОДОЙ СЕМЬЕ.
Юрий РЮРИКОВ. «К ДРУГОМУ, КАК К СЕБЕ...».

21 «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО». Конкурс одного стихотворения.

22 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ».

25 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ.
Людмила БАРЫКИНА. «ПРИВЕТСТВУЯ ДЕНЬ ВОСХОДЯЩИЙ».

28 «...А СЕРДЦЕ В ГОРАХ».
Фотоочерк Леонида ПЛЕШАКОВА и Юрия УСТИНОВА.

30 ЭКСКЛИБРИС «СМЕНИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШЕВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Г. Сорокин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Слава ТАЙНС.

Фото

Сергея ПЕТРУХИНА.

Специальные

корреспонденты «Смены»

Трое в лодке, как им представлялось в трудную минуту, не считая помощников на переправах, плыли против течения традиционной производственной жизни коллектива Московского автомобильного завода имени Ленинского комсомола. Их усилия во много крат превосходили усилия других, стремительно плывущих навстречу. Им пришлось преодолеть многие пороги, они наткнулись на подводные камни, но благополучно достигли цели. Анатолий

ЛАЗЕР В РАБОЧЕЙ СПЕЦДОВКЕ

Гречин, Владимир Архипов, Валерий Католичук празднуют победу — им удалось надеть на лазер рабочую спецовку и заставить его работать в заводском цехе. Невероятное для многих даже на АЗЛК, предоставившем им поле деятельности, стало сегодня очевидным.

Ствол мирной пушки. Ее поле боя — участок цеха, где она недавно прочно заняла позицию. Ее выстрел не уничтожает, а созидает. Из жерла ствола вырывается не снаряд, а узкий пучок невидимого света. Он метнулся в зеркало, то отфутболило его к другому, потом таким же манером к третьему, и вот уже луч вонзился в поверхность детали. Та закрутилась, словно ужаленная, оставляя дымный след на своем теле. Через пару минут деталь выскакивает из тисков «операционного» стола, вобрав в себя новые силы, готовая к длительному единоборству со стальными шестернями. Теперь она не только сможет противостоять их грубому натиску, но и поспорить: кто кого!

Идея была настолько проста, что когда в августе 1976 года Анатолий Гречин, молодой физик, зашел прямо с улицы к главному металлургу АЗЛК и предложил ее, то не встретил ни недоуменного взгляда, ни решительного отказа. Михаил Львович Хина с интересом взглянул на посетителя и, в свою очередь, предложил ему начать эксперимент хоть завтра, но предупредил: никаких авансов он не дает. Анатолия такое начало не обескуражило. Ему, новичку, давали в кредит главное — доверие, и теперь только от него зависело будущее идеи, над которой он думал еще в студенческие годы. Да, еще тогда он увлекся лазером, сделал по этой теме диплом, но затем вынужден был заниматься иными делами, может быть, не менее важными и все же далекими от того, о чем он мечтал. Гречин работал в физической лаборатории МГУ и каждый день проходил мимо той двери, за которой впервые «потрогал» трепетный луч лазера. Нет, эта дверь не манила его, иначе он перешагнул бы ее порог, а напоминала о призвании. Он заикался в своей лаборатории, зная, что то же самое произойдет и в соседней. Его, физика-теоретика, тянуло не в космические дали наук, а в заводской цех.

Анатолию стало невмоготу, когда одного из сотрудников соседней лаборатории по договору научно-практического сотрудничества МГУ — ЗИЛ командировали на завод. Он должен был возглавить, а вернее, создать там лабораторию лазерной технологии. Речь шла об использовании лазера в производстве автомобилей. Но Анатолий не бросился вслед за Владимиром Андрияхиным, хотя тот и сделал ему предложение. Гречина смущал академизм под-

хода к решению поставленного вопроса, что отдавало перспективу сразу же броситься в омут практической работы. У него же чесались руки по скорейшему внедрению лазера в производство, и он напрямик направился на родственное ЗИЛу предприятие — АЗЛК.

Известно, что луч лазера способен закалять поверхность металла. Теоретически с помощью скользкого луча можно проникать даже внутрь фигурных деталей, неудобных для обычных методов упрочнения поверхностей. Таким образом, можно продлить срок эксплуатации наиболее изнашиваемых металлических конструкций автомобиля. Но одно дело знать законы физики, другое — применять их на практике. И заводские конструкторы, знающие цену внедрения новшеств в производство, качали головой: идея-то как голый король. Да и сможет ли ее одеть в приличное платье еще совсем зеленый специалист, к тому же теоретик, мыслящий отвлеченными категориями? Но жизнь подтверждает, что раскованный, а не законсервированный на производстве ум смелее и без оглядки на

анализи все виды холодной и горячей обработки металла. Но чтобы лучом света обрабатывать детали — это никак не вязалось с традиционными взглядами на производство.

Проблема коммуникабельности встала перед Гречиным довольно остро. Такого предмета, к сожалению, ни в школе, ни в университете не проходят, и молодые специалисты, выпорхнув из уютных гнездышек, где им прочили безоблачное будущее на трудовом поприще, сталкиваются со многими неожиданностями. Период адаптации порой длится несколько лет, и, как правило, молодой специалист, пришедший из вуза на производство, начинает работать с полной отдачей лишь на третий-четвертый год. Анатолию такой срок казался большой, неоправданной роскошью. Да и кто его будет так долго терпеть, если ему не намекнули даже, а прямо сказали: нам журавля в небе не надо, мы ждем сиоминутного выхода.

Анатолий устанавливал контакты с рабочими, инженерами, испытателями автомобилей. Он буквально выпрашивал всех, даже автолюбителей, о «болезнях» машины. Его интересовали наиболее

трудности берется за невыполнимые на первый взгляд задачи. Вот почему Михаил Львович Хина взял на работу зеленого специалиста с хорошим теоретическим багажом и хваткой экспериментатора.

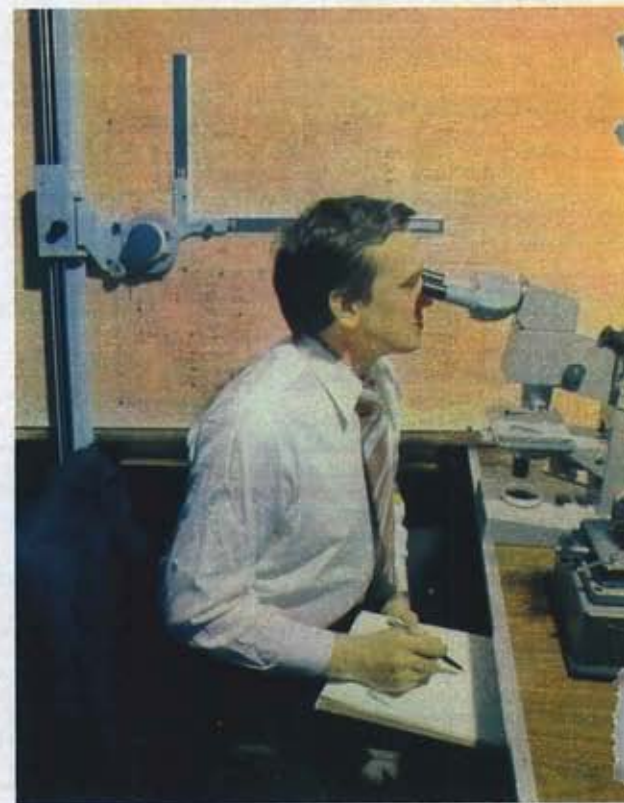
На вопрос, что ему нужно на первых порах, Анатолий выложил Хине с твердостью и уверенностью в себе, которые столь присущи новичкам на производстве: «Дайте мне 350 квадратных метров площади и человек 30 по примеру ЗИЛа, и мы заставим в течение года работать лазер вместо печи закаливания».

Михаил Львович крикнул от таких запросов. Величайший экономай, каким его знали на предприятии все, никогда не бросал денег на ветер: «У нас на заводе принято просить подо что-то конкретное, а ведь у вас еще дела нет, только идея — и та в общих чертах. Мы не НИИ, и здесь правило: сначала сделай — потом проси».

Главный металлург выделил ему захлавленную комнатку около двадцати квадратных метров и как бы вскользь заметил, что на складе лежит лазерная установка.

Ремонт выделенной под лабораторию комнаты Анатолий занимался в основном сам. Затем вытребовал со склада установку, которая оказалась новым «Квантом-16» в разобранном состоянии, в заколоченном ящике. Специалистов по лазерной технике на заводе не было, а о том, чтобы приглашать кого-нибудь со стороны, не могло быть и речи. Гречин сам собрал и запустил свой агрегат, в котором скоро разочаровался. «Квант» оказался для него лишь шикарной игрушкой, для задуманного дела не годился. Ему нужен был не импульсный, а постоянный лазерный луч. Одно дело сверлить дырки, другое — обжигать поверхность металла.

Заводить речь о приобретении новой лазерной установки он пока не осмелился. Лаборатория была инородным телом на заводе, и всерьез Гречина еще не принимали. Он оказался на маленьком островке среди океана. До сих пор Анатолий почти не вылезал из своей обители, обустроившаяся и обдуманная план действий. Но с каждым днем он чувствовал, что вылезать из своей скорлупы просто необходимо. Надо было найти детали для эксперимента, а их никто не собирался принести ему на блюде. Надо было выработать свою тактику поведения, найти людей, чутких к творческим настроениям, заразить их своей идеей. Ведь у многих в силу обычной человеческой инерции мысли никак не укладывалось в голове, что лазер может творить такие чудеса. Они привыкли к станку с его резцами, фрезами, сверлами, шлифовальными кругами. Они

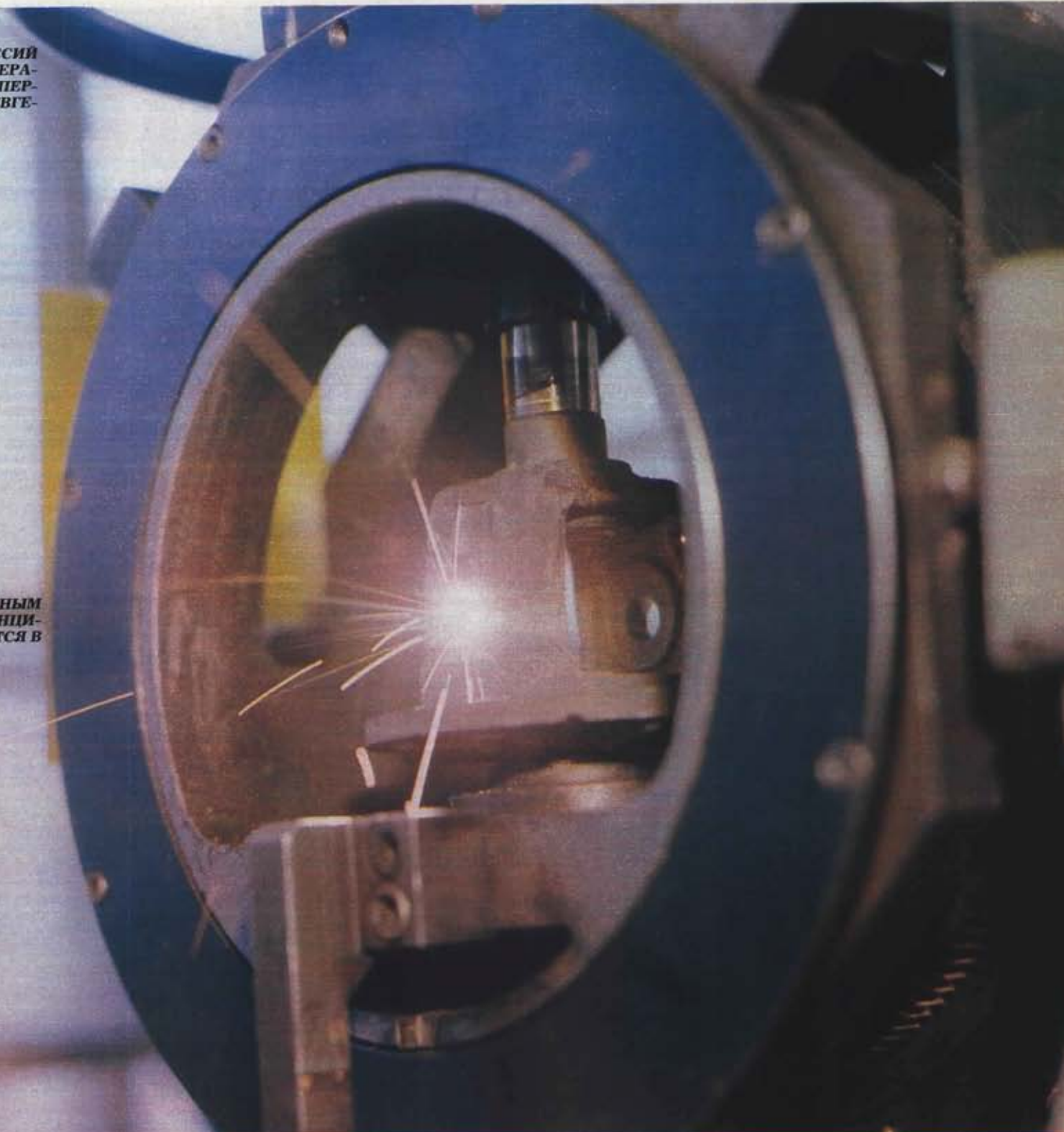

слабые стороны железного организма, который вдруг может выглядеть беспомощным и никчемным из-за, казалось бы, незначительной неполадки. Гречин был похож на заботливого доктора, держащего в руках эликсир бодрости и не знающего, кому его впрыснуть. И постепенно люди меняли к нему отношение, пытались помочь ему найти одно из самых уязвимых мест машины. Ведь речь шла о продлении срока жизни деталей, от преждевременного износа которых страдали автомобили и люди. И Анатолий обрстал необходимыми связями, научился оформлять различные бумажки, быть терпеливым и настойчивым.

Настал момент, когда Гречин вновь появился в кабинете главного металлурга с чугунной деталью в руках. Решительно подошел к столу и твердо

В СЕМЬЕ РАБОЧИХ ПРОФЕССИЙ ПОЯВИЛАСЬ ЕЩЕ ОДНА — ОПЕРАТОР ЛАЗЕРНЫХ УСТАНОВОК. ПЕРВЫМ НА АЗЛК ОВЛАДЕЛ ЕЮ ЕВГЕНИЙ ПРОТАСОВ.

ПОСЛЕ ОБРАБОТКИ ЛАЗЕРНЫМ ЛУЧОМ КОРОБКА ДИФФЕРЕНЦИАЛА АВТОМОБИЛЯ СТАНОВИТСЯ В НЕСКОЛЬКО РАЗ ПРОЧНЕЕ.

НАЧАЛЬНИК БЮРО ЛАЗЕРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ, УЧАСТНИК ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЫСТАВКИ «НТТМ-80» АНАТОЛИЙ ГРЕЧИН.

заявил: «Михаил Львович, мне нужны новый лазер и двое помощников».

Внимательно выслушав доводы, Хина вместе с Гречиным поехал на предприятие, где разработали промышленный образец лазера. Там их приняли с распростертыми объятиями: установка уже была готова, а где ее проверить на практической работе, не знали.

Начался новый этап экспериментов. Гречин проводил их как бы на ощупь: менял на глазок режимы, увеличивал или уменьшал мощность светового луча, скорость скольжения. Ему важно было убедиться, насколько закаливается металл и какие нужны для этого параметры. Вскоре опыты подтвердили то, в чем он и раньше не сомневался: чугун после обработки лазером становится прочнее. Пора было приступать к обработке деталей. Да и изготовители лазерной установки поторапливали: им хотелось побыстрее узнать, на что способна их машина. Но раньше нужно было подобрать помощников, которые стали бы единомышленниками. Основное требование Анатолия — нестандартность мышления. Его не устраивали ребята, уже «закомплексованные» на производстве, и он искал человека с творческой жилкой, готового с головой уйти в

исследовательскую работу практического назначения и быстро решать сложные задачи. Таким и оказался Владимир Архипов. Вдвоем они соорудили нехитрое приспособление для вращения детали и начали основной эксперимент. Работали, не считаясь со временем, и добились своего: лазер нанес на поверхность детали по два кольца упрочнения, на которые и возлагались все их надежды. Это был успех, который вместе с Анатолием и Владимиром разделил инженер-электронщик Валерий Католичук.

На техническом совете шла защита дипломной работы бюро лазерной технологии. Оппонентами были приглашены ведущие конструкторы и технологи. Анатолий Гречин ждал жаркого боя, но даже возражений не было. Официально утвержденный стендовыми испытаниями факт о пятикратном увеличении стойкости детали говорил сам за себя. Чтобы возражать в данном случае, конструкторы должны были бы предложить свой вариант решения этой проблемы с более высоким результатом. А так как они не были готовы выложить на стол контраргумент, то пришлось поднять руки «за». Черту подвел директор, издав приказ с указанием техническим службам и подразделениям оказать помощь во внедрении лазера в серийное производство.

Летом 1978 года сотрудники лаборатории приступили к пусконаладочным работам — финальному этапу монтажа лазерного станка в рабочем вариан-

те. Надо было собрать закупленное и изготовленное на АЗЛК оборудование на производственном участке, запустить в работу и провести повторный эксперимент, чтобы подтвердить результат предыдущих испытаний и скорректировать режим закалки.

Успех повторных испытаний превзошел все ожидания. И на стенде и на полигоне обработанные лучом лазера детали выдержали все мыслимые и немыслимые нагрузки. Комиссия приняла работу лаборатории с высокой оценкой, ее сотрудники получили авторское свидетельство на изобретение, а лазерный станок встал на трудовую вахту. Новый шаг в науке и технике сделан.

Со всех концов страны на АЗЛК приезжают делегации специалистов, идут заказы с других предприятий, и все просят пройти лучом лазера по их детали, приходят сюда за советами, консультациями.

— Только одна деталь, которую обрабатывает сейчас лазер, дает около трехсот тысяч рублей экономии ежегодно, — говорит Александр Приходько, возглавляющий штаб НТТМ на автозаводе имени Ленинского комсомола.

Только одна деталь! А по признанию Анатолия Гречина, они уже в самое ближайшее время могли бы подставить под луч лазера добрый десяток сложных деталей. Значит, лазер в автомобиле делает только первые шаги, впереди у него — высокие скорости.

ПРИ ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Перед кем в долгу?

Странное это занятие — рассуждать о морали! Все время где-то подспудно, в глубине души таится невольное сомнение: а кому, собственно, понадобились эти разговоры? Тем, кто привык взвешивать свои поступки на незримых весах совести, все мои доводы просто ни к чему, они знают их и без меня. А те, кто не хочет знать, что к чему, возможно, и слушать меня не станут.

И все же, и все же... Раз этот труднейший разговор начат, его надо вести до конца и с полной открытостью. Чтобы стала понятной позиция, которую — на мой взгляд, единственную! — надо отстаивать в жизни.

Внимательно, даже придирчиво прочитав я оба письма, открывающие дискуссию о человеческой порядочности. Честно сказать, впечатление от обоих писем — как в детской игре: тепло, теплее, почти горячо, а потом опять — холодно, холодно... И тот, кто «водит», остается с завязанными глазами.

Учительница Анна М. из Ленинграда пишет, что ей «в последнее время трудно жилось и думается», поскольку начала она размышлять о нравственной стороне своих поступков и о том, какое воспитательное влияние они оказывают на учеников. Допустим, так оно и есть... Ну, а раньше-то неужели не думала о том же? Вот так, безо всякого понятия о добре и зле, о роли педагога в формировании души ребенка, и закончила институт, замуж вышла, родила ребенка... И ни разу не задумалась о реальном значении нравственных ценностей в жизни? Как хотите — не верится.

Вчитываясь в строки и начинаешь подозревать, не стремится ли автор письма несколько опростить ситуацию и тем приукрасить собственное поведение. Ребятам, пишет она, припомнили ей случаи, когда она «вынуждена была смолчать там, где явно неправ был директор школы», или когда скрыла хулиганский поступок кого-то из учеников, чтобы спасти честь коллектива. Но ведь о нравственной сути самих поступков, об их реальном содержании, о том, что произошло впоследствии, — ни слова! Кажется, если уж человек молчал, молчал, а потом охватились и решил успокоить свою совесть, то пойдти и скажи — хоть и с опозданием, но все же заяви директору, что он был неправ. Сделай это публично и тем самым восстанови свой пошатнувшийся авторитет в глазах учеников. Но об этом-то как раз — ни слова...

Впрочем, сама оценка Анной М. своих поступков многозначительна: она полагает, что оба случая — всего лишь примеры «неполной или половинчатой порядочности». Подумаем: а существует ли вообще «неполная или половинчатая порядочность»? Как бы в ответ на этот вопрос на память приходит булгаковская строка: «Осетрина не бывает второй свежести».

О письме Виталия С. мы еще успеем поговорить далее, но и сейчас можно сказать, что тоже написано человеком, словно лишь вчера узнавшим, что на свете существуют честь и совесть, добро и зло, порядочность и непорядочность и что за отставание добра, чести, порядочности всегда приходилось и ныне приходится платить немалую цену. Иногда платили кровью, порой — жизнью... Отказывались не только от квартиры, но и от куда более весомых ценностей, а ничего, не боялись! Но... если два таких письма пришли почти одновременно в журнал и опубли-

кованы рядом, вместе и под одной рубрикой, — это не может быть случайностью. За этим тривиальным фактом наверняка лежит какая-то скрытая от нашего взгляда закономерность, характерное явление нашего времени. Заметьте: все чаще и чаще в последнее время мы говорим и пишем о моральных категориях, о нравственных ценностях, о духовных критериях, определяющих наши поступки. И не случайно оба адреса журнальной почты говорят одно и то же: с недавнего времени нам трудно стало жить и думать, у нас **болит душа**... Поступки мы совершаем вроде бы правильные, общепринятые приличия не нарушаем, а сами ощущаем свою непорядочность. Отчего, почему?

На такие вопросы не ответишь одним словом. Да и бессмысленно давать рецепты по тому или иному поводу. Мыслить и принимать решение человек обязан сам, как и есть, пить, дышать... Кроме того, анализируя ситуацию, очень важно не перегнуть палку, не обвинить кого-то зря и не обелить напрасно. Требуется лично разобраться и взвесить все: обстоятельства, поступки, личности, судьбу. Как мне кажется, оба письма не дают для этого достаточно материала. И мне вспомнилась одна недавняя история...

Новые стены

С Лидией Ивановной Лежневой мы встретились случайно и в таком месте, где встречаться не очень приятно, — у следователя. Высокая молодая женщина, уверенные жесты, четкие деловые ответы, спокойствие, не поддельное спокойствие, а настоящее, подлинное, когда человек на все сто процентов прав и ему нечего опасаться за свои поступки. И только глаза... Какие-то застывшие, ледяные глаза, они словно отгораживали Лежневу от прочего мира. Здесь, по эту сторону, кипела жизнь, бушевали страсти, стalkerивались интересы и мнения. А там, по ту сторону, — ледяное безмолвие, пустота, отсутствие чего-то очень важного для живого человека.

Итак, мы встретились у следователя. Разговор шел о выполнении Лидией Ивановной своих служебных обязанностей, о ее моральном долге. Но прежде чем поведать суть самого разговора, я хотел бы сделать одно отступление.

Дело в том, что существуют разные образы мышления. Бывает образ мысли юриста, математика, физика... Каждый из нас подводит к той или иной проблеме с особой, присущей его профессии точки зрения. Она воспитывается годами учебы, практической деятельности и постепенно въедается в сознание. Так у шахтера угольная пыль намертво въедается в кожу — не отмоешь!

Юрист, к примеру, прежде всего думает: «Как, в данном случае поступить по закону?» Постепенно эта мысль утверждается в сознании, она как бы уходит в глубину личности, составляет ее психологическую основу. Стоит разрушить этот незыблемый фундамент, отказаться от убеждения, привитого годами жизненного и профессионального опыта, как юрист исчезает, он на наших глазах превращается в человека, лучше других знающего разные законы и положения. Так сказать, знаток инструкций. Не больше. Кстати, среди юристов встречаются иногда такие «зрудиты»: они продолжают оставаться знатоками закона, но перестают быть его хранителями в собственной душе.

К нашей истории это обстоятельство

имеет прямое отношение, ибо главное ее действующее лицо — финансист, то есть человек, поставленный государством для контроля над правильным, законным распоряжением деньгами народа, его материальными ценностями. Государственный контролер, действующий от имени и по поручению общества. Он обязан требовать от всех других строгого соблюдения финансовой дисциплины. Но можно ли требовать ее, не соблюдая таковую самому?

Итак, речь пойдет об управляющей Солнечногорским, что в Московской области, отделением Стройбанка. История, случившаяся с Лежневой, можно сказать, уникальна, хотя в ней нет ни взлома сейфа, ни кражи миллионов. Обыкновенное дело, как утверждает сама Лидия Ивановна.

Но прежде — знаете ли вы, что такое Стройбанк и чем он занимается? Попробую объяснить это на одном простом примере.

Несколько лет назад мы с приятелем решили написать сценарий кинокомедии. Придумали забавный сюжет — пародию на гангстерский фильм. Вообразите: идет заседание мафии, вопрос на повестке дня один — об ограблении банка, да так, чтобы сорвать сразу много-миллиардный куш. Но где найти в мире такой банк, который занимается много-миллиардными операциями? Один из мафиози предлагает поехать в Советский Союз. Там, он слышал, ведется неслыханное в мире строительство жилья, заводов. Деньги вкладываются огромные, а ведают ими одно ведомство — Стройбанк. И дело закипело: изучается русский язык, добываются визы, провозятся контрабандой специальные земляющие аппараты. Подкоп они прокладывают мастерски. И вот удача: подземная ракета, управляемая с помощью новейшей электроники, выводит мафиози в операционный зал Стройбанка. С автоматическими пистолетами, в масках они вламываются в святая святых банка — хранилище многомиллиардных средств. И тут их встречают — нет, не стражи порядка, не майор Пронин и даже не «знатоки»! — их встречают ряды полок с бумагами. Папки уходят далеко за горизонт. Денег в Стройбанке нет. Ни одной копейки! Афера лопнула, занавес.

Не только по сценарию, который так и не был написан, но и в реальной жизни в Стройбанке денег не бывает. Даже заработную плату сотрудникам он получает по чекам в Госбанке, то есть в другой организации. Стройбанк занят тем, что он тщательно наблюдает за строительством, ведущимся в зоне его деятельности, он контролирует правильность расходования средств, материальных фондов, стройматериалов именно на те объекты, которые предусмотрено возвести по плану. И ни копейки, ни кирпича — на сторону! Иначе закроет Стройбанк финансирование и в Госбанке не получат строители заработную плату.

Контроль, контроль и еще раз контроль! Проверка соответствия реальным делам всех составляемых стройорганизациями бумаг: актов на списание материалов, нарядов на выполненные работы, «процентовок» и т. п. Вот примерно то, что входит в прямые обязанности работников Стройбанка, того небольшого коллектива, которым руководит и который вдохновляет управляющий Стройбанком.

Теперь, думается, вам должен быть понятен строй или образ мышления Лежневой: она обязана быть законни-

ком и контролером, как никто другой. Между прочим, до недавнего времени Лидия Ивановна и была такой. Не случайно ее назначили на высокую должность управляющей Стройбанком, хотя со времени окончания ею Московского финансового института прошло немногим более десяти лет. А потом... потом произошла вся эта история, которая поколебала мнение о Лежневой как об идеальном контролере.

Началось все с того, что Лидия Ивановна решила отремонтировать свою контору. Пришла она как-то зимним туманным утром в кабинет, и все ей показалось тусклым, серым. Стены какие-то обшарпанные, теснота, неуют, папки с бумагами навалены прямо на столах — негде цветочек поставить!

Надо произвести текущий ремонт, подумала Лежнева. Но как, за счет каких средств? Не самим же клеить обои... На ремонт необходимо получить разрешение вышестоящего начальства, нужны деньги, смета, материалы, люди... Хлопот не оберешься. А зачем, подумала холодно Лежнева, зачем хлопотать, когда стоит лишь мигнуть — тебе все сделают и еще спасибо скажут? Стоит лишь отказаться от каких-то нравственных мелочей в своей работе, нажать на кое-какие педали — и все.

Человек умный, холодный и расчетливый — качества, отнюдь не противоположные для финансиста, — она разработала идеальный план. Значит, так...

Первый ход — самый простой, невинный: ревизия в одной из «слабых» организаций — в строительном-монтажном поезде № 250 (СМП-250). Особенно и придираться не пришлось, все вылезло наружу сразу: руководство СМП-250 не принимало мер к своевременному списанию материалов, дело велось из рук вон плохо, планы не выполнялись. И акт как-то сам собой получился разгромным. Без дополнительных усилий.

По мысли Лежневой, ответный ход должен был совершить руководитель СМП-250, ибо он понимал, что такой акт грозит ему увольнением с должности. И вот главный инженер едет к Лежневой — на переговоры: не положит ли банк сей документ под сукно?

Дальше партия разыгрывалась как по нотам. Лежнева улыбулась милостиво: да, положит, если СМП-250 достанет для ремонта банка декоративную плиту.

Окрыленный главный инженер лично едет на соседнюю мебельную фабрику, вырабатывающую эту декоративную плиту, договаривается о ее получении в счет причитающихся СМП-250 фондов, и в тот же день плита привозится в Стройбанк.

Кабинет управляющей и коридоры Стройбанка были отремонтированы на славу! Новые стены радовали хозяев и посетителей множеством аккуратных полок. Кабинет сверкал, управляющая банком была довольна. Оставался, правда, щекотливый вопрос о деньгах за декоративную плиту. Но СМП скромно не напоминать о деньгах — лишь бы акту не дали ход! Стройбанк же за неимением средств на ремонт вообще платить не собирался. А поскольку полученные стройматериалы надо было куда-то списать, их отнесли за счет одного из стройобъектов — здания капитально ремонтирующейся Солнечногорской милиции. Но заказчик решительно вычеркнул эту плиту из счетов на оплату — он же ее не получал. Да и где ему взять ее, когда такая плита строго фондируется Госнабом, ее так просто не получишь.

И поползла эта злосчастная декора-

Продолжаем разговор о порядочности, начатый нашими читателями Аной М. из Ленинграда и Виталием С. из Новочеркасска («Смена» № 3). В своих письмах они поставили очень важные морально-нравственные вопросы. Жизненные обстоятельства, в которых однажды они оказались, заставили их задуматься: а порядочные ли они люди? И что, собственно, сегодня входит в понятие «порядочный человек»? Об этом же шел разговор в очерке А. Васинского «Как выяснять отношения» («Смена» № 6). Мы публикуем еще один очерк, в котором на двух примерах понятие «порядочность» рассматривается в новом аспекте, а именно как щепетильность. Щепетильность не только в крупном, имеющем общественное значение деле, но и в так называемых «мелочах жизни».

Дискуссия на тему «Что значит — порядочный человек?» продолжается. Ждем ваших писем.

тивная плита по бухгалтерским отчетам «красным»... Тем самым «красным», которое позором клеймилось в акте ревизии, составленном Лежневой.

Операция, как видите, чистенькая, простенькая, как гамма на кларнете. И проведена она тонко, умно, без взлома, без этих ужасных подземных ракет и электроники. Куда там итальянцам! Правда, сумма небольшая, не миллиарды, но каков принцип?

Кстати, о принципах. О нравственных критериях такого поступка. Порядочен ли он, достоин ли финансиста, управляющего банком? Как он сочетается с кодексом чести?

— Лидия Ивановна, — спрашиваю, — как же вы это так? Вы, должностное лицо, поставленное контролировать правильность реализации фондов, договариваетесь с одной из подопечных вам организаций о неправильном расходовании этих самых фондов, то есть поступаете прямо-таки вопреки должностной инструкции... Или скажем иначе: вы, должностное лицо, призванное контролировать законность материально-финансовых операций, заключаете незаконную сделку с одним из контролируемых вами предприятий. Вы считаете это порядочным?

Полное недоумение написано на лице Лидии Ивановны. И никакой иной реакции. Пустые, равнодушные глаза, спокойная улыбка. Она пожимает плечами: — Да что же тут такого? Не пойму я что-то вас... Какая порядочность? Я что: преступление совершила или как?

Вот и весь разговор. Часа два бились мы со следователем, пытаюсь натолкнуть Лежневу на элементарную мысль о нравственном долге, о морали, о тревоге души и сердца, — никакого эффекта. В конце концов я даже позавидовал ей: ведь до чего легко и просто живется человеку. В голове одни только деловые соображения: выгодно — невыгодно, умело — неумело, сумел обговорить — не сумел, и все, и никаких нравственных мук и волнений. Это как раз тот случай, когда бессмысленно обращаться к совести человека, потому что для него в этом деле нет проблемы.

По-настоящему же проблема возникает лишь тогда, когда человек стоит перед выбором.

Мне вспомнился умный и какой-то очень sensitive фильм «Старые стены». Он имел шумный успех, и думается, не случайно. Героиня фильма — директор фабрики, деловая женщина, умеющая толково руководить фабричным коллективом, — попадает в трудное положение. Помните: сдается дом, предстоит распределить в нем жилье. Директор фабрики должна решить, кому дать новые квартиры: молодым специалистам, многодетным работникам, передовикам производства или же пенсионерам, всю жизнь положившим на фабрику. И она едет к пенсионерам, рассматривает их старый дом с коммунальными квартирами, входит в комнаты к старушкам, которые теперь вроде не нужны фабрике... Она чувствует свою, директорскую ответственность перед этими людьми и здесь же решает, что новый дом должен открыть свои двери для пенсионеров. Решение нелегкое, выбор чреват духовными потерями — нарушение честного слова, которое давалось кому-то ранее, нарушение, наконец, очередности, установленной завкомом... И все же она идет на это, понимая, что ее высший долг — здесь, перед этими старыми работниками и старыми стенами фабрики.

Да, «старые стены» фильма оказа-

лись куда нравственнее и чище «новых стен», «возведенных» Лежневой. И уж если говорить начистоту, то и новых стен квартиры одного из двух авторов писем в «Смену», обогнавшего своих товарищей по цеху. «Что мне было делать? — пишет Виталий С. — Отказаться от квартиры? Но такого у нас еще никогда не случалось...» А ведь прав — действительно ни разу я не слышал, чтобы кто-то отказался от квартиры, раз дают, да еще бесплатно. Вот и от премии никто ни разу не отказывался. А отказался — и, пожалуй, целый фильм... Нет, не простая эта штука — нравственный выбор между порядочностью и непорядочностью, между совестью и уютом.

Что должен уметь настоящий мужчина?

Несколько лет назад в Белгороде я познакомился с одним горняком. Умный инженер, хороший семьянин, он тяжело переживал историю, происшедшую с сыном.

— Понимаете, я всю жизнь мотаюсь по карьерам, шахтам, забоям. Половина жизни — под землей, — рассказывал он. — Работа тяжелая, тяжелее не бывает. Я надеялся: вот вырастет сын, так хоть он будет заниматься чем-нибудь другим. Ну, пойдете на завод — все же на поверхности, солнышко будет светить ему в окно... И чтобы он понимал, как трудно живется горняку, брал его с собой в шахту, показывал, каким потом достается нам железная руда. И что же вы думаете? Подошло время поступать в институт, он взял и пошел в Горный! «Настоящая», — говорит, — мужская работа, отец, другого дела искать не стану». Пришлось согласиться...

Я вспомнил эту историю потому, что у одного из моих друзей на Курской магнитной аномалии, Героя Социалистического Труда, инструктора-машиниста экскаватора Василия Федоровича Лямина, сын Валерий ушел с рудника, не захотел быть горняком. Такой, знаете ли, произошел случай — трудный, не всем понятный... И старший Лямин сильно переживал по этому поводу, но сыну не сказал ни слова. Только мне пожаловался:

— Ну, что ему на руднике не хватало? Отец рядом, если что не так — поможет, научит... Так нет, видишь ли, самостоятельности ему мало.

Лямин подумал и неожиданно добавил:

— Он, конечно, прав, но и мне тяжело. Когда отец так говорит о сыне, мне думается, надо разобраться в характере сына.

Больше всего на свете Валерий любит самостоятельность. Он привык считать себя с собой, со своим мнением. И порой идет наперекор мнению окружающих, даже если это противоречит общепринятым понятиям.

В школе он учился средне — слишком увлекался... Началось увлечение химией — он стал выдумывать какие-то взрывающиеся порошки, того и гляди вся комната взлетит на воздух. Потом порошки куда-то исчезли, зато появилось увлечение электроникой: на его рабочем столе теперь были разбитые магнитофоны, старенькие телевизоры, приемники... Отец говорил:

— Ну, что ты в этом хламе смыслишь? Ты пойдешь в кружок, там ребята постарше тебя — научат.

Валерий в кружок не пошел, заявив: хочу научиться сам. А там все делают под чьим-нибудь руководством.

Закончил он школу, встал вопрос: куда дальше? Валерий не захотел поступать в институт, пошел работать на горно-обогатительный комбинат помощником машиниста экскаватора. К отцу... Потом тут же, на комбинате, перешел в электрики — все не так далеко от любимой электроники. Начали его уговаривать поступать в институт на заочный. Мол, должен же ты учиться, расти, и вообще... Валерий подумал и согласился. Проучился в институте четыре года и перед самой защитой диплома бросил. Почему?

— Очень просто: пришлось бы переходить на инженерную должность, — отвечает. — А я хочу работать руками. Я взял от института все, что мне надо. Но если бы перешел в «начальники» — перестал бы себя уважать.

А Валерию Лямину есть за что уважать себя, это верно. У него руки золотые. Талант. За паяльником, в работе с пинцетом, монтажными кусачками он бог. Когда монтирует схему, налаживает агрегат, то поражаешься хирургической точности, ювелирной красоте и рабочей скорости его движений. Профессорская работа!

Но не об этом сейчас речь. Мы ведем разговор о нравственном выборе, о сохранении чувства порядочности, ответственности за свои поступки. Итак, Валерий Лямин ушел с рудника. Отец уехал в отпуск, и Валерий тут же подал заявление: «Прошу уволить по собственному...» Не стал обсуждать этот вопрос на семейном совете, не посчитался с мнением отца.

Тут важно даже не столько, почему ушел, сколько куда. Валерий не захотел быть горняком потому, что посчитал важнее для себя следовать призванию. Он перешел на Старооскольский завод автотракторного электрооборудования (АТЭ) бригадиром наладчиков, в группу КИП. И до него работала в КИПе бригада наладчиков. А пришел Лямин — многое изменилось.

Михаил Юдин, бывший ранее бригадиром, работал неплохо. Знал дело, его уважали рабочие. Но у него на первом плане было: сколько мы получим, если выполним в срок или досрочно производственное задание? Будет заработок или окажемся, как иногда говорят на производстве, в прогаре?

Не собираясь осуждать такой подход к делу, наоборот, считаю его правильным: бригадир обязан думать о зарплате своих товарищей. Он не имеет права упускать из виду это существенное обстоятельство, иначе... иначе какой же он бригадир?

А все же одного заработка для счастья недостаточно!

С первых дней своего бригадирства на АТЭ Лямин дал понять наладчикам КИПа, что суть их дела — не только в процентах нормы. Надо еще, чтобы самим было интересно.

— Понимаете, как можно по-разному подходить к одной проблеме! — рассказывал мне заместитель начальника цеха Дмитрий Тимофеевич Титаренко. — Юдин первым делом спрашивал: «Сколько мы будем иметь?» Лямин берет у меня из рук схему будущего прибора, рассматривает ее внимательно, а потом говорит: «Знаете, здесь можно сделать проще. Вот так и так... А вообще-то интересная идея, стоит потрудиться!» И мы начинаем вертеть и крутить эту идею все вместе — Валерий, я, наладчики... Нам всем интересно! Это же другой разговор, верно?

Я ходил по цеху и приглядывался. На стене висит огромная доска, на ней

установлены электронные часы. Рядом — табло, на котором все время меняются цифры, показывая число деталей, сошедших с конвейера. Утром, когда начинается смена, звенит звонок и автоматически включаются часы, играет музыка, освещается конвейер. В углу цеха, где стоят аквариумы с рыбками, есть еще и стенд цветомузыки. В перерывах работницы, занятые на сборке миниатюрных деталей, могут отдохнуть, посидеть в этом уголке среди зелени, аквариумов, посмотреть и послушать успокаивающую нервы цветомузыку.

В кабинете начальника цеха установлен специальный информатор, показывающий число собранных узлов на каждый момент смены. В цехе висит электронный термометр... Все это, между прочим, сделано в рабочее время и той самой бригадой наладчиков, которая раньше обслуживала только станки. Естественно, и заработок бригады повысился — каждая работа оплачивается. Но суть перемен в бригаде не в зарплатке, во всяком случае, не в нем одном. Появился интерес к делу, возникла потребность в творчестве.

Валерий Лямин, вообще говоря, не любит скрываться себя одной-единственной целью и одним-единственным умением. Дома в комнате у Валерия специальный будильник. Никаких звонков — только музыка. Она включается и выключается автоматически, а рассчитана по часам. На каждое время — свой ритм, свой жанр, своя песня или танец. Отец эту музыку не жалует, вкусы у них разные. Но терпит. Как терпит и уважает поступки сына, понимая, что Валерий тщательно продумывает их, прежде чем совершить.

И потому, когда Валерий ушел с рудника, отец понял его и не захотел встать поперек дороги. Почему?

Есть такое слово — «щепетильность». На руднике Валерий Лямин работал очень хорошо. Были и благодарности и премии. Но каждый раз, получая премию, он думал: «А не потому ли меня хвалят на руднике, что здесь трудится мой отец, Герой Социалистического Труда, член бюро горкома партии? Не тень ли его славы ложится на меня?» Этого он, человек щепетильный и совестливый, допустить не мог. Сама мысль о том, что кто-то может подумать именно так и поставить под сомнение его порядочность, была невыносима.

И он ушел на другое предприятие. На завод, где сам отвечал за свои поступки и сам зарабатывал себе авторитет. А ведь мог и иначе... Мог закончить институт, мог быстро выдвинуться на руднике, стать мастером, через два-три года — начальником участка, а там, глядишь, и главным инженером комбината, директором... Карьера у него взвивалась бы ввысь ракетой!

Но Валерий Лямин думает иначе. Он строит свою жизнь на высоком чувстве нравственного долга перед собой, перед окружающими его людьми. И если он станет директором, то это будет лишь тогда, когда он почувствует, что это нужно делу. И что он имеет моральное право на такую должность.

Быть может, именно такое чувство и составляет основу порядочности?

Не знаю, но уверен в одном: правильный нравственный выбор всегда труден и сложен. И возможен он лишь тогда, когда человек мыслит нравственными категориями, когда он задумывается о добре и зле, об этической оценке своих поступков до того, как они совершены. И только внутренняя правота приносит успокоение.

Второй день мать не вставала с постели, а сегодня ей и вовсе сделалось плохо, и она то ли была в забытьи, то ли дремала от слабости. В маленькой комнате, куда они (Валерка, его мать и соседка тетя Маша — все, кто остался в большой, когда-то шумной коммунальной квартире) собрались, чтобы сохранить больше тепла, стояла ненасытная железная печка. Сожгли уже почти все, что горело, теперь наступила очередь соседкиного шкафа. С утра Валерка помогал тете Маше ломать его — это было нелегко. Вооружившись топором, она разбивала ящики, а он оттаскивал доски в сторону. Работая так, они часто присаживались отдыхать на покрытую серым инеем голую железную кровать — в комнате соседки было холодно, как на улице.

— Вот он, Новый год-то какой, — говорила она, отдуваясь. — Полезную вещь рушим, чтобы согреться. — Она подмигнула Валерке. — Но ничего, парень, не расстраивайся. Дед Мороз, конечно, к нам не придет, а вот отца твоего, может, на денек-то отпустят...

Теперь уже Валерка не мог не думать об отце и о том, как он появится на пороге поздно вечером. Он был уверен: стоит отцу прийти — и кончатся все их беды.

Последнее время тетя Маша не оставалась ночевать на заводе, как она делала это раньше, а возвращалась домой и часто чего-нибудь приносила с собой, подкармливала Валерку. Сама она едва держалась на ногах, но пергаментно-серое, изможденное лицо ее всегда было веселым, ласковым прищур глаз успокаивал, и весь ее словно и не меняющийся ладный, уютный облик, казалось, говорил: «Это все ничего, пустяки... переживем — вот увидите!»

Валерка сдвинул заслонку печки и подбросил несколько щепок. Он чувствовал себя неважно, его пошатывало, время от времени кружилась голова, а впереди еще долгий унылый день — на сегодня положенное уже съедено и ничего больше не будет до самого вечера, а может, и до завтра. После утренней еды Валерка долго не мог успокоиться: желудок, вобрав жалкие крохи пищи, приготовился принять еще, но его обманули, и он, будто существо, отдельно жившее внутри, обезумел, взбунтовался — казалось, раздрав внутренности, он вырвется через горло наружу, чтобы пожирать все на своем пути.

Рисунок Владимира РОДИНА

ДЕНЬ ДО В

Так было сначала, потом боль утихла, но не думать о еде было невозможно. Валерка то бродил, как лунатик, по комнате, то подсаживался к печке. Желтое пламя в ней весело гудело, доски от разбитых ящиков сгорали быстро, превращаясь в кучу мерцающего пепла.

Чтобы немного отвлечься от голода, Валерка придумал игру. Дождавшись, когда в печке прогорит очередная порция деревяшек, он разбивал кочергой остатки на мелкие угольки и собирал их потом в небольшой вал. Пышущая жаром грудка угольев исходила ярким оранжевым сиянием. Он следил, как угли становятся багровыми и начинают темнеть — вот в это самое время все покрывается тонким слоем седого пепла, а из-под него то здесь, то там выплескиваются, тут же угасая, синие огоньки. Получалось, что в темном чреве печки, как бы занесенный снегом, ошетикивался огнем по врагу окоп: то отдельными выстрелами освещалась в ночи позиция, а то вдруг перебежал залп вдоль всей линии.

Валерка принимался считать выстрелы и залпы,

и чем больше считал, тем легче становилось у него на сердце, словно они могли помочь нашим навсегда уничтожить жестокого врага. В том, что это будет, он не сомневался. Там, на фронте, все бойцы были такими, как его отец, а уж с ним — он был в этом твердо уверен — не сможет сладить никто во всем мире. Бывало, посадит отец Валерку на ладонь, да так, одной рукой, и поднимет его над собой. И он тоже будет похожим на отца, надо только потерпеть, побороть голод.

Валерка вздохнул и прислушался. Тетя Маша хлопотала возле матери: осторожно, по капле, она вливала теплую воду в ее безжизненный рот. Словно сквозь сон, Валерка слышал шепот тети Маши, но слова не доходили до его сознания. Он знал, что она просовывает сквозь стиснутые зубы матери припасенные крошки хлеба, которые мать ни за что бы не стала есть, будь она не в беспомощности. Он догадывался, что тетя Маша старается делать это тайком от него. Голодное воображение услужливо рисовало ему картину кормления, и Валерка не выдержал:

— Тетя Маш, я — во двор... Она повернулась и некоторое время внимательно, молча смотрела на него, потом сказала: — Но только туда — и обратно.

Выходя на площадку, он нечаянно стукнул дверью — гулкое эхо камнем свалилось в холодный пустой лестничный пролет. Валерка принялся осторожно спускаться вниз, при этом старался держаться подальше от стен, которые сквозили холодом, и не касаться заиндевевших перил.

Во дворе он постоял немного, отдыхая и привыкая к свету, который шел от огромных сугробов снега, хотя края их были в грязно-желтых потеках и промоянах. Двор был безлюден, пустые окна глядели в него глухо и отчужденно.

Обратно Валерка поднимался медленнее и отдыхал на каждой площадке. Ему осталось одолеть последний отрезок лестницы, когда он услышал сзади чьи-то шаги и остановился.

По лестнице тяжело взбиралась соседка с верхнего этажа. Валеркины ноги приросли к месту: Вера Андреевна, торопясь так, будто кто гнался за ней,

ела хлеб, по лицу ее текли слезы, и она глотала их вместе с хлебом. Он отчетливо видел темный брусочек, от которого она с жадностью откусывала и судорожно проглатывала, брусочек этот приковал его взгляд и придвигался к нему все ближе и ближе. Валерка понимал — на это нельзя смотреть, но отвести глаза не удавалось. Он сказал себе: надо просто отвернуться — но голова его не шелохнулась. Тогда он приказал себе сделать это, и на какое-то мгновение в его голодном сознании произошел сдвиг: ему почудилось, что он отвернулся, а глаза его остались на месте (мелькнула мысль: как такое может быть?). Очнувшись, он обнаружил, что ничего такого с ним не произошло: он не отрываясь смотрел на хлеб, как и раньше, не поворачивая головы. «Это я заснул на минутку, и мне приснилось, что я отвернулся...» — с тоской подумал он, и вдруг ему показалось, что рот его полон слюны. Валерка судорожно глотнул, но слюны не было — высохшее горло прорезала боль, в нем перекатился сухой и жесткий, словно корка хлеба, комок воздуха. Желудок горел — каждая его клеточка кричала о спасении. Валерка почувствовал, как у него задрожали руки, и понял: сейчас он бросится и обеими руками вцепится в этот кусок, уменьшающийся на глазах...

Ему стало страшно. Едва передвигая ослабевшие ноги, он с трудом развернул и переместил себя вместе со своей головой и глазами ближе к углу, увидел перед собой покрывную легкой мерцающей изморозью стену.

Женщина медленно и отрешенно прошла мимо, будто его тут и не было, на ходу она рассматривала свою ладонь, видно, выискивала — не осталось ли там чего. Валерку она не признала, а может, просто не видела. Он вспомнил, что у Веры Андреевны были две девочки, Сима и Наташка, которых он уже несколько дней не встречал на лестнице. Валерка подумал о них и тут же забыл — во всем теле была такая слабость, что ноги подгибались в коленях, тряслись руки, и ему хотелось сесть и закрыть глаза, и он уже было начал поддаваться этому сладкому желанию, но в замутившемся сознании проявилось безжизненное лицо матери и возвратило ему память о том, что он не один, что в нескольких шагах остались родные ему люди. К нему вернулся потерянный на какое-то время слух, и он услышал шаги — соседка все еще поднималась на свой этаж.

Валерка постоял еще немного, подождал, пока стало тихо, и сделал первый шаг. Непроизвольно, без всякого повода — он вовсе не собирался глотать еще раз — по его горлу, казалось, начавшись в самом желудке, вновь прошла мучительная судорога, она потрясла все его маленькое высохшее тело, и он заплакал.

Кое-как, боясь упасть на лестнице, держась за стену, он добрался до своей площадки. Последнее, что он слышал, — звук открываемой двери. Здесь, возле тети Маши, Валерка падал легко, без страха и очень плавно, будто это было в воде. И совсем не больно и тепло, как на пляже, когда вдруг задремлешь под ласковым солнышком...

Очнувшись он на кушетке возле печи, узнал скло-

— Ты вот что, Валерка, ты ведь у нас мужик-то один, а потому на тебя вся надежда. Ты о нас не забывай — не годится так. Вот уже мать проснулась да про тебя спрашивала, я сказала ей — прилег, мол, спи, так ты меня не подводи, не показывай виду, что плохо тебе, держись, ты же мужчина...

Валерка приподнялся — комната легонько качнулась и поплыла перед глазами, но когда ноги его коснулись пола, все снова встало на свое место.

— Ну вот, я так и знала — ты молодец, — просяла тетя Маша, — ну-ка, ну-ка, пройдишь, я погляжу...

Валерка встал с кушетки и сделал несколько не совсем уверенных шагов. Тетя Маша испуганно глянула в сторону кровати, но Валеркина мать снова была в забытии: рука ее, лежавшая поверх одеяла, чуть заметно поднималась и опускалась.

— Ну, ничего, ничего... расходишься. Ты посмотри-ка за матерью да про печку не забывай и никуда не выходи, а я сейчас, я скоро...

Тетя Маша плотно повязала голову и шею платком, надела ватник и, прихватив сумку, ушла.

Валерка, вздохнув, подошел к матери — она покойно дышала, повернув к стене голову. Здесь, возле окна, было холоднее, и он вернулся в свой угол, подбросил в печку щепок и немного посидел рядом, глядя на то, как старые, покрытые краской дощечки занялись пламенем.

Голова уже не кружилась, чувство голода поутихло, но ему было не по себе, он как будто хотел что-то вспомнить и не мог. Когда он очнулся на кушетке, странный сон слетел с него и забылся, но в нем засело смутное беспокойство. Оно мешало, как заноза, все время, пока он слушал тетю Машу и ходил по комнате. Неотвязное чувство, что он что-то забыл, не давало покоя и мучило, словно зубная боль.

Вдруг Валерка отпрянул от печки, его даже бросило в жар, и бешено заколотилось сердце — там, на лестнице, Вера Андреевна могла уронить кусочек хлеба, не зря же она рассматривала свою руку!

Он заторопился, вышел на лестницу и стал спускаться, пристально осматривая каждую ступеньку. Исследовав освещенную часть площадки, на которой он стоял тогда, и не найдя ничего, он опустился на колени и принялся шарить по полу. Ладони быстро онемели от холода, но он упорно искал. В темном углу рука его наткнулась на твердый комочек, и ему сдавило горло от радости. Щепка держала то, что он искал. Валерка поднялся, вышел на свет и разжал кулак. Это был не хлеб, и он выронил слегка подтаявшую в руке находку.

Возвратился он в комнату совсем разбитый и долго сидел, трясая возле печки, и не слышал, как его тихо окликнула мать. Ей пришлось позвать его несколько раз, изо всех сил возвысив голос. Наконец он услышал ее (будто из далекого далека) и вздрогнул от неожиданности.

Мать сидела, опершись обеими руками о край кровати, в глазах ее плавал беспокойный лихорадочный свет, который шел изнутри и пугал Валерку.

— Сынок... — повторила она почти шепотом. — Как ты?

Валерка припомнил наставления тети Маши и, стараясь не смотреть на мать, ответил:

— Да я ничего, мама. Мать попросила его не прятать глаза, и тогда он выдержал ее испытующий взгляд. Но молчание затягивалось, и он неожиданно для себя сказал:

— А знаешь, сегодня папа прийти к нам должен...

Бледные, ввалившиеся щеки матери чуть порозовели.

— Ну уж, откуда ты знаешь? — А вот увидишь, — сказал Валерка. — Ты ложись, тебе отдыхать надо... — Придет он, папка наш, придет... Только позже, сынок, когда вражину победит. Он, сынок, обязательно победить должен. А мы его не подвести здесь...

Когда пришла тетя Маша и застала мать сидящей, а Валерку хлопочущим возле печки, она всплеснула руками.

— Вот здорово, вот это молодцы. Я так и знала: приду, думаю, а они тут всю делами занимаются. — Она засмеялась. — Не-е-т, нас так просто не

возьмешь, мы им еще покажем! Они у нас еще попла-а-чут, — приговаривала она, раздеваясь, а Валерка с жадностью, с надеждой на невозможное чудо смотрел на ее черную сумку.

Чудо свершилось — тетя Маша достала хлеб (цельный кирпичик!) и головку сахара. Мать в ужасе прикрыла ладонью рот и спросила ее про старинный золотой медальон: тетя Маша с девических лет хранила его, и это было единственное, что у нее оставалось.

— Ничего-о-о, — как-то весело и беспечно пропела она. — Они думают, что мы все перемрем... А мы выдюжим!

Валерка почти не разбирал ее слов, все его существо заполнилось ощущением предстоящего. Он снова почувствовал слабость в ногах и, чтобы скрыть это, тихонок присел на кушетку, сделал вид, что подбирает щепки с пола.

Отхлебывая горячую, подслащенную воду и глотать распаренные, размокшие кусочки хлеба — какое пиршество может сравниться с этим!

У матери лоб покрылся испариной: видно, принять столько пищи сразу теперь стоило ей немалого труда. Она легла и в изнеможении прикрыла глаза. Валерку после еды стала одолевать дремота (желудок его наконец успокоился), и он не заметил, как провалился в теплый черныи мешок сна, в котором не чувствуешь ни единой клеточки тела и густые потемки сознания не мучают больше тем, что было или будет в жизни...

А вечером, когда все проснулись, тетя Маша принесла из своей комнаты запыленную коробку, в которой оказались елочные игрушки и завернутый в зеленую бумагу небольшой Дед Мороз. После долгих поисков нашли моток проволоки. Под руководством тети Маши Валерка вырезал из зеленой бумаги полосы, она соединяла их с кусками проволоки, а те, в свою очередь, прикрепляла к длинной щепке. Работали при свете печного пламени, медленно, не торопясь, и незаметно в руках у них родилась молодая и красивая елочка. Слабо освещенное лицо матери счастливо улыбалось им из темноты. Закончив, воткнули елку в щель между досками рассыпанной крышки тумбочки, повесили игрушки, набросали немного ваты, нащипанной из шубы Деда Мороза, — и елка была готова.

«А теперь — за гаданье!» —скомандовала тетя Маша. Она положила на блюдце комок смятой бумаги и подожгла, а блюдце подняла и приставила к стене. Языки пламени проворно перебежали по бумаге, она стеживалась, желтела и, разом вспыхнув и прогорев, становилась прозрачно розовой, потом чернела, превращалась в пепел, который тлел огненными разводами и колебался слегка от осторожного дыхания тети Маши. На стене шевелились тени. Они пропадали и вновь появлялись, в них чудился отблеск пожара, в них было что-то от невиданной никогда жестокой войны. Внезапно с блюдца сорвалась горка пепла, тень скользнула по стене, легко слетела на пол и рассыпалась. Мать вскрикнула. Тетя Маша смущенной скороговоркой запричитала:

— Ну вот, какая из меня гадалка! Не к месту вздохнула — оно и слетело. Да и гадать-то надо в полночь...

Потом долго перебирали старые фотографии. Из рук в руки переходила фотокарточка отца в белой расшитой косоворотке — таким миром веяло от его вида, от молодой доброй улыбки, что трудно было представить его в шинели с винтовкой в руках. Валерке попалась открытка, изображавшая бой. Немец, одетый в противно-зеленый мундир, занес штык над упавшим красноармейцем, а другой наш боец замахнулся над головой немца прикладом. Лицо у врага было синее, с выпученными глазами, в страшной каске он был похож на чудовище, а штык был плоский и металлически блестящий, как бритва. Невозможно было понять, кто из них успеет раньше, и Валерка с досады бросил открытку в печь.

Разглядывая довоенные снимки, слушая, как тихо разговаривают мать и тетя Маша, он вспоминал, как весело когда-то праздновали Новый год, как много было гостей, и, вспоминая, отрывался от какой-нибудь фотографии и оглядывал полуосвещенную багровым светом убогую комнату. И так бесконечно далеко отодвигались эти воспоминания, будто ничего и не было вовсе, а так — приснилось когда-нибудь...

Под монотонный говор женщин Валерка задремал, так и не дождавшись полуночи. И вдруг увидел: в дверях стоит отец. У Валерки защемило в носу и стало горячо глазам, со всех ног он бросился к нему и ткнулся в пахнущую снегом и ветром холодную кожу полушубка...

В слабом отсвете затухающей печки на лице мальчишки блуждала счастливая улыбка.

ЕЩЕ РАЗ

ненную над ним тетю Машу и удивился: она плакала. Этого он никогда раньше не видел. Потом лицо ее отодвинулось, и в тесную их комнатку бесшумно вошел здоровенный Дед Мороз, и сразу стало холодно. Валерке дед показался знакомым, но он никак не мог вспомнить, где он видел эти прозрачные ледяные бусины, поблескивающие из-под мохнатых седых бровей. Дед уселся на скамеечку перед печкой и, не снимая рукавиц, протянул к огню руки. Валерка ахнул — веселое янтарное пламя вдруг сделалось черным, а печь покрылась густым белым инеем. Он почувствовал, как холод подбирается к нему, как стынют ноги, и узнал деда — ведь это он заморозил целый лес со всеми зверьями и птицами, а теперь вот добрался... «Мама!» — еле слышно позвал Валерка.

Дед исчез, и огонь стал прежним, и тетя Маша сказала сердито и громко:

— Ну вот, ну вот, ты чего это среди бела дня спать-то взялся?

Потом она наклонилась к нему и зашептала на ухо:

Владимир ВАСИН,
чемпион Олимпийских игр
1972 года
по прыжкам в воду,
заслуженный мастер спорта,
заместитель заведующего
отделом спортивной
и оборонно-массовой
работы ЦК ВЛКСМ

Помню тот вечер. Тихий, теплый, ясный. Час назад я стал олимпийским чемпионом. Улеглись первые восторги и страсти. Прошло ошеломление, которое неизбежно приносит высшая спортивная победа. Вместе с тренером Татьяной Максимовной Петрухиной я иду из бассейна в Олимпийскую деревню. Мы говорим о каких-то малозначимых вещах — о погоде, о городе, вспоминаем реакцию трибун на мой последний прыжок, вопросы журналистов. Говорим о чем угодно, только не о том главном, что свершилось сегодня в моей жизни и ее судьбе. И тут я понимаю, что ничего неожиданного, непредполагаемого не произошло, во всем была своя закономерность: в моем выборе, в неудачах, в победах. Золотая медаль в Мюнхене — логическое завершение пути, кото-

ские упражнения. Он стоял и смотрел, как мы оттягиваем носочки, прыгаем, ходим. А я не понимал, зачем все это нужно, если мы будем плавать.

После первого тура нас осталось значительно меньше. Потом нас привели в бассейн. Жигалов показал на пятиметровую вышку и сказал, что с нее надо прыгнуть. И тут до меня дошло, что если я сейчас прыгну, то буду заниматься в прыжковой секции. Это не так просто, как может показаться, пять метров — немалая высота и для взрослого, а уж тем более для одиннадцатилетнего мальчика. В большинстве видов вступление в спорт происходит как-то мягче, спокойнее, без видимого риска. А в прыжках именно так: хочешь заниматься — прыгай, боишься — ищи что-нибудь другое. Страх надо преодолеть сразу.

Я закрыл глаза и шагнул вниз. Время, которое я летел, показалось мне вечно. Но когда все-таки долетел и коснулся воды, я испытал непередаваемую радость, чувство первой победы над собой. Испытал так остро, что оно осталось во мне на всю жизнь.

Все началось с этого прыжка. Меня приняли в секцию и сказали, чтобы я приходил в бассейн три раза в неделю. А я приходил каждый день и, если мне удавалось позаниматься лишней час, был счастлив. Я полюбил свой спорт сразу и, как говорится, безоговорочно. Тренировался много, старался побыстрее перейти от простого к сложному, что было не всегда хорошо. Но Жигалов давал нам волю, больше обращая внимание на уже именитых мастеров. А потом я и вовсе оказался без тренера: Алексей Петрович не мог уделять время нам, мальчишкам. Это случилось как раз накануне первенства Москвы, моих первых крупных соревнований.

Тогда на меня и обратила внимание Татьяна Максимовна Петрухина. К тому времени под ее руководством Нинель Крутова завоевала в этом виде спорта первую для нас олимпийскую медаль в Риме на 10-метровой вышке. Петрухина тренировала Крутову там же, на Мирановской. В те годы у нас в бассейне вообще собрались, пожалуй, лучшие

ПУТЬ, ПРОЙДЕННЫЙ ВДВОЕМ

рый мы прошли вместе с Петрухиной, и значит, о самой медали говорить нечего. А вот о пути к ней, пожалуй, стоит.

Итак, выбор. Был ли в нем элемент случайности? Был. Но я много раз видел, как именно благодаря случаю молодой человек при всем диапазоне его физических возможностей попадал именно в тот вид спорта, который ему больше всего подходит. В четвертом классе я решил заняться спортом — все равно каким, лишь бы мужественным и красивым. В пяти троллейбусных остановках от моего дома находился бассейн на Мирановской, один из самых старых в Москве (потом ему суждено было пережить второе рождение и стать высококлассным спортивным сооружением). Вместе с ребятами из нашей школы мы однажды приехали в бассейн, а там как раз шла запись в прыжковую секцию. Но я тогда этого не знал. Нас построили, и тренер (оказалось, что это был сам Алексей Жигалов, многократный чемпион страны) предложил нам проделать элементарные гимнастиче-

тренерские силы — Жигалов, Петрухина, Баркан, Богдановская, Скорлупина. В общем, подошла ко мне Татьяна Максимовна после соревнований и сказала: «Давай-ка я за тобой посмотрю». Было это в 1961 году. Расстались мы с Татьяной Максимовной как с тренером через 12 лет.

Обычно не спортсмен выбирает тренера, а наоборот, особенно в начальный, ученический период. Сам спортсмен не всегда знает, что руководит известным тренером, когда тот предлагает ему свою помощь. Возможно, наставник сумел разглядеть в еще не оперившемся ученике будущего мастера, чья спортивная слава со временем станет и его тренерской славой. Возможно, тренер хочет просто помочь раскрыться своему подопечному до конца, и уже потом решать: вести ли его дальше. Возможно, тренером руководит чисто человеческие побуждения — хочет человек заниматься спортом, так почему бы не помочь ему... Как бы то ни было, сам факт доверия Петрухиной ко мне подстегнул меня, придал решимости. Тогда я еще не знал, что Петрухина станет для меня не просто спортивным педагогом, но и духовным, нравственным наставником, практически второй матерью.

Я был слабее многих ее воспитанников физически, отставал в акробатике, хореографии, технике, мне не хватало резкости. Поэтому пришлось начинать сначала — сухой трамплин, батут, прыж-

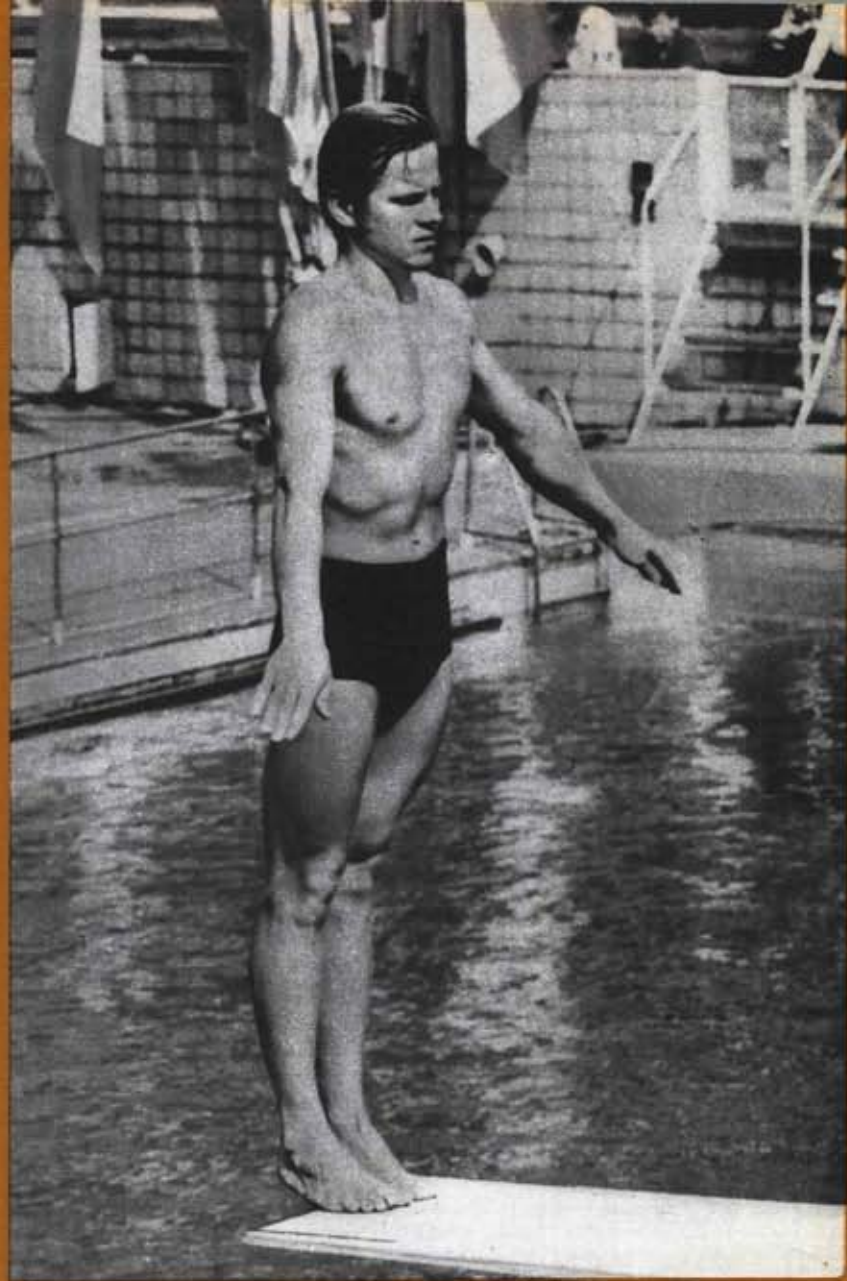

Фото Мстислава БОТАШОВА

ки в поролоновую яму и прочее. Нужно было научиться безукоризненно владеть своим телом. Тогда уже в момент самого прыжка ты можешь что-то исправить. Я этого в ту пору не умел. И мне приходилось рассчитывать прыжок идеально с его исходного момента до входа в воду.

Петрухина ставила нам походку, движения, добывая пластики в исполнении даже простейших упражнений. Все это было необходимо, но иногда раздражало, особенно когда приходилось десятки раз повторять один и тот же элемент. Тренер отдавала занятиям всю себя без остатка, и мы под ее влиянием постигали искусство полной самоотдачи нашему спорту. Спорту, надо заметить, очень сложному в физическом, техническом и психологическом отношении. Татьяна Максимовна неоднократно повторяла нам: «Человек, увлеченный чем-то по-настоящему, не может разграничивать свое время на рабочее и нерабочее, он отдает своему увлечению всего себя. Если этого не происходит, ему следует искать себя в чем-то другом». Она в буквальном смысле жила нами, нашими победами и поражениями, сопереживала каждой нашей удаче и промаху. Это сопереживание было сильнее, острее, глубже, чем казалось людям, знавшим Петрухину недостаточно хорошо.

Помню такой случай. Петрухина долго готовила с Наташей Кузнецовой новый

прыжок с вышки — два с половиной оборота вперед из задней стойки. Прыжок очень трудный и рискованный. Они вместе проверяли прыжок на батуте, на сухом трамплине. И вот — испытание водой, которая при малейшей ошибке становится жестче песка. Наташа прыгнула хорошо. Она вынырнула из воды счастливая, улыбающаяся. Все мы в этот момент смотрели на Кузнецову и только через несколько мгновений повернулись к тренеру — что скажет она? Татьяна Максимовна лежала у бортика без сознания. Психологическое напряжение ее в момент прыжка Наташи было так велико, что нервы не выдержали. С того раза я после прыжка сначала всегда искал взглядом не таблицу, не судей, а тренера.

Петрухина была феноменально терпелива. И столь же требовательна. Она никогда не удовлетворялась результатом прыжка, хотя, по мнению других, он был совсем недурен. «Поискать еще здесь, в подходе», — говорила она. И я снова и снова лез на трамплин, пока не доводил себя до полного изнеможения.

Но в то же время Татьяна Максимовна очень тонко чувствовала внутреннее состояние своих учеников, была великолепным психологом, умным наставником. Однажды накануне очередного турнира я поехал с Петрухиной в Тбилиси. Мне вскоре предстояло впервые включить в свою программу прыжок с тремя винтами. Теоретически я его ос-

воил, но он необычайно трудно давался мне над водой. И вот поднимаюсь я на трамплин, и Татьяна Максимовна командует: «Пошел!» Я подхожу к краю трамплина и... соскакиваю вниз без всяких винтов. Чувствую, что не могу, тело как будто сводит судорогой. Снова лезу вверх. И снова не делаю прыжок, а просто соскакиваю в воду. И так пять раз. Нервничая, ругаю себя беспощадно, но ничего не могу с собой поделать. Нервничает и тренер, я чувствую это.

И вдруг Татьяна Максимовна улыбается:

— А знаешь, Володя, поедим-ка в горы. Быть на Кавказе и не побывать в горах — глупо.

Она поняла, что мне нужно сейчас сменить обстановку, переключиться на что-то другое, отвлечься. Ох, как она была тогда права. Мы уехали в горы, долго гуляли, любовались городом с высоты. Устали. Но... Внезапно я почувствовал необыкновенный прилив энергии, мужества. Я понял: сейчас я могу все. Сказал Петрухиной, что хочу прыгать. Она кивнула, остановила такси, и мы помчались к бассейну. И я сделал три винта. Потом, спустя годы, на мюнхенской Олимпиаде именно этот прыжок принес мне победу.

Не без совета Татьяны Максимовны я сразу после школы поступил на экономический факультет МГУ и занимался по-настоящему, не искал побрякушек. Это был один из наших с ней принципов — всего добиваться только своим трудом, как в спорте, так и в жизни. Почти родительская ответственность руководила Татьяной Максимовной, когда она приходила в университет, чтобы узнать, как я подготовился к экзаменам, когда она навещала меня дома, интересуясь, помогаю ли я в семье по хозяйству. Заботилась Петрухина и о моем духовном росте. Будучи страстной поклонницей поэзии, литературы, живописи, музыки, она не признавала за нами права жить в одном измерении, лишая себя духовных богатств. Но приобщала нас к искусству ненавязчиво, считая, что этот процесс должен происходить естественно.

Как-то в Дрездене, где проходила встреча с командой ГДР, я увидел у нее книгу о Дрезденской галерее. Вспомнил, что пятый день хожу на тренировки мимо галереи. И каждый раз Татьяна Максимовна в этом месте прощается с нами, отсылая нас обедать, а сама идет в музей. На следующий день я попросил ее взять меня с собой.

— А обед? — спросила она.

Я ответил, что обед может и подождать. Она улыбнулась и согласилась. Сколько неожиданного и прекрасного узнал я в тот день! Передо мной открылся целый мир, и авела меня в него мой тренер. Мы увлеклись и, забыв о режиме, несколько часов бродили по залам. Татьяна Максимовна рассказывала мне о Рафаэле, Джорджоне, Тициане, Тинторетто, о том, как спасали уникальные картины советские солдаты. Такой я Петрухину еще не знал. Ее увлеченность заражала. На завтра в галерею вместе с нами отправилась и Наташа Кузнецова.

Теперь с высоты времени я вижу, какую огромную роль сыграла в моей жизни Петрухина. Убежден, что я состоялся как спортсмен, как человек благодаря ей, ее упорству, воле, старанию. А ведь таких, как я, у нее было и, надо думать, будет еще немало.

Шло время, я научился прыгать довольно прилично. Особенно на тренировках. На соревнованиях все было сложнее: меня что-то сковывало, когда я видел внизу зрителей и судей, а перед собой — табло. Понимал, что еще не умею главного, без чего немислима высшая победа — не умею управлять собой, не могу по-настоящему настроиться на состязание. Сколько хороших спортсменов уходило из спорта именно поэтому! Они творили чудеса на тренировках, но на соревнованиях не могли показать даже половины того, что умели. Соревновательный опыт дается под

час труднее, чем высокие технические результаты. И приходит он к спортсмену не вдруг, а после длительной борьбы с самим собой. Поэтому на каком-то этапе психологическая подготовка становится для спортсмена определяющей в его движении вперед.

Перед Олимпиадой в Токио нам поставили задачу — выйти в финал. Трезвая оценка возможностей наших спортсменов не позволяла рассчитывать на олимпийское золото. Во всяком случае, в мужских видах. Мы тогда еще во многом уступали трамплинистам из других стран. Но со своей задачей справились. Больше того, Виктор Палагин и Михаил Сафонов были близки к медалям. Токийская Олимпиада стала для нас прекрасной школой, серьезнейшей проверкой нашей сборной на спортивную зрелость. Она была знаменательна еще и тем, что на ней впервые европейские прыгуны в воду показали свою способность успешно противостоять американцам, много лет считавшимся законодателями в этом виде спорта. Представители ГДР, Италии, СССР, Чехословакии продемонстрировали в Токио резко возросшее мастерство, самоубытность, привнесли в прыжки элементы особой сложности.

Мы вообще выступили неплохо в «водных» видах. Достаточно вспомнить великолепную победу Галины Прокуменчиковой, завоевавшей тогда первой из советских пловцов золотую олимпийскую медаль. Мы гордились нашим замечательным гребцом Вячеславом Ивановым, который, несмотря на болезнь накануне олимпийских состязаний и на неполадки с лодкой, сумел опередить всех своих соперников. Отлично показали себя в Токио многие наши легкоатлеты, особенно Валерий Брумел. В итоге мы выиграли Олимпиаду в неофициальном командном зачете. Я тогда был на 8-м месте. Там же, в Токио, познакомился со своими будущими основными соперниками.

Спустя четыре года я вновь встретился с ними в Мехико. Пожалуй, сильнейшим тогда был Клаус Дибяси, разносторонний спортсмен, хладнокровный, расчетливый, одинаково хорошо прыгающий и с трамплина и с вышки. Первую свою олимпийскую медаль он завоевал в Токио на вышке. Выиграл вышку Клаус и в Мюнхене в 1972 году. Наблюдая за ним, я поражаюсь его неугасимой работоспособности, умению выкладываться на соревнованиях полностью, то есть демонстрировать все, на что он был способен. Тренировал Клауса отец — Карло Дибяси, умный, доброжелательный, заботливый наставник. Среди его соотечественников выделялся и Франко Каньотто — высокотехнический, эмоциональный спортсмен. Соревнуясь с ними, мы учились у них побеждать, так же, как они стремились перенять у нас класс, стиль, ритм прыжков.

Уже тогда, несмотря на некоторые наши неудачи, зарубежные спортсмены видели в нас главных претендентов на олимпийские медали в будущем. Они признавали это сами.

В Мехико советской мужской сборной не очень повезло. Мы были несколько перетренированы. Сказалось и отсутствие опыта подготовки и подведения спортсменов к олимпийским соревнованиям, нединамичность тренировок, целая цепь неудач. Хотя потенциально, повторяю, наши ребята были не слабее своих соперников и после Токио резко прибавили в классе. Неплохие результаты были у Михаила Сафонова, да и у меня. Зато отличились наши девушки Наталья Кузнецова и Тамара Федосова. Мы хотели победить, но нам не хватало умения выстаивать в напряженной борьбе за олимпийские награды.

Мне, пожалуй, не повезло больше, чем остальным, — прыгая с 10-метровой вышки, я вывихнул руку. Это было в последний день соревнований. Предстояло прыгнуть в воду со стойки на кистях и в воздухе сделать два оборота. Дома у меня это получалось, а на разминке перед соревнованиями в Мехико мне не

хватало немного до вертикального входа в воду. И вообще я был сильнее на трамплине, чем на вышке. Но мой прыжок был нужен команде. Я прыгнул и вынырнул из воды с вывихом.

Итак, из Мехико я вернулся с травмой, надолго оторвавшей меня от спорта, и невысоким результатом. Я мог перестать выступать, тем более что диплом экономического факультета давал возможность работать в интересующей меня области или продолжать образование. Но как раз после Мехико я был от мысли бросить спорт дальше, чем когда бы то ни было. Именно в Мехико произошло нечто такое, что придало мне духовные силы продолжить борьбу.

Олимпиады начинаются со спортивного парада их участников. Это незабываемая традиция, неповторимое по мощи и красоте зрелище. В Токио наша команда прыгунов не участвовала в параде; на следующий день начинались соревнования по прыжкам в воду, и руководство делегации сочло необходимым побороть наши силы. В Мехико же мы шли в общей колонне.

Не помню, представители какой страны шли перед нами, но когда на стадионе появились советские спортсмены, стадион взорвался овациями, сто с лишним тысяч человек, встав со своих мест, в один голос скандировали: «Русь! Русь! Русь!» Я внезапно ощутил, какой огромный авторитет у нашей страны здесь, авторитет политический и спортивный, меня буквально переполняло чувство гордости за то, что мне тоже доверено представлять здесь советский спорт, свою Родину. Казалось, горы свернул бы, чтобы оправдать это доверие. Тогда на стадионе в Мехико я принял решение: чем бы ни закончились мои выступления в Мексике — продолжать борьбу до олимпийской победы. Пройти через любые трудности и победить. Это решение укрепило во мне и Петрухина. Она внушила мне, что я должен бороться до конца. «Побитыми уходят слабые», — говорила она.

После вздорования началось все сначала: тренировки, сборы, соревнования, опять тренировки. И прыжки — сотни, тысячи прыжков. Иногда казалось, что я превращаюсь в амфибию, плеск воды будил меня по ночам. Время от времени во мне нарастал протест: «Не могу больше, что хотите делайте, не могу. Сяду и буду сидеть». Татьяна Максимовна улыбалась: «Посиди, а потом иди на трамплин. Надо. Еще раз». Я шел. И вот тогда понял и проверил это на себе — в спорте прибавляет мастерство только этот, через силу сделанный «раз».

1970 год принес мне бронзовую медаль на европейском чемпионате в Барселоне, там я оставил позади многих сильнейших трамплинистов Италии, Швеции, ГДР, Чехословакии. Дибяси-старший недоумевал: «Ты сильно изменился, Володя. Стал мужчиной». Спустя полтора года я выиграл чемпионат СССР во Львове и был включен в олимпийскую сборную.

И вот Мюнхен. Олимпийские игры, к которым каждый из спортсменов шел с надеждой и волнением, шел долго и трудно. Время величайшего испытания, решающий этап восхождения на олимпийскую вершину. Я — комсорг сборной. На мне двойная ответственность.

К началу соревнования в одном из журналов ФРГ был проведен опрос всех заинтересованных в нашем виде спорта лиц. Результаты его вместе с итогами прежних чемпионатов, заложили в ЭВМ, и та предсказала, как распределятся олимпийские награды. Мне машина милостиво отводила 3-е место, а золото, по ее мнению, должно было достаться американцу Крэггу Линкольну.

Программа соревнований состояла из трех этапов. В первом и втором — по 4 прыжка, в третьем — 3. Для непосвященных поясню: первая серия — обязательная, своего рода хрестоматийные прыжки, азбучные, выбор положений для них ограничен, как и заданные элементы. Но именно по итогам обяза-

тельных судьи определяют круг основных претендентов, исходя из того, насколько чисто, технично, мощно выполняют спортсмены запрограммированные правилами элементы.

Итак, после обязательных я на втором месте. Впрочем, разница между количеством баллов, которые набирают после первого дня соревнований пять-шесть лидеров, очень незначительна. Победить в дальнейшем может любой, тот, у кого крепче окажется волевая и психологическая подготовка. После второго этапа я по-прежнему остаюсь в тройке лидеров. Все должно решиться последняя серия — три произвольных прыжка.

Перед каждым прыжком я обменивался взглядами с тренером, Петрухина кивала головой, это означало: «Все в порядке, прыгай!» Ее уверенность невольно передавалась мне, успокаивала. Наши мысли и чувства были до такой степени взаимосвязаны, что я почти физически ощущал ее душевное состояние. Завершив прыжок, я опять же подходил к тренеру. Нам не нужно было тратьть слов, чтобы обменяться впечатлениями от прыжка. По одному только взгляду я узнавал, какова ее оценка.

Тут я немного отвлекусь. У каждого спортсмена существует свой стереотип подготовки к выступлениям. Я знал одного спринтера, который за три часа до старта должен был обязательно принять холодный душ, или другого спортсмена, которому перед прыжками в длину непременно нужно было пробежать ровно пятьсот метров. У меня тоже был свой стереотип. Я знал, что в такое-то время пойду разминаться, столько-то раз сделаю тот или иной прыжок. Так вот приходим мы накануне соревнований с Татьяной Максимовной в бассейн, а нас не пускают: там соревнуются пятиборцы. Тренер успокаивает: «Подождем». Наконец Татьяна Максимовна на прекрасном немецком уговаривает одного из технических руководителей, чтобы мне разрешили тренироваться.

По давней своей привычке я повторяю на разминке каждый прыжок два раза, а три — только тот, с которого начинаю выступление. Делаю все, как обычно, — прыжок, короткая передышка, опять прыжок. Из двух разминочных, которые дублировали мой 10-й олимпийский прыжок, один удался особенно хорошо, легко, свободно, абсолютно чисто. В таких случаях жалеешь, что нет внизу судей и зрителей. Выхожу из бассейна, а в сознании остаются ощущения каждого разминочного прыжка.

Последний вечер соревнований. Передо мной на трамплин выходит Крэгг Линкольн, надежда американской команды. Он уверен в себе, спокоен. Сверху улыбается зрителям. Судьи оценивают его прыжок довольно высоко, Крэгг доволен, у него уже нет сомнений в благополучном исходе борьбы. Мне предстояло сделать два оборота назад из задней стойки. Это очень непросто. Когда прыгаешь вперед, то ориентироваться в воздухе легче, ты видишь воду, расстояние до нее и можешь поправить прыжок в полете. Когда начинаешь прыжок спиной к зрителям, то выстроить его правильно удается только благодаря многократным тренировкам. Словом,

после 9-го прыжка положение в таблице существенно не меняется, я лишь немного подвигаюсь к лидеру по числу баллов.

Между прыжками мы сидим в комнате отдыха. Я молчу, Каньотто с кем-то разговаривает, Линкольн читает... Перед прыжком в воду иду к бассейну, соскакиваю в него ненадолго: мне необходимо чувствовать на себе воду, вытираю только колени — чтобы в момент крутки не соскальзывали руки. Меня объявляют. Я поворачиваюсь лицом к трибунам. Разбег, наскок, толчок. В это мгновение я ощущаю, что получается именно так, как на разминке, — та же высота, легкость, стремительность. Два с половиной оборота назад — я вытягиваюсь в струну и вхожу в воду. Сознание фиксирует, что глубина бассейна пройдена очень быстро, это хорошо. Выплываю и слышу аплодисменты, шум, крики и боюсь поверить в то, что они могут означать. Затаив дыхание, жду результатов на табло. Вот они — самые высокие за все время олимпийских соревнований.

И вдруг наступает стресс, наваливается какая-то тяжесть. Мне что-то говорят товарищи по команде, а я их не слышу. Впереди еще один, последний прыжок. Чувствую, что в таком состоянии я не выполню даже простейшее. Тогда я вспомнил Василия Алексея. Подойдя к штанге весом 230 килограммов, он улыбался. Всем и своему главному сопернику из ФРГ Мангу, который стоял неподалеку от помоста, нервничавший и бледный. Я вспомнил многих других наших ребят, их спокойную уверенность при любых обстоятельствах, их оптимизм. Я бы один из «наших» и, значит, не имел права на слабость духа.

Смотрю на тренера. Татьяна Максимова мгновенно улавливает мое состояние. Она встает с кресла, в ее глазах боль, смятение и вдруг — приказ: «Соберись, иди и прыгай. Ты делал это сотни раз — должен сделать сейчас». И я иду...

Крэгг не спускает с меня глаз. Любая моя малейшая ошибка — победа его или Каньотто. Уже наверху слышу свист, выкрики, это итальянские болельщики — «тиффози»: они пытаются помешать мне сосредоточиться, чтобы освободить дорогу к золотой медали для Каньотто. Может быть, раньше это и действовало бы на меня, сбилось, но не теперь. И я прыгнул. Это был нормальный, хороший прыжок — полтора оборота вперед с тремя винтами. И коэффициент его трудности тоже был высоким — 2,9. Ни Крэгг Линкольн, ни Клаус Дибяси, ни Франко Каньотто меня уже не доставали.

На этом можно было бы поставить точку. Тем более, что вскоре я ушел из спорта, целиком отдав себя новому интересному делу. Но случилось так, что моя нынешняя работа в большой степени связана с грядущей Олимпиадой, и я, теперь уже не спортсмен, тем не менее продолжаю нести свою долю ответственности за нашу спортивную победу. Как и все, кто так или иначе связан с Играми. И опыт комсомольской работы — сначала комсоргом команды, затем в ЦК ВЛКСМ — убеждает меня, что каждый из советских спортсменов-олимпийцев, каждый из комсомольцев, кому выпадет честь защищать цвета сборной, проявит подлинное чувство ответственности в борьбе за самые высокие спортивные награды.

Пожалуй, нет человека, кто накануне Олимпийских игр не делал бы прогнозов или предположений, касающихся исхода соревнований. Конечно же, мне проще говорить о моем виде спорта, который я знаю досконально и продолжаю любить. Но прежде вернемся в прошлое.

Почти два десятилетия назад Нинель Крутова завоевала олимпийскую бронзу. Это было начало. Спустя четыре года в Токио Галина Алексеева была третьей, и тоже в прыжках с вышки. В Мехико советские спортсменки — уже серебряные медалисты: Наташа Кузнецова на вышке, Тамара Федосова — на

трамплине. Наконец, в 1972 году нам впервые досталась высшая олимпийская награда. Через четыре года Лена Вайцеховская доказала, что достижение олимпийской вершины советскими спортсменами не случайное явление. О возросшем мастерстве наших прыгунов в воду свидетельствовали и результаты других представительных международных соревнований.

Причины? Если на токийской Олимпиаде сборная состояла на 90 процентов из москвичей, то в последние годы география городов, которые представляют наши ребята, значительно расширилась. Это естественно. Все больше открывается крупных плавательных центров, стационарных бассейнов, количественно и качественно растут республиканские команды. Во многих городах — Киеве, Минске, Алма-Ате, Челябинске, Ленинграде, Саратове — появились прекрасные бассейны, где готовят как пловцов, так и прыгунов в воду. Вспомним пензенский опыт Бориса Павловича Клиниченко. Переехав в Пензу из Москвы, Борис Павлович начал буквально с нуля и создал замечательный спортивный коллектив, вырастил такую сильнейшую спортсменку, как Ира Калинина, нашу основную нынешнюю претендентку на олимпийское золото. Замечательную школу прыгунов в воду создал в городе Электростали Георгий Евангулов. Он воспитал талантливую спортсменку, обладающую, несмотря на юный возраст, высокими волевыми качествами, — Лену Матюшенко. Еще четыре года назад ее имени никто не знал, а в прошлом году Елена выиграла международный турнир на Канарских островах и завоевала специальный приз за лучший результат на двух снарядах — «Гран-при».

У нас немало молодых талантливых ребят, которые, продолжая лучшие традиции предшественников, способны продемонстрировать самый высокий класс на московской Олимпиаде: Д. Амбарцумян и С. Эмирзян из Еревана, Т. Алябьева из Челябинска, А. Лобанкина из Пензы, О. Миронова из Москвы и много других.

И еще одно. Было бы неверно тешить себя мыслью, что наши соперники из других стран не рассчитывают на победу, что они готовы уступить олимпийские медали без ожесточенной борьбы. Напротив, все говорит о том, что они идут к Олимпиаде во всеоружии. Серьезные противники — спортсмены из ГДР (многие знают поистине триумфальные прыжки Ф. Хофмана, Д. Васкова, Б. Роте), Чехословакии, Польши, Италии, скандинавских стран, Кубы (вспомним победы Руиса, его легкость, виртуозность)...

Все названные мной спортсмены соединяют в себе опыт, расчет и волю к победе, владеют новым стилем высотных прыжков. Так что сражение предстоит нелегкое. Убежден, что наши ребята сделают все от них зависящее, чтобы превзойти соперников. Но не будем загадывать. До Олимпиады осталось совсем немного, и, что бы мы ни говорили, все решат соревнования.

Но в эти дни я думаю не только о спортсменах, но и о тех, кто, не будучи внесен в списки участников соревнований, тем не менее отдал предстоящей борьбе многие годы жизни и надежды, веру и порыв, мужество и терпение, последовательность и стойкость. О тех, кто вправе о каждой завоеванной медали сказать: «Это и моя победа». Я думаю о наших спортивных наставниках. О людях, которые целиком, со всей страстью посвятили себя воспитанию спортивной смены, которые продолжают лучшие традиции нашего спорта, идут в первой его шеренге. Сколько замечательных имен можно было бы здесь назвать! А первым я бы назвал имя своего тренера, у которой я учился не просто состязаться и побеждать — учился жизни, учился гордиться нашим спортом, своим званием советского спортсмена, гордиться своей Родиной.

Записал Ян ВЛАДИН

Валерий ИСАЕВ

Скрипели журавли на нашей улице.
И голос их и посегодня жив.
И шла деревней чья-то девка-умница,
На коромысло руки положив.
Шла осторожно,
воду не расплескивала.

Коса была до самой до земли.
Ребята поутру
по травам росным
От Сейма весла мокрые несли.
Стояло лето —
в небо не намотришься.

Через июнь прошла она,
стройна.
— Давай, что ль, подсобим...
— Ну как же, вот еще...
А через сутки началась война.

Расскажи мне, мама, сказку
Про Иванушку-дурочка.
Только ты про него
поласковой.

Не забыла, про дурочка-т?
Что-то мне его жалко стало.
И обиднее-то всего,
Что Иванушек мало стало.
Ну, а умных — полным-полно.
Говорит моя мама ласково.
Убавляет,
как в детстве,
огня.

Говорит моя мама сказку
И все как будто бы
про меня.

Озера поповысохли,
Исчезла рогоза.
Осиротели пристани
Прямо
на глазах.

В пустой глядит колодец
Иссохший журавель.
А в нем вода не водится,
А в нем — мель.
Ушел из лесу берест,
Как от беды.
И стал над речкой берег,
Как на дыбы.
А птицы к югу рвутся,
И, как всегда,
Боюсь, что не вернутся
Никогда.

Мы вдвоем у грубки
жжем черет.
Дедушкины руки
огонь не берет.
Говорим про иней белый,
первый снег.
Окон индевелых длинный свет.
Про луну, вполнеба —
снежный ком.

И с горячим хлебом —
дом.
Речку с синей прорубью,
Про луга...
Как ушли за хворостом наугад...
И опять про зиму,
про мороз,
Про озимые — в рост...
За окном метелица
катит лунный ком.
Инем и хлебом пахнет дом.

Перевоз

Рядом с лесом луга да низины.
Лето, сложенное в стога.
Дед, пожалуйста,
перевези меня.
А далеке идешь?
Наугад.
И плывем мы с дедком по облаку,
И веслом режем небо синее,
И куда ни глянь —
даже в омутах —
Загляденые одно — Россия.

Пахнет лес теплом коровьим.
Перегрелся.
Август.
Зной.
Крепок этот августовский
Разнотравия
настой.

Полетела паутина.
В речке тронулась трава.
Вызрел выводок утинный
И в развалку —
со двора.
Загорелись осины.
Желудь по земле стучит.
Аист кружит над низиной.
Лес задумался — молчит.
И вот-вот в полях порожних
По запекшейся стерне
Осень ступит осторожно.
И направится ко мне.

Утешенья, прощенья — не надо,
мне бы только ходить по земле!
Это лучшая в мире награда:
жить, как люди живут на земле.

Я тебе не желаю покоя,
ты побольше пройди по земле.
Верю, все, что на свете живое,
как и мы, будет жить на земле!

Только б небо не корчилося пеплом
над моею, твою землей,
только б люди мечтали о светлом,
чистом солнце над нашей землей.

В поселке Леереть

А доски под ногами
скрипят немного глухо,
и медленно глазами
обводит нас старуха.
Не спросит, кто такие,
зачем пришли к ней в дом.
— Да, времена другие,
лишь пробурчит потом.
И за окошко глянет,
а там — река и лес,
и берега в тумане,
и тишина окрест.
Да, времена другие,
иные голоса.
Машины, как живые,
ворочают леса!
Чуть слышно стукнут ставни.
Поселок Леереть,
он небольшой, не главный,
живет такой, как есть.
Старуха смотрит строго
и тербит подол.
— Вам не легка дорога,
— вдруг скажет. Скрипнет пол.
Покажется, мир полон
былинной красотой:
взлетев, вдруг каркнет ворон
над Обью, над рекой,
вдруг девица-царевна
пройдет среди бела дня,
и выйдет вся деревня
встречать богатыря...
Но как знаменье века,
вдали звенит пила.
За речкой лесосека,
где я вчера была,
где среди дымных сосен
мой затерялся след,
где, догорая, осень
свой довязала плед.
Спокойная деревня
и деревянный дом —
все дышит сказкой древней
и современным днем.

Дождь в Искитимске

День отдыхал. Скучнейший дождь
изматывал спокойно душу.
Он, пропитав мой плащ насквозь,
решил переименовать сушу,
чтоб по земле, как по реке,
поплыли корабли и баржи,
чтоб появились вдруг однажды
их трубы где-то вдалеке.
Дождь лил, он одержимым был.

он влагой затоплял перроны,
он медленно качал вагоны,
он бился из последних сил.
Обь умолял, чтоб разлилась,
чтоб судоходным стало поле,
чтоб трактор плывал по раздолью,
а не месил устало грязь!
Дождь свирепел, он влагу лил
на Искитимск, на ель и сосны,
и наш автобус тупоносый
уже не ехал, только плыл.
А за окном, укрыв плащом
свои ознобленные плечи,
бежал мальчишка нам навстречу,
смеялся, прыгал под дождем.
Он не боялся ничего
(а лужи будто бы кипели),
дождь так старался на него
всю воду вылить из купели.
Но мальчик, мокрый и смешной,
ему, как другу, улыбался.
Дождь, укрощенный добротой,
угрозой больше не являлся.

I

Смотрю на мир, прищурив веки.
Вот ты стоишь, вот улица, вот я.
И странно мне в прохожем человеке
увидеть повторение тебя,
увидеть взгляд усталый, напряженный,
руки такой же неумелый взмах...
Застыла льдинкой удивленной
улыбка на моих губах.

II

Вот звон побед и горечь поражения.
Прошу вас выбрать что-нибудь одно.
Тревога, вдохновенье и прощенье?
Но выбрать надо что-нибудь одно!

Нам так необходимо постоянно,
венчающее мир своим теплом!
Что я возьму? Есть жизнь — мое богатство,
есть Родина, любовь и отчий дом!

Как будто мир окутан весь
палящим солнцем, ветром, снегом.
Жизнь осязаема — ты здесь,
идешь за мной неслышно следом.
Не обернуться бы назад!
Вот шаг, еще один — ты рядом.
Сто лет идти бы так подряд,
не обменявшись словом, взглядом,
молчать, чтоб просто рядом быть,
молчать, чтобы продлить мгновенье.
Как не легко тебя любить,
как трудно оборвать все звенья!

Еще не все, еще не кончен день,
еще не все, еще и год не кончен,
ложится осень, тихая, как тень,
лиственной увядшей у обочин.

Еще не все, еще и дождь идет,
еще не все, он продолжает литься...
Ты подожди, послушай, как плетет
промокший вечер чудо-небылицы!

Еще не все, осенний лист прилип
к окну и — нет освобожденья!
Он, как и ты, дождем не будет смыт.
Теперь иди! Оставь за мной прощенье!

Я улыбаюсь тишине ночной,
живу спокойно на земле раздольной!
А где-то на планете рвутся бомбы
и детский плач несется над землей.
И снится мне:
размеренно по миру
гремят опять железом сапоги,
и в толстую мошну банкира
красные стекаются «долги»:
ты — должен,

потому что ты живешь,
ты — должен,
потому что мир хорош,
а вы должны за то,
что цветом кожи
чернее ночи.

И за это может
сапог карателя, вмывая в пыль цветок,
бесстрастно вдруг перешагнуть порог...
И дуло холодом сверкнет,
и смерть начнет свой счет!
Я в ужасе проснулась на рассвете:
все было тихо.

Мирно спали дети.
Как я хочу, чтоб людям на планете
не снились сны такие же, как эти!

Всем, кто есть, и всем, кто будет,
вам, товарищи, друзья,
кто полюбит, не разлюбит,
улыбаюсь утром я.

Всем, кто есть, и всем, кто будет,
буду верной навсегда,
буду всюду с вами, люди,
где и счастье и беда!

Родина бывает лишь однажды!
Нет у меня земли иной,
чем леса российские и пашни,
небо над моею головой!

Я — из городского поколения,
но в земле есть власть, и потому
в дальнем, мной не виденном селенье
дед боролся за мою страну.

И такой же путь
сквозь снег, морозы
сын его прошел не для того,
чтобы снова — слезы, слезы, слезы
и письмо, что больше нет его...

Я хочу сказать, что если снова
дым сражений ляжет на поля,
жизнь моя, дыхание живое —
все тебе, бессмертная земля!

И пока на свете существую,
буду неустанно говорить,
где бы я еще нашла такую
землю, без которой мне не жить!

Разве в этом твоя вина,
разве в этом моя заслуга,
что не поняли мы друг друга,
что душа твоя мною сильна.
И такой ли уж это секрет,
что из дум ты меня выселяешь?
Жалость после прибудет, ты знаешь,
а куда лишь скопище бед.

Сколько в мире таких же потерь?
Так пойми же, пойми, хоть немного,
что в тупик завернула дорога
и захлопнулась в прошлое дверь!

Мы снова встретились, старинные друзья,
блокнот, мой карандаш и я.

И в комнате за письменным столом
мы говорим о светлом и земном,

толкуем в звонкой тишине
о жизни, людях, обо мне.

Мы верные и старые друзья —
блокнот, мой карандаш и я!

Как монотонна смена дней:
и ночь и утро за окном плывут!
Друг друга на планете люди ждут.
Ты ждешь меня, я жду тебя!
Так с кем-то сходна на земле судьба
моя, твоя, его судьба. Извечен круг
земного бытия,

извечна скорбь живых подруг,
что невернувшихся все так же ждут!
Безумные круги военных лет
оставили во мне свой след.
Отца седая голова
напоминает,
как война
гремела над моей страной:
боль матерей...
последний бой...
молчанье черного окна...
И почтальон в дверях соседа
с кровавой вестью...

А в сердцах
уже гудел набат Победы!
Но смерть еще ходила

на полях...
Смерть не смотрела,
сколько жил,

кто — молод,
всех косила
она своей косой!
В душе была непобедимая Россия,
освобожденная тобой!
Солдаты, что ушли, но сохранили
нам жизнь и счастье наших матерей,
теперь не встанут.

И стоят могилы
по всей России и Европе всей,
как боль и память,
скорбь родных людей!
Война, ты никого
не пощадила.

И знаю я,
что в нас найдется сила
вновь защитить страну свою
в таком же праведном бою!

Работа и снова работа,
пока не потухнут глаза.
Как много подарено жизнью,
а значит, и медлить нельзя!
Заботы и снова заботы,
миллионы забот и тревог.
Когда еще время проложит
морщины у глаз и у щек!
Какое раздольное счастье,
Россия, твоим жить теплом!
Земля, по которой хожу я,
мой дом укрывает крылом!
Как много отмерено жизнью
весенних и солнечных дней.
Так радуйтесь, радуйтесь, люди,
зеленой планете своей!

ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ТЕРРОР В ШКОЛАХ США

В коридоре раздаются несколько выстрелов. На полу умирает 16-летний Уин Филлипс, которому пуля попала в шею. Рядом кричит от боли 17-летняя Джулия Гарднер, раненная в ногу. Действие происходит в Ричмонде, штат Вирджиния, в местной школе. Юноша и девушка случайно попали под перекрестный огонь, открытый двумя одноклассниками...

В одной из школ Детройта 30 учениц набросились на свою одноклассницу — 16-летнюю Линду Куртис. Топтали ее ногами и кололи карандашами и ручками. Линду спасти не удалось.

Это факты...

В Соединенных Штатах ежегодно 75 000 учителей получают серьезные ранения от рук учеников. Каждый год разрушается школьный инвентарь на сумму более чем в 500 миллионов долларов. По сравнению с шестидесятью годами в седьмом десятилетии число убийств в школах увеличилось на

18 процентов, краж — на 36 процентов и изнасилований — на 40 процентов. Необузданный террор распространяется не только в городах, но и в сельских районах. Например, в штате Кентукки в сельских школах было конфисковано 150 различных видов оружия. А в Уинстон-Сейлеме (штат Северная Каролина) 11-летний и двое 9-летних мальчишек вымогали в течение почти года деньги у своих товарищей, заполучив от них в общей сложности тысячу долларов...

Как могло дойти до этого? Родители и учителя сваливают вину друг на друга. Но в одном они единодушны: среди главных причин ожесточения учеников и расширения преступности — «социальные болезни» вне школы. Это — насилие на улицах и на телевизионном экране, алкоголизм, наркомания...

На снимке: оружие, отобранное у школьников.

«КВЛК», ФРГ

На огненной подушке

В старой части Неаполя все чаще обрушиваются дома, а из образовавшихся в земле трещины вырываются густые клубы дыма. Пожарные тщетно пытаются погасить таинственные пожары. При этом дома, большая часть которых построена еще в XVI веке, когда их заливают водой из брендойтов, еще больше разрушаются.

Специалисты полагают, что

где-то в глубине огромного лабиринта из нещерб и пустот, на котором покоится город, произошло самовозгорание мусора, что веками сваливался туда. Пожар в катакомбах Неаполя угрожает преимущественно жителям старых кварталов, где и без того насчитывается свыше трех тысяч семей, не имеющих крова.

«НАША РОДИНА», БОЛГАРИЯ

ГРАБЯТ АФРИКУ

Лондонский аукционный зал Сосеби время от времени становится свидетелем продажи ценнейших произведений искусства. Обыватели с затаенным вздохом пересчитывают суммы, за которые продаются полотна знаменитых художников, другие произведения искусства из частных коллекций. Сенсацию вызвала продажа с аукциона шедевров африканского искусства. За 240 000 английских фунтов стерлингов нью-йоркский музей Метрополитэн приобрел на торгах резной табурет, изготовленный на территории тепешнего Заира. Два трона, вывезенные из Анголы, были проданы за сорок и пятьдесят пять тысяч фунтов.

Произведения африканского искусства все чаще становятся предметом спекуляции. Представитель Бременского музея Ганс Хансельмайер привел на конференции Международного совета музеев при ЮНЕСКО такой пример: «Статуэтка Ибо, вывезенная незаконно из Нигерии, стоила еще в 1970 году около десяти тысяч марок, сейчас же цена ее удвоилась». Ситуацию в Мали министр культуры этой страны охарактеризовал так: «Дельцы от искусства приезжают к нам в качестве туристов и незаконно скупают культурные ценности у местных торговцев. Вместе с иностранными торговцами предметы искусства вывозят и некоторые малийцы, которые равнодушны к культурному наследию своего народа и стремятся лишь заработать на нем. Границы нашей страны слишком протяжены, чтобы мы могли уследить за контрабандистами».

Торговля незаконно вывезенными произведениями искусства процветает прежде всего в Западной Европе. На первом месте — Париж, за ним следуют Тулуза и Копенгаген. Цены высоки, но богатые знатоки могут купить практически все. Добиться ограничения этой торговли, прекращения нелегального вывоза культурных ценностей с африканского континента можно лишь путем сотрудничества между культурными органами африканских стран, полицией и таможенным контролем. В странах, куда доставляются произведения искусства, нет законов о запрете нелегального ввоза. ЮНЕСКО в своей конвенции, принятой на Генеральной конференции еще в 1970 году, предусматривает введение паспортов на ценные произведения искусства, в которых содержались бы сведения об их происхождении и способе приобретения. К этой конвенции, однако, присоединились лишь 43 государства. Страны, где особенно рьяно торгуют культурными ценностями, вывезенными с африканского континента, до сих пор этой конвенции не подписали.

На снимке: табурет, проданный на лондонском аукционе.

«МЛАДИ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ПОЛЕТ НА ВОЗДУШНЫХ ШАРИКАХ

Оригинальное и отнюдь не без- опасное воздушное путешествие совершил Фред Джонс, англичанин, живущий в Австрии. Он поднялся в воздух на стуле, к которому прикрепил 450 наполненных водородом шариков. 46-летний воздухоплаватель, весящий 90 килограммов, был одет в теплый комбинезон и горнолыжные ботинки. Он взял с собой в полет портативную радиостанцию, фотоаппарат, немного продуктов, карту и высотомер, а на всякий случай еще и парашют. После старта Фред Джонс поднялся на высоту около трех километров. Приземлился он после того, как проколол часть шариков.

«МЛОДЫ ТЕХНИК», ПОЛЬША

Джентльмены склонны поспать...

Еще с одной традицией покончено на Британских островах: юные джентльмены, обучающиеся в элитарном Итонском колледже, не будут теперь начинать занятия в 7.30 утра. «Многие мальчишки, кажется, испытывали неудобства из-за необходимости вставать так рано», — прокомментировал это решение, порывающее со столетней традицией, шеф-воспитатель Майкл Маккрам.

С мнением юных джентльменов нельзя не считаться: за курс обучения в Итоне — учебном заведении, основанном в 1440 году королем Генрихом VI, платят ежегодно 3000 фунтов (около 4,5 тысячи рублей).

«ЭКОНОМИСТ», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ПО СЛЕДАМ ПРЕДКОВ

В мире все большую популярность приобретают морские путешествия, предпринимаемые с целью доказать, что наши предки были неплохими моряками. Так, 29-летний японец Иосиюки Ямамото построил бамбуковый плот-катамаран и отправился в плавание по Тихому океану, надеясь добраться до Акапулько и доказать, что подобные путешествия совершали древние японцы 5 тысяч лет назад.

По расчетам отважного путешественника, плот, подхваченный сильным морским течением, должен двинуться на восток, к берегам Мексики. Однако смелого мореплавателя в самом начале подстерегла неудача: сильный шторм разбил его плот в 150 милях от Японии, и Ямамото вынужден был вернуться на берег. Впрочем, он намерен осуществить свой замысел и готовится к новому старту.

В Норвегии группа энтузиастов морских путешествий, воодушевленных примером Тура Хейердала, спустила на воду точную копию корабля викингов «Адинг Ровен», на котором они собираются повторить отчаянные маршруты своих храбрых предков.

«ПАРЕЙД», США

КОНИ-ПТИЦЫ ИЗ ВЕНГРИИ

Южная область Венгрии, лежащая между Дунаем и Тисой, была известна в прошлом лишь своими абрикосами — свежими и консервированными. Сегодня доброй славы пользуются лошади из дешневых мест. Конный завод специализируется на породе, которая удачно сочетает в себе горячность и грацию липпшанских коней с силой и выносливостью орловского рыскака. Эта порода выведена специально для соревнований упряжек.

Чтобы превратить игривого жеребенка в хорошую упряжную лошадь, нужно не менее четырех лет упорного труда. А для создания хорошей упряжки — четверки — тренер должен запастись огромным терпением, ибо ему предстоит воспитать пять (четверку основных и одну запасную) лошадей. А ведь в каждой свой характер! Но зато результат этой работы просто великолепен. Хорошая четверка восхищает и неискушенных зрителей и специалистов. Она действует как единый, хорошо отлаженный организм: отлично проходит трудный «слалом», останавливается в нужном месте с точностью до сантиметра, а затем снова трогает, мягко и дружно, безукоризненно точно выполняя все команды.

Конный завод в Кечкемете обладает блестящими упряжками: «Панцел», «Ираку», «Иушо», «Кордос» и «Банат» — чемпионы мира среди «четверок». Гости, бывающие на заводе, могут при желании поухаживать за лошадьми. А если повезет, их может пригласить прокатиться на «четверке» Барани Тот, вице-чемпионка мира и руководительница завода.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

МОРОЗ-РЕСТАВРАТОР

40 тысяч книг библиотеки Стэнфордского университета в Калифорнии в результате аварии оказались затопленными и промокли насквозь. Сейчас эти книги полностью восстановлены. Для этого реставраторы воспользовались процессом, давно применяемым в промышленности, а именно сушкой продуктов вымораживанием.

Мокрые книги вначале загрузили в огромный холодильник и заморозили, чтобы они не заплесневели. Затем их поместили в гигантскую камеру, в которой создали вакуум, какой бывает в стратосфере на высоте 60 тысяч метров. Книжки постепенно отморозили, а влагу посредством вакуума удалили.

Такое же, как в Стэнфорде, несчастье случилось в Тэйлорском институте в Оксфорде (Англия), когда пострадавшие при наводнении двести редких книг передали в Харуэлл, в Королевский центр по атомной энергии, где книги прошли вакуумную сушку в течение нескольких месяцев. Все книги были спасены от разрушения и вернулись в библиотеку.

ОБСЕРВЕР, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

На протяжении ряда лет галлюциноген ВЗ упоминался только в специализированных научных трудах и в некоторых военных справочниках. Формула его оставалась военной тайной. Было известно лишь, что он обладает очень сильным действием и что во время войны во Вьетнаме американская армия приняла решение о его производстве и использовании в качестве химического оружия. Два президента — Никсон и Форд (в 1969 и 1975 годах) — объявили о прекращении его производства, как и всех экспериментов с химическим и бактериологическим оружием.

И вот недавно благодаря документу, внесенному в Комиссию по разоружению при ООН, стало известно, что производство не только продолжалось без перерыва до 1976 года («только для защитных целей» и «для предотвращения внутренних беспорядков», как оправдывается

Пентагон), но что и в Соединенных Штатах и в других странах на военных складах находится такое количество ВЗ, которое достаточно, чтобы «вывести из строя» 40 миллиардов человек, или в десять раз больше, чем население Земли!

Согласно данным американского ученого Дэвида Шварре, который представил разоблачительный документ, ВЗ — чрезвычайно сильный галлюциноген: хватит около 0,05 миллиграмма его, чтобы парализовать человека и затуманить его сознание по крайней мере на десять дней.

При вдыхании или всего лишь при контакте с кожей спустя полчаса появляются тошнота, головная боль, потеря равновесия, частичная или полная потеря памяти. В чуть больших дозах препарат смертелен.

Согласно представленному в Комиссию ООН документу, планы американских

военных использовать сильные галлюциногены в качестве психохимического оружия датируются 1961 годом. В брошюре того времени психохимическая война определена как «наиболее простое и эффективное средство для временной нейтрализации противника, позволяющее избежать разрушений».

После того, как военные отказались от намерений производить галлюциногенные бомбы с марихуаной и мескалином, они сначала остановились на ЛСД-25. Но позднее стало ясно, что ВЗ более эффективное средство. Он проще в изготовлении, легче сохраняется и действует в десять раз сильнее, чем ЛСД-25. Кроме того, «за гораздо более низкую цену можно получить результат, по смертоносности превышающий действие ядерной бомбы».

ПАНОРАМА, ИТАЛИЯ

ПТИЧИЙ «КОМПАС»

Электронная балерина

Каких только обязанностей не возлагают на компьютер — решение сложных математических задач, сочинение стихов и музыки, проектирование новых машин и т.д. и т.п. Но чтобы электронная вычислительная машина еще и «танцевала»? Танцует, разумеется, не сама установка, а фигурка на экране.

В Пенсильванском университете (США) разработана специальная программа для компьютера, которая дает машине возможность отвечать на вводимые в нее хореографические знаки, аналогичные музыкальным нотам. На экране появляется танцующая фигурка, которая выполняет все указания балетмейстера. Считают, что эта всегда готовая к репетициям электронная балерина окажет существенную помощь создателям новых балетов.

МАГАЗИН, РУМЫНИЯ

С приходом осени начинаются перелеты птиц из холодных областей в теплые южные края. Там перелетные птицы зимуют и весной вновь возвращаются «домой», к своим гнездам. И хотя осенние и весенние маршруты их перелетов имеют протяженность в тысячи километров, птицы всегда верно выбирают путь и возвращаются именно в те места, откуда прилетели.

Наука уже давно изучает секрет их исключительно четкой ориентации и до сих пор объяснила его различным образом. Группа научных работников Института Макса Планка в ФРГ после многолетних исследований пришла к заключению, что перелетные птицы располагают «компасным автоматом» для ориентации (автоматическим указателем курса), который наследуют от своих родителей в форме генов. Исследователи подтвержда-

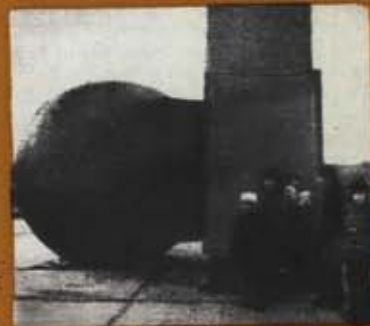
ют это интересным экспериментом. Взяв птенцов в возрасте всего нескольких дней из гнезд разных перелетных птиц, они вырастили их в закрытых помещениях. Птенцы развивались нормально, научились летать и ни в чем не отставали от своих сверстников того же вида, растущих на свободе. Когда пришла осень и с ней наступило время перелетов, исследователи выпустили молодых птиц из «карантина» и с интересом следили, как они поведут себя. Вели они себя нормально: все улетели на юг, а следующей весной возвратились в родные места и свили гнезда. Исследователи сделали вывод, что ориентационная способность является у птиц врожденной, а не результатом «воспитания» родителей, как до сих пор предполагали многие ученые.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ», ВЕНГРИЯ

ГЕШЕФТ НА СТРАХЕ

Нагнетание военного психоза в странах Запада вновь вызывает к жизни забытые в годы разрядки уродливые формы бизнеса, родившиеся в эпоху «холодной войны». Вот один пример: Кельххаймский бетонный завод, расположенный в Ханау (ФРГ), предлагает гражданам Западной Германии и других стран «семейный» атомный бункер — вы его видите на снимке. Гешефт на страхе — трагически опасная затея. Неужели об этом нужно напоминать?

ЮНГЕ ВЕЛЬТ, ГДР

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

БРАСЛЕТ ТУРА

Виктор ИЛЬИН

РАССКАЗ

*Глупый хвастает молодой женой,
Умный хвастает родной матушкой,
А Алеша хвастает своим добрым конем.*
Из песни

Лет двадцать тому назад иностранное слово «хобби» только-только внедрялось в наш лексикон и с цепкостью репейника отвоевывало место под солнцем, так же, как и другое слово — «хохма». Во всяком случае, когда мне позвонил из Москвы заведующий спортивным отделом нашей редакции Фомин и передал срочное задание главного редактора, я, в то время хоть и начинающий собственный корреспондент молодежной газеты, все же уловил в его голосе некоторые нотки, которые заставили меня усомниться в обязательности распоряжения. Фомин слыл хохмачом, то есть человеком, который, явившись за полночь домой, на вопрос жены мог отчебуцать: «Сама, старуха, придумай, где я был». И вообще держал себя, по мнению сотрудников, довольно несерьезно, плохо владел пером, но зато мастером по части дружбы с начальством. Выслушав в телефон пронзительный голос Фомина, я узнал, что вчера наш шеф был на ипподроме с иностранными гостями и среди призеров ему запомнился рысак по кличке Браслет Тура. Дистанцию победитель прошел очень резво, обогнав многих питомцев конезаводов и совхозов. В программе заездов было обозначено, что он воспитан на заводе искусственных кож в одном из городков области, по которой я был утвержден корреспондентом. Мне поручалось разузнать: что это за порочная практика разбазаривания государственных средств?

— Тут хохма в чем? — растолковывал мне Фомин и похихатывал. — Обыграть надо: искусственные кожи — и призер-жеребец. Это уже смешно. Сообразил? Давай быстренько сделай и передай на мое имя. Дадим с колес. Пока!

Стоял конец июля. Было жарко и душно. Мыкать за сотню километров в переполненном автобусе в такую жару не хотелось. Да и что-то не очень взволновало меня это задание, если говорить честно. Ну разве это важная тема для центральной молодежной газеты сейчас?

В области начинается уборка. Вот-вот с главного конвейера автозавода пойдут новые машины. Вчера на пресс-конференции в совнархозе предложили товарищам корреспондентам центральных газет на будущей неделе совершить поездку на «Метеоре-1». Вот что интересовало и волновало меня, а тут хохмач Фомин предлагает вызнаться, не хобби ли это.

Ну удивился главный, — рассуждал я, — ну и что? Может быть, кто-то из иностранцев не понял, а шеф не смог объяснить. Прошло время, уехали гости, главный и думать забыл. Только ему, наверное, и помнить о Браслете Тура с завода «Искож». Надо подождать, — принял я решение и занялся делами, которые мне представлялись в ту пору более важными и серьезными.

Через два дня, поздно вечером, у меня в комнате зазвонил телефон. Звонок был резкий, продолжительный, как обычно, когда звонят с междугородной станции. Я поднял трубку.

— Добрый вечер! — раздался знакомый голос старшей стенографистки Марии Михайловны. — Сейчас с вами будет говорить главный редактор. Минутку!

Это бодрое известие в столь неуверенный час могло означать все, что угодно, но особой радости я не испытал, хотя шеф ко мне относился по-доброму и даже однажды звал на работу в аппарат редакции. Я отказался, и шеф, по-моему, обиделся. А что на этот раз сулит мне общение с ним?

— Привет вам! — сказал сочным баритоном невидимый шеф. — Не разбудил? — Он усмехнулся и спросил: — Разузнали, что это за жеребец с завода искусственных кож?

Мне подумалось, что главный, видимо, сейчас в кабинете не один, сидят, очевидно, у него заместитель, ответственный секретарь, «свежая голо-

Рисунок
Семена ТРОФИМОВА

ва» — дежурный сотрудник, который читает подписные полосы перед тем, как их подпишут в печать. Номер сделан, все чувствуют приятную усталость, все расслабились, но главный уже весь в завтрашних хлопотах и среди них вспомнил о своем задании. И не может быть никаких преград для выполнения задания. Сколько раз он напоминал нам: жив ты или помер — главное, чтоб в номер. А вот я потерял чувство ответственности, схалтучал...

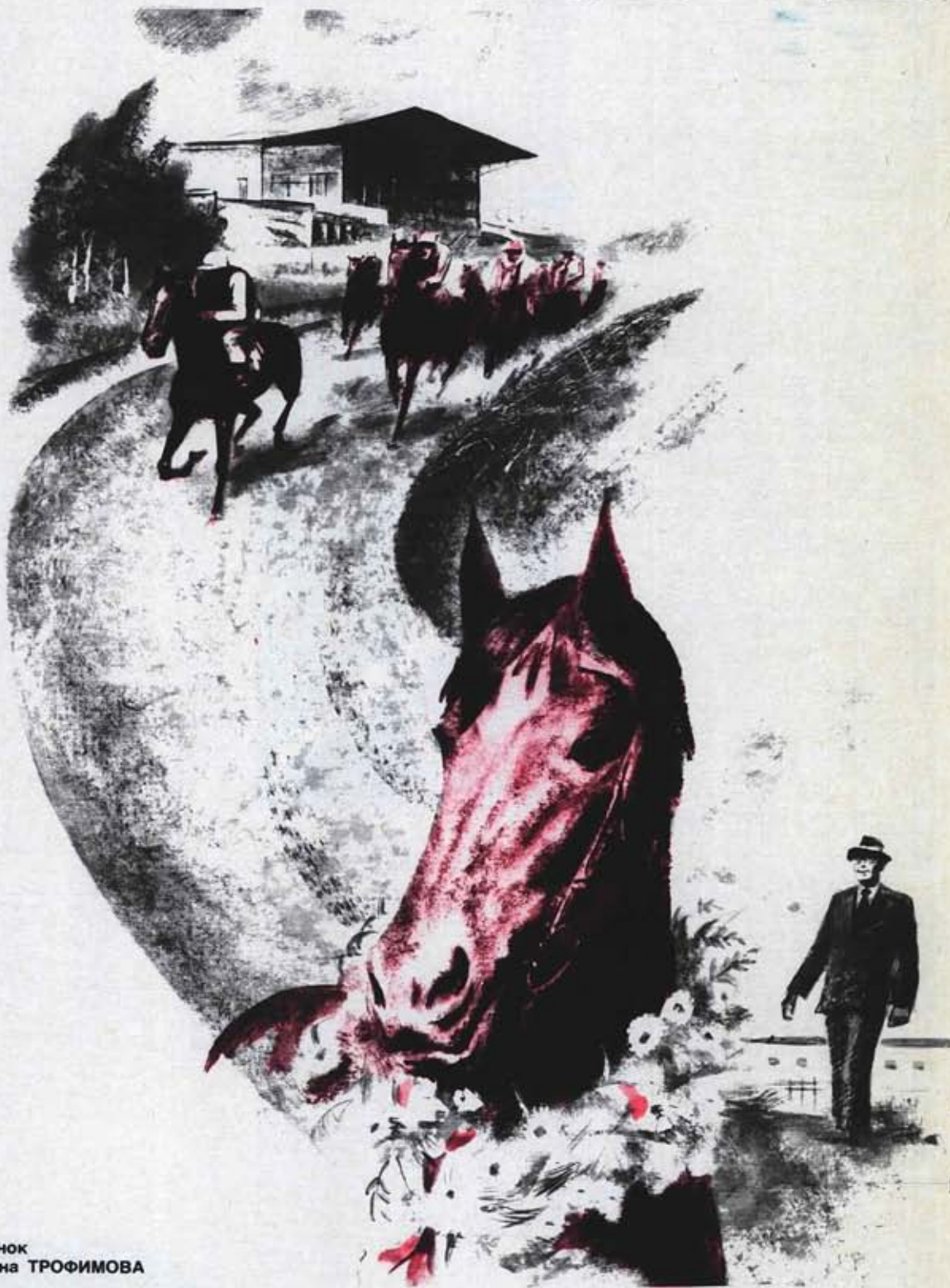
Шеф молча выслушал мои не очень связные объяснения и строгим голосом сказал:

— Слушайте, неужели трудно оторваться от стула и выполнить личное задание главного редактора? Это черт знает что такое!

Я заверил его, что завтра утром буду на заводе и к вечеру все передам в редакцию.

— Ну, хорошо, — буркнул шеф уже спокойнее. — До свидания!

О конных состязаниях и людях, которые этим занимаются, у меня четкого представления не было. Жило только где-то в сознании: ипподром — это зеленый высокий забор по дороге к автозаводу, да

еще помнилась сцена из кинофильма, когда лихая наездница на состязаниях обгоняет оплошавшего председателя колхоза, а потом поет популярную песню «Каким ты был, таким остался...». Говорили, что на скачках темные личности — тотошники — наживают немалые деньги. И вообще от этих состязаний веет чем-то не совсем здоровым, одним словом, не нашим. В то же время возникали и другие вопросы: почему не закрывают ипподромы? Почему пишут о новой породе лошадей? Почему существуют конезаводы? И зачем устраивают состязания тяжеловозов, на которых будто бы лошади перевозят до 20 тонн грузов?

В городке, на площади которого у утром вылез из рейсового автобуса, первый встречный весьма охотно объяснил, как мне попасть в конный парк завода искусственных кож. Вскоре я очутился на окраине, где высилось бревенчатое одноэтажное сооружение — в нем я признал конюшню. У входа находился бревенчатый станок, в котором ковали лошадей. — Это я видывал еще в младенческих летах. Вдоль стен стояли телеги, поломанный тарантас, виселись кучи соломы и навоза.

На одной из телег, в тени, сидел немолодой тощий мужчина в заношенном пиджаке. Во всем облике седока чувствовалась отрешенность, и если бы не открытые глаза да легкое покачивание ног в кирзовых сапогах, свисавших с телеги, можно было подумать, что он дремлет. Он заметил меня и спросил:

— Кого нужно?

Я признался, что зашел просто так, чтобы покурить, поскольку утро жаркое, иду на автобусную станцию, а тут его увидел в тени. Мужчина шевельнулся на телеге, что означало приглашение присесть рядом, принял сигаретку, затянулся, закашлялся, притушил сигарету и, кинув ее, сказал:

— Нет уж, лучше махорку. С этих один кашель только. — Попотчевал. Я отказался, и мой собеседник заметил: — Тоже правильно, кто к чему привык.

И тут же заговорил со мной, прямо как со старинным приятелем:

— Слышь, наш рысак первое место в Москве занял. На Центральном ипподроме одиннадцать развечей со всей страны бежали, а наш — первый. Главный приз наш! Так что праздник у Ермолаича — у меня, значит... Ну да ладно, убираться надо, а то наш Цыган зайдет, шею намылит.

— А это кто такой? — поинтересовался я.

— Директор... Неужто не знаешь?

— Так я же не у вас работаю, — отшутился я. — За что же его так?

И собеседник, видимо, обрадовавшись возможности скоротать время до открытия одного из отделов сельмага, принялся рассказывать о директоре завода Цыренщикове, его неистребимой любви к лошадям и о других обстоятельствах, приведших к появлению у руководителя крупного завода столь неожиданного прозвища.

Страсть к лошадям владела Цыренщиковым, видимо, с юношеской поры — этого Ермолаич знать не мог, поскольку директор появился у них лишь лет десять тому назад. Иначе чем объяснить, что почти сразу же, как только директор принял завод, он велел купить породистую кобылу по кличке Бабочка, от которой и пошли заводские рысаки.

Тут же еще было объяснено, как дается имя новорожденному: его выбирают с начальной буквы имени матери и чтобы, в середину слова попала первая буква клички отца. Вот и появились на свет лошади с именами Босфор, Бобль, Бравурная. Имена директор выбирал сам. Одному жеребцу дал имя двойное: Браслет Тура.

Дальше — больше. Возле заводской конюшни оборудовали круг для скачек. Держали специально наездника. Мало того, директор, тряхнув старинной, нередко садился в таратайку и сам объезжал рысаков. Потом эти масштабы показали Цыгану мелкими. Подключили город, соседние колхозы, рысистые бега стали проводиться в районном масштабе. Местная газета накануне бегов выходила с объявлениями, звавшими жителей полюбоваться захватывающим состязанием. Выделялись плотники, сооружались вышки и трибуны для гостей. К деревне Березовка, где проводились скачки, любителей доставляли на заводских и колхозных автомашинах. В поисках заводчиков (что за скачки без звона!) директор самолично объезжал соседние колхозы.

Но скоро приелись и районные масштабы. Грезилась Цыренщикову свои рысаки на областном ипподроме. Задумано — сделано. И вот уже областной ипподром принимает заводских рысаков. Расходы? Чепуха! Что значит для крупного предприятия, имеющего миллионные обороты, выделить десяток-другой тысяч рублей? И вот живет в областном центре заводской наездник. Ежемесячно

отправляется ему туда жалование, а рысак — овес и сено. И сам директор на персональной машине частенько навещает питомцев. А в мечтах уже — столичный ипподром. Большие надежды Цыган возлагал на Браслета Тура.

— Так-то жеребенок вроде с виду и не очень, — недоумевал Ермолаич. — Я, когда его в первый раз увидел, подумал: форменный урод. Шерстка у него красно-каштановая, на спине черный ремешок, морда с белой лысиной, — все вроде бы ничего. А вот шея согнута, круп искривлен, левая задняя нога кажется короче других. Говорю директору: усыпить, мол, его надо, пока не поздно. А директор говорит: быть того не может, чтобы порода не сказалась. Отец, слышь, у него самый лучший рысак в колхозе «Крестьянин». А я это и без него знаю. Ведь я же и водил туда Бабочку.

Два года ходил Ермолаич за Браслетом Тура. И все это время директор держал жеребенка под своим приглядом. Сам смотрел, как стригли Браслету гриву, когда ему сравнялся год. Не раз Ермолаичу приходилось выслушивать директорские замечания: то слишком крупно режет морковку, то мало подстилки у жеребенка в стойле, то труху не выгреб из кормушки, прежде чем дать сена. А то и вовсе чудное удумал Цыган: чтобы на работу конюхи приходили в чистых спецовках и чтобы ежедневно бриться. Мол, лошадь, если видит неопрятно одетого конюха, становится недисциплинированной. Потом Браслет Тура увезли на областной ипподром, а уже оттуда — в Москву, да везли-то на специальном грузовике.

Мне представилось, как ехал молодой жеребец и презрительно косил огненным глазом на плетущихся своим ходом обычных лошадей. Получалось смешно. Особенно если еще добавить заголовок вроде «Рысак в командировке».

— Теперь Браслет — отрезанный ломоть, — вздыхает Ермолаич и интересуется, сколько на моих часах. Затем продолжает: — Чай, другие подрастают, не хуже. Балагур, Байрон. Их уже на областном ипподроме знают. Вот я туда недавно овес возил и сено. Сено-то у нас хорошее. От такого сена лошадь не емши сыта. Луга у нас пойменные, тут и лисохвост и тимopheвка. Поверишь — нет, выйдешь косить, а запах-то медвяный, сладкий. Пчелы гудят. Идешь лугами, штанины липкие делаются, вот сколько меду-то в разнотравье.

— Погоди, погоди, — спохватываюсь я, убаюканный речью конюха и чувствуя, что теряю сюжетную нить будущего фельетона. — Сколько отвозите в месяц овса и сена?

— Значит, так. — Ермолаич принимает считать, загибая пальцы на руках и шевеля губами. Лицо его обретает деловитое выражение. — Тут раз на раз не приходится. Ежели, к примеру, вот как сейчас там два жеребца, это двадцать пудов овса да столь же сена. Если один...

— Ясно, — перебиваю я конюха и соскакиваю с телеги. Теперь надо зайти к директору, в горком партии и можно возвращаться восвояси. Я смотрю на часы и говорю Ермолаичу: — Ну, будь здоров!

— К директору можно? — говорю я секретарше, сидящей в небольшой комнате заводоуправления.

— А вы по какому вопросу?

— Я из молодежной газеты, — представляюсь я, показывая темно-бордовое удостоверение собственного корреспондента. — Вопрос у меня служебный. Через минуту секретарша, заглянув в кабинет, пропускает меня к директору.

Из-за массивного стола поднялся и сделал навстречу мне несколько шагов тучный мужчина в чесучовом пиджаке. Глаза его, приоткрытые сильными стеклами очков, смотрели на посетителя дружелюбно, внимательно и даже, как мне показалось, чуть-чуть усмешливо. Предложил сесть в кресло перед столом, сам опустился в такое же и устался на меня.

— Я к вам по вопросу вашего хобби, — начал я, придав сообщению некоторую обтекаемость.

— Какое хобби! — сказал Цыренщиков и улыбнулся. — Просто лошадей люблю. Родом я из Архангельской области. Парнишкой с обозами ходил, кнутом хлеб зарабатывать. В гражданскую воевал в коннице. Учиться пошел — вроде бы забылось, потом работал, а вот на старости лет потянуло...

— Я слушал Цыренщикова, не перебивая. Пусть выговорится. Может быть, узнаю что-то еще, что может пригодиться для фельетона. Надо будет обязательно сказать ему, что я собираюсь писать критический материал, вовсе не хвалить его — так требует этика работы журналиста. Пожалуй, пора прервать его монолог! Но, странное дело, у меня не повращивался язык. Более того, мне казалось очень интересным, что говорил директор.

— Разное пишут и говорят про лошадь, — рассказывал Цыренщиков. — Но если вы обратили внимание, никто никогда не говорил о ней дурное. Вот в

чем дело! По уму одни ее ставят среди животных на седьмое место, другие — на третье, сразу же за слоном и собакой и впереди обезьяны. Она верна, отзывчива, честна. Вы только не смейтесь, — попросил он, взглянув на меня, — по-моему, лошади понимают нашу речь, но не могут выразить ее словами. Они могут страдать, грустить, сердиться, радоваться, ненавидеть...

Оказывается, конный спорт — это целый неведомый для меня мир. Рев толпы из-за зеленого забора ипподрома — это лишь внешняя, кассовая, как теперь любят говорить, сторона. Прежде чем попасть туда, жеребенка надо вырастить, обучить. Рысак или скакун — это совсем не то, что рабочая лошадь.

— Что вы усмежаетесь? — спросил директор. — Мол, всякому понятно? Понятно, да не все. Что такое рабочая лошадь? Она должна уметь ходить под седлом, в упряжке, с плугом, по кругу. И совсем другое — рысак. У него должна быть воля, которую наездник должен уметь соединить со своей. Вот когда две воли сложатся, подойдет одна к другой, будет успех. Надо, чтобы наездник был не истязателем в глазах лошади, а повелителем и чтобы лошадь слушалась его...

По словам директора, выходило — втянул-таки меня в разговор о лошадях, — что он лично в них, как и в людях, между прочим, характер ставит выше ума. При добром сердце ум появится непременно, а вот если человек или конь бессердечны, тут даже и умная голова не пригодится.

Например, есть у них такой жеребец Браслет Тура. Ах, слышали о нем? Он занял первое место среди лучших двухлетних лошадей страны. Ему Маршал Советского Союза, заместитель министра сельского хозяйства Семен Михайлович Буденный венюк на шею накинул, шоколадкой угостил. Пусть товарищ корреспондент задумается только, разве это не любопытный факт: со всей страны съехались лучшие двухлетки, а наш Браслет Тура выиграл!

Я украдкой (не хотелось прослыть в глазах директора бессердечным) взглянул на часы. Однако! Пора приступать к делу. Откашлявшись, я спросил:

— А правда, что в Москву его на специальном грузовике везли?

— Конечно! — воскликнул директор. — Он же в дороге мог подбиться, а потом, сколько же времени надо, если своим ходом.

— А вы были на этих скачках? — осведомился я.

— Был, — сказал Цыренщиков. — Вот еще оттуда афишу привез. — И он улыбнулся. — Нашего Браслета никто всерьез и не принимал. Знаете, перед стартом, как всегда, участники проходят вдоль трибун. Я тоже сидел там. Всего наслушался. Считали, что фаворитом скачки будет Дар или Тайфун, вот уж действительно конь-огонь, ни минуты спокойно не постоит. А наш Браслет Тура что? Лысина белая у него такая домашняя, ноги, гляжу, против других саблистые (кривоватые, объяснил он). Ладно, жеребец не слышал, как его поносили, разволновался бы, наверное, скис, удрал бы с ипподрома.

— Вы что же, в командировку ездили специально?

— Что вы, какая командировка! — возмутился директор. — Взял за свой счет два дня и махнул. Вот и билеты у меня еще сохранились... Да, сию, значит, там, переживаю. Два раза фальстарт получился, все Тайфун не выдерживал. Лошади нервничают, зlobствуют, на дыбки встают... А наш словно быченка — стоит, хвостом помахиивает. С третьего раза ушли удачно. Браслет как рванул, так всю милю на одном дыхании и прошел. — Директор счастливо засмеялся. — Наверное, неинтересно и бежать-то ему было... Пришел к нему в конюшню, а жокей говорит: чудо, хромать перестал ваш Браслетик!

— Скажите, во сколько обходится содержание одного рысака и просто рабочей лошади?

Холодный смысл вопроса, видимо, озадачил директора, и он спросил:

— Я не совсем понимаю: зачем это вам нужно?

— Дело в том, что ведь вашему заводу по роду деятельности скакуны не нужны, так? За счет чего же вы держите целый табун рысаков? Поймите меня правильно: сейчас идет борьба с расточительством в любой форме. Редакция считает, что здесь именно такой случай. Я получил задание разобраться и выступить об этом на страницах газеты.

Директор поднялся, перешел на свое обычное место, нажал кнопку звонка и сказал моментально возникшей секретарше:

— Скажите главному бухгалтеру, пусть расчеты по рысакам сделает: корм, содержание...

— Еще что интересует редакцию? — сухо спросил Цыренщиков.

— Ну, в общем, вся финансовая сторона этого дела. Чтобы читатель мог сделать правильные выводы из всей этой истории.

Цыренщиков сгреб в кучу билеты, афишу, фото-

графии и засунул их в ящик письменного стола. На пульте справа от директора замигал рубиновый сигнал. Директор ткнул пальцем и глуховато сказал:

— Слушаю.

— Скажи, пожалуйста, а зачем понадобились тебе эти цифры и за какой период? Понимаешь, нас ведь за это по головке не погладят, а, во-вторых, часть документов уже в архиве.

Я пристально посмотрел на директора. Но он держался молодцом и все тем же ровным и негромким голосом ответил невидимому собеседнику, что эти данные потребовались корреспонденту молодежной газеты, который сидит у него в кабинете. И пояснил: в редакции сами сумеют сделать анализ. Собеседник промолвил, что он все понял, и рубиновый сигнал на пульте погас.

Вскоре в кабинете возникла секретарша и подала директору листок бумаги. Цыренщиков взглянул на него, распялся и протянул мне. Я поднялся, поблагодарил и попрощался с Цыренщиковым.

— Кстати,— остановил он меня.— Когда будете писать, поинтересуйтесь в Министерстве сельского хозяйства и во Внешторге, сколько стоит рысак за границей. Вы же должны быть объективными?

— Постараюсь,— ответил я и вышел из кабинета.

Весь путь до горкома партии я негодовал. «Ишь ты, Цыган. Скачки, поездки, рысаки... Надо будет узнать, как с показателями у завода». Мне почему-то доставило бы радость, если бы завод завалил программу. Но, увы, на районной Доске почта, стоящей возле здания горкома партии, завод искусственных кож значился одним из первых.

«Ну и что?»— не унимался я.— Цифры-то расходов не в их пользу. Корм расходуется, наездник зарплату получает, а отдачи никакой. Вот пусть ревизоры и поинтересуются, по какой же статье все это проводят Цыренщиков и его бухгалтер».

Из секретарей горкома на месте никого не оказалось, и меня направили к заведующему промышленным отделом. Меня выслушали внимательно, и, когда я закончил сообщением о том, что буду писать фельетон, как заводские рысаки развезают по командировкам, замысел был одобрен.

— Ему говорили об этом не раз,— сказал заведующий.— на бюро предупреждали. Если человеку неимется, пусть на себя пеняет. Заводу предстоит расширяться, надо быстрее осваивать полимеры, а стройка идет туго.

— Вот то-то и оно,— сокрушался я.— И ведь не молодой в игрушки-то играть.

— Скоро семьдесят,— усмехнулся заведующий,— а только-только перестал на рысаках-то гонять. Говорят, будто круг для бегов разгородили.

— А для чего же опять Ермолаич Бабочку в соседний колхоз водил?— Я вспомнил словоохотливого утреннего собеседника.— Только сегодня он мне об этом говорил.

— Так вы и на конюшне побывали?— восхитился заведующий.

— А как же! Чтобы все было тик в тик. У нас насчет точности строго.

— Еще бы,— поддержал меня заведующий и щткнул:— Печать— самое острое оружие...

Мы с заводом хлопнули друг друга по ладоням. Он пообещал сообщить о нашей встрече первому секретарю и заверил, что фельетон обсудят на бюро и сообщат о принятых мерах.

Вечером, преодолев ожесточенное сопротивление дежурной стенографистки Марии Михайловны, которая говорила, что она одна и поэтому не может принимать большие материалы по телефону, что лучше мне позвонить завтра утром, я продирировал фельетон под названием «Рысак в командировке». На следующий день перед планеркой, которая начиналась в час, я позвонил в спортивную редакцию и поинтересовался у Фомина, получил ли он то, что заказывал.

— Старик!— заорал в трубке Фомина.— Я тебя поздравляю! За такие материалы мы будем ставить бюсты в редакционном коридоре!

— Прямо уж,— усомнился я, не очень-то доверяя хохмачу Фомину.— Посмотрим, что шеф скажет.

— Ладно,— согласился Фомина.— Я тебе сразу после планерки позвоню. Жди у аппарата.

Звонка из редакции в тот вечер не было. Это могло означать одно из двух: или шефу фельетон не понравился, или его дадут без правки. Через день я не выдержал, позвонил сам. Фомина в редакции не оказалось: он уехал на многодневную гонку велосипедистов по дорогам соцстран. Это сообщение мне не понравилось: где же я буду искать фельетон? Стенографистка сказала, что искать не надо, наоборот, фельетонисты сами ищут меня, и она тут же соединила с отделом.

— Ты чего же конвенцию нарушаешь?— строго спросил меня заведующий.— Пишешь фельетон, а

адресуешь куда?! Знаешь, кто ты после этого? Ах, не знаешь.— И мне четко было объяснено. Уловив, видимо, в моем голосе уныние, старший фельетонный мастер продолжал:— Написано неплохо, шеф на планерке отдельные абзацы зачитывал, смешно. Но печатать обождет. Надо с Министерством сельского хозяйства посоветоваться. Знаешь, кто там лошадьми занимается? Правильно, Буденный.

В августе подоспела пора идти в отпуск, и связь моя с редакцией оборвалась. Спустя месяц я вернулся домой и позвонил в отдел фельетонистов. Заместитель заведующего сказал, что он отлично помнит мой фельетон и что на планерке, когда шеф его штитировал и всхохатывал, многие смеялись.

— Так в чем же дело?

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним,— напомнил замзав крылатое изречение древних.

— Не понял,— признался я.

— Сейчас поймешь,— посулил фельетонист.— Ты что, не знаешь, что шеф теперь работает в другой газете?

Я неуверенно сказал:

— Иди ты разыгрывать! Ты же не хохмач Фомина.

— И хохмач Фомина уже там,— сообщили мне.— Еще вопросы есть?

— Почему все-таки нельзя напечатать фельетон, если он поднимает серьезный вопрос?

— А ты знаешь, что сказали нам о твоём фельетоне в Министерстве сельского хозяйства и, знаешь, кто?

— Я же в отпуске был.

— Приедешь— заходи, отдадим твой фельетон с резолюцией Буденного. А написал он вот что: «Это— лошадь века, такая раз в сто лет бывает».

Много лет прошло с той поры. Я работал в информационном агентстве, и мне было поручено написать очерк о Буденном в связи с его девятидесятилетием. Маршал чувствовал себя неплохо, но адъютант предупредил, чтобы товарищи журналисты не особенно утомляли юбиляра и что на всю встречу отводится полчаса. Нас было двое: спешкор «Литературной газеты» и я. Пока ехали в «Волге» за город, где жил Семен Михайлович, условились: задаем по три вопроса и откланиваемся, как только адъютант подаст условленный знак.

Девяносто лет остаются почтенным возрастом, и мы, говоря откровенно, ожидали увидеть человека, соответствующего этим годам. Но маршал поломал весь регламент встречи и наше представление о почтенном возрасте.

Начать с того, что мы привыкли видеть его в парадном мундире, в сверкании орденов. А он вышел к нам в теплом шерстяном джемпере, мундир же висел на спинке стула, как бы говоря нам: давайте без чинов. Ну и, конечно, мы задали не по три вопроса: ведь находились мы вместе с легендарным человеком, слушали его голос, видели знаменитые усы, держали в руках одну из его прославленных сабель. В его глазах, сколько я ни вглядывался, не было заметно ни малейшей стариковской наволочи. Он назвал нам поименно весь свой взвод, которым командовал в империалистическую войну, рассказал, как гостил в Монголии. Маршал показал во дворе каменный сарай, где стоял его последний конь, и посетовал: теперь уже не доведется поездить, ноги подводят. Руки еще совсем крепкие— это мы и так заметили, когда обменивались рукопожатиями при встрече,— а вот ноги барахлят.

И тут мне подумалось, а может быть, помнит маршал рысака по имени Браслет Тура, ведь он вручал ему когда-то венки за первое место. Я напомнил об этом.

— Браслет Тура,— ответил Семен Михайлович,— с завода искусственных кож, да? Там был удивительнейший человек— директор. Каких рысаков растил! Совсем мальчишкой он служил в Первой Конной, но я его тогда не знал, каюсь...— Он попросил адъютанта принести папку с газетными вырезками и почти сразу же нашел нужное.— Вот что писала западногерманская газета «Спортивный мир», читайте, читайте!

Я взял листок с машинописным текстом перевода и прочел: «Русская чистокровная порода благодаря исключительной лошади Браслет Тура держит нас много лет в рамках так же, как и наших соседей на юге и на западе. Это, конечно, огорчительно для нас, но Браслет Тура, который второй раз получил Большой приз Европы, сейчас в таком порядке, что в этой самой Европе у него нет соперников...»

— За него один конезаводчик из ФРГ давал двести тысяч рублей. Не продали. И правильно сделали!— сказал маршал.— Кстати, если сложить все призы, которые выиграл этот рысак в Европе, в Америке и у нас, этой суммы хватит, чтобы купить двести легковых машин.

У меня не хватило духу сказать маршалу, что я имел когда-то касательство к Браслету Тура и его покровителю по прозвищу Цыган.

А другого случая не представилось.

Валентина КОРОСТЫЛЕВА

Память

Какой июль!

Но грустен мой товарищ.
Не случай, нет, привел его сюда.
Он дрался здесь,
Он помнит дым пожарниц...
А я вздыхаю тихо:
«Красота!»

Чудесным днем заморожен сосняк,
И в памяти встают иные были...
Все меньше снега на густых ветвях,
Еще чуть-чуть— и лес расправит крылья.

А солнце— по сугробам— напролом,
А солнце не теряет ни мгновенья:
Такой во всей природе перелом,
Такое в жизни светлое свершенье...

Да нет, опять не хватит слов,
Уж обязательно не хватит,
Чтоб рассказать, как вечер нов,
Когда весна его подхватит,

Чтоб рассказать, как льнут снега
Опять к спасительному лесу,
Как солнца дивная рука
Снимает дивные завесы,

Как на глазах светлеет бор
И к небу тянется счастливо,
Как обнажившийся угор
С восторгом дети облепили,

Как наудачу, вкривь и вкось,
Ползет по рекам льдов кольчуга,
Как на поляне дремлет лось,
К весне прислушиваясь чутко...

Зазеленела вновь опушка,
Утихомирилась река,
И слышат теплый май лягушки,
И слышно их издалика.

О, этот вид— родной, неброский!
Там, за рекой, луга хмельные,
А здесь, со мною, две березки
В прозрачных платьицах весны.

Им далеко видать с пригорка...
Ударил ветер в три струны,
И перехватывает горло
От нежных красок озимых.

И тишина в деревне Лычной,
И что ни дом— пригож лицом.
Здесь даже пес бродячий— личность,
И лужа смотрит озерцом...

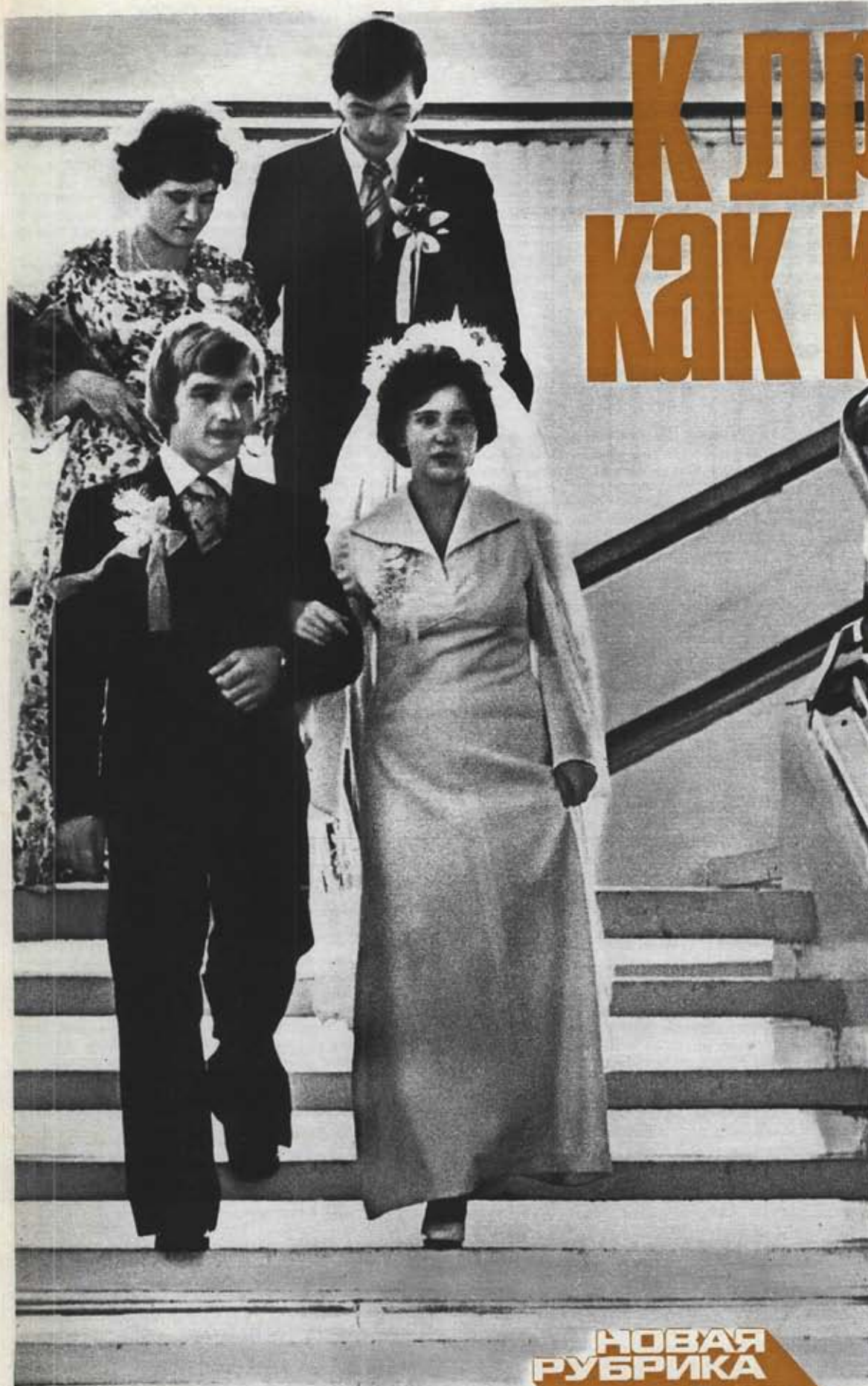
Чаще птицы поднимаются,
Мчатся в теплые края...
Может быть, кому-то нравится
Та уютная земля.

А у нас, коль поле с колосом,
Так не видят край глаза,
А у нас не лесополосы,
А леса, леса, леса.

А у нас увалы вятские,
И не реченька— река.
Если бор— то с море Братское,
Если гриб— в три кулака.

Коль улыбка— то с забавинкой,
Коли слово— не трень-брень,
Коли дело— то немаленькое,
Коли жизнь— не набекрень!

К ДРУГОМУ, КАК К СЕБЕ...

ВОСХОДЯЩАЯ, НИСХОДЯЩАЯ, РАВНАЯ

Вокруг любви скопилось тьма предрассудков, полуправд, лжезнаний — и часто как раз о том, что многим из нас кажется букварной истиной. Вот, например, мнения-соперники, в которые безоговорочно верят их приверженцы: любовь эгоистична (чаще так думают мужчины), любовь альтруистична (чаще так думают женщины). Или главная, пожалуй, из привычных истин, которые резко мешают воспитанию: будто бы родительская любовь построена в основном на альтруизме, детская — на эгоизме, и это нормально, естественно, идет от самой их природы.

Многие, кстати, думают, что альтруизм, самоотречение — наилучшая противоположность эгоизма, и, наверно, это тоже полуправда. И эгоизм и альтруизм — оба они стоят на сваях неравенства: эгоизм — вознесение себя над другими и умаление других, альтруизм — вознесение других над собой и умаление себя.

Конечно, забота о других в ущерб себе может быть высшим видом человечности, особенно в опасных или чрезвычайных обстоятельствах, да и вообще в уходе сильного за слабым или когда человек отдает от своего избытка чужой нехватке. Но если такое самоотречение становится главным принципом жизни в обычных условиях, оно ведет к самоуменьшению, превращает человека в кариатиду, которая держит на себе тяжесть других людей.

Пожалуй, наилучшая противоположность эгоизма — это равновесие своего и чужого «я», стремление не поднимать себя над другими или других над собой, а относиться к другим, как к себе самому... Это простейшая психологическая основа гуманизма (и она, кстати, родственна любви, но об этом потом).

В конце прошлого века Владимир Соловьев, крупнейший русский философ-идеалист, говорил, что есть три вида любви: восходящая, нисходящая и равная.

Восходящая — это детская любовь к родителям, и она больше получает, чем отдает; нисходящая — это родительская любовь, и она больше отдает, чем получает; равная — это взрослая, супружеская любовь, и она отдает и получает одинаково.

Все мы, наверно, понимаем, что многое схвачено здесь точно: в жизни родительская любовь часто бывает как раз такой вот — в основном дающей, альтруистической, а детская — берущей, эгоистической. Но, по-моему, их альтруизм и эгоизм заложены не в их естественной природе. Они больше вызваны обычаями, культурой, степенью развития цивилизации, хотя во многом рождены и биологическими причинами.

В наше время идет переход, говоря условно, от «материального человека», для которого главным было вещественное, зримое проявление жизненных ценностей, к «человеку материально-психологическому», для которого незримые, психологические ценности, ценности душевных отношений важны не меньше зримых. Человечество переходит от доличностного состояния, когда семья была прежде всего экономической ячейкой, к личностному, когда тип человека-индивидуальности, человека-личности постепенно становится все более массовым.

В доличностные времена и в семье в отношениях к родителям главными пластами человеческих отношений были именно материальные — одеть, обууть, накормить. При таком подходе само собой разумелось, что родители дают, а дети получают, и, значит, родительская любовь альтруистическая, а детская — эгоистическая...

Но у любви — у всякой любви — есть как бы два русла: внутреннее — любовь-чувство и внешнее — любовь-отношение. Житейские заботы —

НОВАЯ РУБРИКА

Беседы
о молодой
семье

«Беседы о молодой семье» — так будет называться новая рубрика, которую «Смена» предлагает своим читателям. Тематика рубрики очень широка: она включает в себя беседы о психологической совместности, о взаимоотношениях молодоженов со старшим поколением семьи, о педагогических основах воспитания детей. В обсуждении темы примут участие журналисты, писатели, социологи, ученые. Обращаемся и к вам, дорогие читатели: расскажите о том, как складываются ваши отношения с любимыми, как вы разрешаете конфликты и противоречия, как через разлады идете к ладу; расскажите о своих находках в воспитании детей. Наиболее интересные письма будут напечатаны в журнале. Мы надеемся, что в совместных, дружеских беседах молодые люди поймут принципы, позволяющие избежать ошибок и трудностей семейной жизни, научатся использовать положительный опыт семейного счастья.

Пишите нам. На конверте обозначьте: «Беседы о молодой семье».

только одно русло любви, и когда мы из неравенства этих забот делаем вывод, что для родительской любви норма отдавать, а для детской — получать, мы подменяем целое одной его частью — и от этого обманываемся, впадаем в психологический дальтонизм.

ОСЬ ЛЮБВИ

Человеческая любовь по самой своей природе подспудно тяготеет к равновесию «даю» и «получаю» — хотя бы примерному, колеблющемуся. Такая тяга в сплав с наслаждением чувств — это сама суть ее эмоций, естественная психологическая материя любви. Стержень всех видов человеческой любви, как бы глубинная ось ее чувств — дорожение любимым человеком **как самим собой**, такой накал души, когда все в нем так же сверхдорого твоему подсознанию, **как ты сам**.

В литературе есть эпизод, в котором сгущенно схвачена сама суть любви и ее главное отличие от менее глубоких чувств. Это сцена из «Войны и мира», когда Андрей Болконский признается в любви Наташе Ростовой, получает ответное «да» — и в нем вдруг происходит мгновенный и таинственный переворот: влюбленность делается любовью.

«Князь Андрей держал ее руку, смотрел ей в глаза и не находил в своей душе прежней любви к ней. В душе его вдруг повернулось что-то: не было прежней поэтической и таинственной прелести желания, а была жалость к ее женской и детской слабости, был страх перед ее преданностью и доверчивостью, тяжелое и вместе радостное сознание долга, навеки связавшего его с нею. Настоящее чувство, хотя и не было так светло и поэтично, как прежде, было серьезнее и сильнее».

Влюбленность, которую питал к Наташе князь Андрей, как бы состояла из одного только психологического «вещества» — «поэтической и таинственной прелести желания». И как почти всякое желание, эта влюбленность была «я-центрическим» чувством, чувством для себя.

Пройдя сквозь мгновенное превращение, влюбленность стала другим чувством, гораздо более сложным и «двухцентричным». К чувствам для себя как бы добавились чувства для нее — жалость к ее слабости, страх перед ее преданностью и доверчивостью, сознание долга, которое связало его с ней новой связью...

Десятки веков в обиходе царит мнение, что любовь отличается от влюбленности силой, накалом страстей. Это, наверно, не так; дело не в силе, не в «количестве» чувства, а в его «качестве». Влюбленность может быть более бурной, чем любовь, она может жечь человека сильнее; но она часто «я-центрична», а то и эгоистична; именно поэтому она мельче проникает в душевные глубины человека, меньше пропитывает собой его подсознание — и поэтому меньше меняет человека и быстрее гаснет.

Любовь отличается от нее прежде всего здесь. Незаэгоизм и «двухцентричность» любви — это, видимо, ее основа основ, ее самый глубокий фундамент и главный водораздел, который отделяет ее от влюбленности.

Любовь — это как бы перенесение на другого своего эгоизма, включение другого в орбиту своего «я-центризма». Это как бы удвоение своего «я», появление другого «я», с которым первое срастается, как сиамиские близнецы, и которым человек дорожит не меньше, чем собой, а то и больше.

Чужое «я» как бы входит в поле всех ощущений человека, становится новым магнитным центром этого поля: как будто твои нервы срослись с нервами другого человека и его ощущения как бы перетекают в тебя: его боль переливается в твои болевые центры и делается такой же болевой, его радости впадают в твои приемники радостей и становятся такими же бурными... Как будто два биопсихических поля сливаются в одно, и возникает то самое таинственное «слияние душ», о котором тысячи лет говорили поэты и которое и есть любовь — в ее самом высшем взлете, самом рентгеновском — просвечивающем — проявлении. Вырастает как бы «альтруистический эгоизм», совершенно особое чувство, смешение несмешимых крайностей. Изъяны эгоизма и альтруизма (вознесение своего «я» над чужим и чужого над своим) в этом сплаве как бы растворяют друг друга, а их достоинства (сила заботы о себе и сила заботы о других) как бы помножаются друг на друга.

В потаенных глубинах души возникает почти болезненное дорожение другим человеком как собой; оно бывает, впрочем, и болезнью, самой настоящей лихорадкой души, особенно в несчастной любви или в любви, которую отравляет ревность...

И если в самой плоти чувств нет тяги к такому равновесию двух «я», это, пожалуй, не любовь, а какой-то ее более бедный родственник — привязанность, влечение, влюбленность — или любовь, которая начала угасать.

Это касается и родительской и детской любви. Когда срастание двух «я» начинает уменьшаться, это уменьшается сама сердцевина любви, а не просто ее накал, спадает не только ее «количество», но и «качество». Потому что, повторю еще раз, пылкое дорожение другим, подсознательное переживание каждого его шага как своего — это и есть сама эмоциональная материя любви, сама ее суть.

Точнее говоря, это эмоционально-нравственная составляющая любовных чувств, как бы их настроенность и направленность, — а у любви есть и другое измерение, наслажденческое, «чисто» эмоциональное. Такой вот подход к любви — к другому, как к себе — по моему, куда вернее, чем старый, привычный: он не смешивает любовь с ее родственниками, причем во всех видах любви; и он может помочь людям — тем, кто этого по-настоящему захочет, — вырастить привязанность в любовь или попытаться подольше удержать любовь от угасания...

БЕДЫ ДУШЕВНОГО НЕРАВЕНСТВА

Родители — впрочем, наверно, не все, а душевно глубокие — получают от детей не меньше, чем дети от родителей: они получают их любовь, счастье — самое редкостное и самое завидное состояние на земле.

Во всех видах человеческой любви сейчас все полнее разрастается — и все глубже начинают ценились — душевные, психологические слои. А от этого все острее начинает ощущаться и радость от равновесия двух «я», и боль, тоска, когда такое равновесие исчезает...

Любовь — это в общем-то сверхвнимание к человеку, и многие, наверно, знают, как страдает мать, когда слабеет детское внимание к ней, тает детская забота, привязанность. Такое страдание — боль самой любви, которая уже не получает свою главную пищу — равную душевную отдачу. Трещина начинает раскалывать невидимую сердцевину любви — нестойкий, летучий сплав отдаваемых и получаемых излучений сердца; и когда болит сердце, болит душа — это болит любовь; она именно становится больной, попадает под угрозу смерти.

Несчастная любовь (или угасание любви) действует на людей, как настоящая болезнь. Горе, гнетущее настроение — не просто бестелесный туман, который застилает душу. Это буквальное отравление организма и душевная боль, которую мы испытываем, — самая вещественная, самая физическая боль. Многие, наверно, слышали выражение «адреналиновая тоска»: в моменты горя в кровь человека выбрасываются резко усиленные потоки адреналина — и они-то рождают и усиливают ту боль, от которой ломит душу, гнетет сердце...

Что происходит в это время в нашей психике, как именно рушится самый драгоценный из воздушных замков нашей души? Что умирает в сложнейших сплетениях наших нервных связей, как именно возникают душевные раны? Все это для нас загадка. Мы слышим только эхо глубинных сдвигов, которые совершаются в наших недрах, а их большую суть не знаем.

А ведь это, пожалуй, самый настоящий «любовный невроз», болезнь души, нервов, эмоций — депрессия, меланхолия, упадок сил физических и духовных. Возможно, когда-нибудь психологи и психотерапевты доберутся до этой «любовной болезни», попробуют постичь запутанные комбинации сдвинутых психических процессов, болевые слияния выбитых из русла нервных токов — раны любви, ее агонию. Возможно, тогда они и увидят, как именно гибнет тот зыбкий сплав даваемых и получаемых излучений сердца, который и есть становой нерв любви.

В этой гибели виноваты те, кто ведет себя в духе рабского смирения: мне, мол, неизбежно только отдавать, но не брать. Чаще всего такого психология родителей. Идя по этому истоптанному пути, они и вырастают в детях «я-центризм», делают для них нормой брать, не отдавая или отдавая мало; в решающие, уникальные годы, когда в малышах созревают главные фундаменты души, они делают эти фундаменты эгоистическими...

А ведь эгоизм и любовь — полюсы: эгоизм, говоря упрощенно, — это неспособность дорожить близкими, как самим собой; любовь — дорожение близкими, как собой. И в детях, которые привыкают больше получать и меньше отдавать, детская любовь постепенно становится чувством-ростовщиком, которое берет больше, чем дает. И чем эгоистичнее делается детская привязанность, тем меньше она остается любовью...

Круг замыкается: альтруистическая и эгоистическая любовь порождают друг друга — и гасят, убивают друг друга. И вырваться из этого заколдованного круга можно, наверно, только на путях антиэгоизма и антиальтруизма, потому что альтруизм одних — это, к сожалению, питательная почва для эгоизма других.

МАТЕРИНСКОЕ ЧУВСТВО

Любовный эгоизм и альтруизм во многом вырастают из биологической подпочвы родительской и детской любви. Все мы, наверно, понимаем, что биологические истоки этих чувств построены у родителей именно на отдавании, у детей — на получении, и это невероятно усложняет все их отношения.

Порывы альтруизма у молодой мамы — пожалуй, самые первые проявления материнского чувства и самые древние его фундаменты: они пришли к нам из животного мира, из неукротимого инстинкта.

Альтруизм и самоотречение — это как бы сторожевые посты в родительском чувстве, самые мощные его биологические двигатели. Они наводят под сознание матери огромным зарядом энергии, переполняют его вздымающим ощущением часового, который как бы хранит главное сокровище мира. Такое сторожевое чувство — главная пружина всех материнских действий, и это естественно, нормально: без материнского самоотречения беспомощный малыш просто не выживет.

Родительский альтруизм заложен в нас биологически, и это — благо; но родительская любовь человека — сплав биологии и психологии, и главное в этом сплаве — именно психология. И чем меньше беспомощность у малыша, чем сильнее разрастается в нем психологический мир, тем громче начинают звучать психологические мелодии в материнском чувстве.

Материнская привязанность может стать, а может и не стать любовью. Это ясно, когда делу мешает эгоизм, тогда после альтруистической ступени материнства возникает эгоистическая привязанность, собственническое тяготение; и, наверно, не так ясно, когда в дело вступает другая крайность.

Материнское чувство может быть сильным, непрекращающимся извержением альтруизма, но психологические слои этого чувства будут сужены, настроены по камертонам самоуважения, которое резко сковывает душу. И если плыть по течению этого первичного альтруизма, если не возвышать его до равновесия «я» и «не-я», — материнская привязанность может постепенно стать болезненным, саднящим чувством, подобным умирающей безответной любви.

ПЛЮСЫ ОТЦОВСКОЙ ЛЮБВИ

Отцовское чувство не такое, как материнское. Биологическая основа его куда слабее, и это не чувство-плен, в нем нет такой вращенности в плоть и кровь души; нет в нем и бурного самоотречения, и всепоглощающего накала материнской страсти.

Если в отце силен эгоизм, то и отцовскому чувству легче, чем материнскому, стать «полутеплым получувством». Пожалуй, нехватка биологических опор может так же мешать отцовской любви, как их избыток — материнской. Конечно, речь идет только о естественных несовершенствах, которые вкраплены в природу отцовского и материнского чувства. Что будет дирижировать этим чувством — его сильные или слабые стороны, — зависит, наверно, от самого человека: чем он душевнее и человечнее, тем громче, пожалуй, будут звучать в родительской любви ее светлые ноты.

У отцовского чувства есть и преимущества перед материнским. В том сплаве духовных и биологических порывов, из которых это чувство состоит, первую скрипку играют именно психологические порывы, и поэтому отцовская любовь разумнее материнской. В ней мало инстинктивной боязни, неподвластной сознанию, и от этого отцовская любовь куда спокойнее и уравновешеннее.

Материнская любовь больше **защищает** малыша, отцовская больше **развивает** его; материнская любовь больше растит в малыше **душу**, отцовская — **силу** и **разум**. Сильные их стороны (душевный накал у материнской любви и смелая разумность у отцовской) хорошо дополняют друг друга, а слабые (избыток и нехватка самоотречения) умеряют и ослабляют друг друга. И в идеале две эти односторонние любви могут составить очень уравновешенную пару, могут породить психологическое равновесие, в атмосфере которого хорошо растется ребенку...

С ПОМОЩЬЮ «ЗАКОНА НАРЦИССА»

Детскую любовь тоже подстерегают опасности, и, пожалуй, самые сильные, потому что малыши ничего не знают о них, а человеческие основы их любви больше закладывают в них родители, чем они сами. Начальная ступень детского чувства — первые год-

полтора — построена на естественном «я-центризме», на получении заботы и ласки от старших. Но если малыш и дальше будет только «всасывающей воронкой», детское чувство начнет делаться односторонним — с сильными потоками «я-центризма», потребленческих эмоций и с чахлами струйками добрых порывов, радостей отдачи, заботливости о других.

Есть, наверно, такой психологический закон: чем больше упражняются базовые, полубиологические слои души, тем больше они и разрастаются — часто в ущерб другим; чем меньше упражняются более сложные, отдающие слои души, тем меньше они вырастают и тем беднее чувства людей.

С разных сторон грозят опасности родительской и детской любви: от биологических пластов этих чувств, от односторонности давания и получения, от смирения перед косными обычаями, от незнания... Обо всех этих подводных камнях надо знать, хотя это, видимо, трудно. Вспомним, что говорилось здесь о внутреннем и внешнем русле любви: о любви-чувстве и любви-отношении. Они влияют друг на друга, лепят друг друга по своему образу и подобию: будничные отношения близких людей зависят от этих чувств, а жизнь их чувств еще больше зависит от будничных отношений — заботливых или полужаботливых, добрых или недобрых...

Что происходит, когда любовь-отношение пропитана тягой к доброму равенству двух людей? В любви-чувстве (то есть в бессознательной тяге к равному «обмену счастьем») от этого как бы углубляется срединное ядро — живой ступок встречных чувств, которые все время текут от человека к человеку. Любовь получает для себя все новые и новые психологические строительные материалы — горячие ощущения благодарности, восхищения заботливостью близкого человека, озаренность его сверхвниманием, — и все эти ручки эмоций переплавляются в струйки любви, подновляются и сохраняют ее сохнувшие течения.

Если любовь-отношение настроена по камертону неравенства, начинается подтачиваться сама безотчетная душа любви — подсознательная тяга к равному дарению радостей. Любовь-чувство не получает новых душевных материалов, которые нужны ей для постоянного самообновления, для постоянной замены тех своих частиц, которые вымываются из нее потоком времени, вихрями неизбежных обид и огорчений. Она начинает иставать, ущемляться, превращаться в свое заболеее подобие — альтруистическую или эгоистическую привязанность...

Спасти от болезней и ран любви можно, видимо, только если сделать любовь-отношение союзником, а не противником любви-чувства. Это касается всех видов человеческой любви — взрослой, родительской, детской.

Конечно, от родителей к детям всегда будут идти более сильные потоки житейской заботливости и (от душевно умных) воспитательных влияний. Но такие родители будут получать от детей полноводье счастья, а его потоки дадут взрослым не меньше, особенно если к ним добавятся детские заботы о родителях.

И самое главное: равенство забот по всей своей психологической сути не может быть весовым, арифметическим. Оно в том, что каждый дает другому максимум того, что может дать по своим силам, возможностям, опыту. Именно такая вот тяга к предельной для каждого отдаче и создает равенство в любви детей и родителей, выраживает в детях «родительское» отношение к родителям.

Почему максимум? Потому что любовь — всегда «сверх», всегда у предела, — такая уж сила у ее эмоционального заряда. Что касается «неравного равенства» забот, то вообще в любви, дружбе, во всех душевных отношениях равенство никогда не бывает механическим. Это не одинаковые кульки с заботами, не аптечное равновесие двух чашек весов, это неравный обмен равными по напряжению максимальными душевными порывами.

У психологии любви есть одна коренная — и спасительная — черта. Чем больше мы делаем хорошего для кого-нибудь, чем больше вкладываем в него свою душу, тем больше наше подсознание тяготеет к нему: мы как бы закладываем в него магниты, которые с новой силой притягивают нас.

Нашим подсудным чувствам дороже всего те, в кого мы как бы вживляем частицы своей души; и чем больше частиц нашего «я» вживляется в другого человека, тем ценнее он для самых горячих и бессознательных глубин нашего существа.

Этот странный закон человеческой психологии — своего рода «закон Нарцисса»: любовь к тому в другом человеке, что мы безотчетно ощущаем как отблеск своего «я». С людьми, в которых мы вкладываем себя, нас связывают новые, дополнительные силы влечений: не только то в них, что принадлежит им, но и то, что как бы принадлежит нам. Нас влечет к ним двоякая тяга: наслаждение от их собственного облика и притяжение тех частиц нашей личности, которые как бы проросли в них и еще теснее сроднили нас.

Это, видимо, глубинное, стержневое свойство человеческой психологии, оно действует во всех видах человеческой любви и может одинаково помогать любви мужчины и женщины и любви детей и родителей.

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ВОСПИТАНИЯ

Это вот свойство человеческой психологии позволяет делать равновесие забот становым хребтом всех наших отношений с детьми. Здесь лежит сердце и мозг всего детского воспитания, его основа основ.

Пожалуй, главная стратегическая цель семейного воспитания — чтобы дети так же заботились о родителях, как родители о детях. Их душа, любовь, совесть — все должно быть запрограммировано на равенство забот, равенство помощи, равное дарение счастья.

Отношения с малышом стоило бы строить так, чтобы с молоком матери он всасывал «материнское чувство» к близким. Детям — в их дошкольные годы — надо бы все время давать ощущать, понимать: детская любовь, забота, внимание нужны родителям не меньше, чем самим детям — родительская любовь.

Это в корне меняет весь уклад семейного воспитания, всю его психологию, мораль; это рождает совершенно новый строй отношений между детьми и родителями — равенство душевных и житейских забот. Впрочем, в житейских основах такой строй отношений был в старой крестьянской семье (и встречается в нынешней), а в душевных основах есть и в известной семье Никитиных, и во многих неизвестных нам семьях, где детей растят в атмосфере сердечного равенства.

Такой подход исправляет коренные несовершенства детской природы и детской любви к родителям. Он как бы уравнивает первоначальный детский эгоизм первоначальным материнским альтруизмом, как бы заражает детскую любовь частицами родительской любви и делает ее из «я-центрического» чувства двуцентрическим. Он — это главное — внедряет в чувства детей, в их подсознательное отношение к другим людям как к себе самому.

А такое отношение не просто комнатно-бытовое свойство: это элементарная опора всей человечности, основа основ наивысшей человеческой морали. О сути гуманизма именно так говорил в свое время молодой Маркс: «Чувства и наслаждения других людей стали моим собственным достоянием».

Новый подход к детской любви исключительно важен для поколений единственных детей, особенно в нынешней городской семье. Дети часто растут в них иждивенцами, без чувства трудолюбия, и само их положение центра семьи взращивает в них «я-центризм», а то и эгоизм. Воспитание в них любви-равенства, «эгоальтруизма» — лучшее, пожалуй, противоядие от невыгод их жизненного положения.

Таким же якорем спасения этот новый подход может стать и для родителей и для всей нынешней малой семьи вообще. (Малых семей в стране больше девяти десятых.) У этого исторического типа семьи есть некоторые преимущества перед семей из трех поколений: меньше естественная разница поколений, и от этого легче совместимость, ближе интересы, больше интимность быта... Но у нынешней малой семьи, особенно в городе, немало и теневых сторон: узкий круг общения, замкнутый быт, женские перегрузки, пассивный — телевизорный — досуг, а главное — все растущее угасание межсемейной помощи, и вместе с ним — разрастание чего-то вроде семейного эгоизма. Так же важно, пожалуй, и то, что городская семья стала чисто потребительской ячейкой, в ней почти нет повседневного трудового воспитания, слаба трудовая, творческая атмосфера постоянного творения интересной домашней жизни.

У воспитывающих влияний жизни есть как бы два русла: сознательное воспитание и воспитание стихийное — самим повседневным бытом, самим укладом ежедневных отношений, в котором живут люди.

И теневые стороны городской семьи часто растят в нас — особенно в детях — «я-центрические» слои души, потребительство, замкнутость интересов на себе и плохо вырабатывают не эгоистические фундаменты — тягу помогать другим, способность относиться к ним как к себе самому...

Любовь-равновесие может стать новым — и мощным — психологическим рычагом в отеплении семейного климата. Причем тут, видимо, есть только два выхода: или мы сумеем умерить бытовые минусы малой семьи таким вот равновесием забот, принципом «к другому — как к себе», или минусы малой семьи, особенно ее воспитательного духа, станут нарастать, обостряться.

Здесь лежат ключи к судьбе современной семьи, к будущему многих поколений детей, которые растут в ней.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Конкурс одного стихотворения

Георгий ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ,
машинист башенного крана,
Солнцево

Музыка

*Я вспоминаю райвоенкомат,
Как строим шли — не в ногу и без песен.
Нас, под «нулевку» стриженных ребят,
Ждал эшелон тогда на Красной Пресне.
Нам было всем по девятнадцать лет.
...Но вот затих вагонный ляг и скрежет:
За двадцать суток добрались в Посьет
На Тихоокеанском побережье.
Большой залив и сопки лишь окрест,
От той дороги нас слегка качало...
Вдруг рядом грянул духовой оркестр —
Нас музыкою армия встречала!*

Вячеслав ЛУКАШЕВИЧ,
капитан второго ранга,
Калининград

*Ни в переулках незримых,
Ни на виду многих глаз —
Не оскорбляйте любимых
Женщин, покинувших вас.
Тех, что клялись вам когда-то
Верными быть до конца.
Тех, что ушли без возврата
С чистых ступенек крыльца.
Что не сказали «прощайте»,
Просто исчезли, как дым...
Вы пожелайте им счастья —
Бывшим любимым своим.
Ревностью глупой тоими,
Боль и обиды терпя,
Не оскорбляйте любимых,
Не унижайте себя!*

Татьяна ШАРОВА,
учительница,
Киев

*Спит детство,
дышит ровно, не тревожно.
И в сказочно-невероятной
путанице
Сны, как цветы
на тонких, хрупких ножках,
Обрадуют
и радужно распустятся.
И будет все,
как продолженья дня:
Веселье игр,
любимый яркий мячик,
Игрушек
беспокойная родня,
И света,
и беготня ребячья.
Ну, а пока
ночь просит не мешать.
О, сколько надо
ей еще придумать!
Она
у изголовья малыша
Волшебницею
доброю колдует.*

Василий КРАСНОВ,
студент,
Тамбовская обл.

*Я не был на фронте,
В атаке я не был,
Но часто мне снится
Горячее небо,
Горячее поле
Под Старою Руссой,
И воин усталый,
И лес белорусский.
И Вечный огонь
У Кремлевской стены...
Я не был на фронте,
Не видел войны.*

МАЛЬЧИК НА КАЧЕЛЯХ

ПОВЕСТЬ

Глава 3.

ВТОРНИК, 25 СЕНТЯБРЯ (продолжение)

1

В коробке на верхней полке стеллажа профессор хранил деньги. Корякин не смог назвать точную сумму, но приблизительно, на глаз, определил: тысяч пять-шесть. Сбережения Вышемирского состояли в основном из купюр по десять и двадцать пять рублей. Не исключено, что вчера деньги были взяты с разрешения Ивана Матвеевича. Не исключено также, что их украли. И в том и в другом случае необходимо было знать, кто, кроме Корякина и Черпакова, побывал в доме двадцать четвертого сентября.

Больше часа мы просидели в моем кабинете, суммируя то, что успели выяснить за первую половину дня.

Логвинов изъясил телеграмму, поступившую на имя Вышемирского «до востребования». Текст был следующий:

«ПРИЕЗЖАЮ СРЕДУ ЕСЛИ СМОЖЕТЕ ВСТРЕЧАЙТЕ ПЕОЗД 186 ВАГ 9 СКУЧАЮ КЛАВА»

Никакой другой корреспонденции для Вышемирских не было ни в районном отделении, ни на главпочтамте. Тем внимательней мы разбирали текст телеграммы. Информация она содержала маловато, и вывод сделали один: отправительница, несмотря на официальное «Вы», была с Иваном Матвеевичем в довольно близких отношениях. Это был шанс узнать о профессоре больше, и мы не могли им пренебречь. Предпринимать что-либо сегодня не было никакого смысла — знакомая Вышемирского приезжала в среду вечером. Узнать подробности об отправительнице и встретить Клаву я поручил Логвинову.

Сотниченко вернулся тоже не с пустыми руками. В горотделе ему удалось разузнать следующее: каминные часы с надписью «Адвокату, не знающему поражений» значились похищенными у гражданина Перевозкина Федора Трофимовича.

— Этот «адвокат» живет в поселке Красно, — объяснил Сотниченко. — Туда всего два часа езды. Разрешите съездить за ним, Владимир Николаевич. Я его мигом доставлю.

Я дал «добро» и внес соответствующие коррективы в составленный утром план работы.

Первым пунктом в нем значилось: «Определить круг знакомых отца и сына Вышемирских, для чего побывать в институте и на художественном комбинате». Среди других, состоящих в основном из одного слова пунктов (например, «Черпаков?», «Часы?», «Маркин?»), попадались и более пространные. Пятый, например: «В срок до пятницы провести предварительный осмотр и оценку специалистами коллекции картин». Или шестой: «С двадцать пятого сентября организовать скрытый пост у дома Вышемирских».

— Муха не пролетит, — пообещал мне Логвинов, которому было поручено выполнение шестого пункта.

Объективности ради приходилось признать, что в графе для отметок об исполнении галочек пока было мало, а конкретно две: против фамилии Корякина и слова «корреспонденция». У нас в милиции, как и везде, планы составляются для того, чтобы их выполнять. Напомнив об этом своим помощникам, я закрыл совещание и направился в редакцию журнала.

В погоне за следующей галочкой я хотел проверить показания Черпакова о том, что рассказы, которые писал Юрий Вышемирский, собирались публиковать в журнале.

2

В редакции Юрия Вышемирского еще помнили («Такой милый, вежливый молодой человек») и сказали, что шесть лет назад им занимался литсотрудник, а ныне заместитель редактора Васильев.

Прежде чем встретиться с ним, я на свой страх и риск (с любезного разрешения секретарши, конечно) проник в архив и с полчаса копался в забытых до отказа шкафах с рукописями. Я слабо разбираюсь в литературе, ничего не смыслию в редакторском деле, поэтому вопрос о том, есть ли в шкафах гениальные сочинения или нет, меня не волновал. Я искал нечто другое и, представьте, нашел: на одной из полок, как мне показалось, самой тесной и пыльной, под тяжелой стопой бумаги я нашел тонкую папку, на обложке которой под стандартной надписью «Дело №» стояла знакомая фамилия.

Первой в папке лежала заколотая скрепкой рукопись рассказа под названием «Март». Тут же, не выходя из архива, я прочел первые строчки. Начинался он так:

«Я возвращаюсь домой с урока музыки. В футляре скрипки. Которую я ненавижу. Иду к матери. Которую люблю. Я еще не знаю, что она умерла».

Перечитав эти строки дважды, я опустился на стул. Написанное слово в слово совпадало с фактами из биографии автора! Для меня это было полной неожиданностью. Мать Юрия умерла в марте (рассказ назывался «Март»), сам он занимался в музыкальной школе и именно по классу скрипки. Я перелистал рукопись, все еще боясь верить в удачу. Это было все равно, что найти подробный дневник человека, о котором знаешь мало, а хочешь знать все.

Всего в папке оказалось четыре рассказа. Чтение заняло меньше часа, и я направился в кабинет заместителя редактора, почти уверенный в том, что не узнаю от него больше, чем только что узнал о Юрии из его же рассказов.

Но вторник оказался днем больших сюрпризов. Во-первых, заместитель редактора Васильев Андрей Иванович оказался тем самым Андрюшкой Васильевым, с которым мы много лет назад учились в университете: я на юридическом, а он на истфаке. А помнил я его по комсомольской работе: оба мы принимали в ней наикрайнейшее участие.

Когда навстречу мне поднялся невысокий, лет тридцати пяти мужчина, я еще сомневался, но, увидев на его загорелом лице светло-голубые глаза, сморщенные, как и прежде, внимательно и улыбочиво, сомневаться перестал.

И он и я были рады встрече, и ему и мне было что вспомнить. Лишь после того, как плечи начали побаливать от дружеских похлопываний, а среди общих знакомых не осталось ни одного, кого бы мы не вспомнили, Андрюшка, он же Андрей Иванович, заинтересовался целью моего визита.

И тут меня ждал второй сюрприз: Васильев прекрасно помнил Юрия Вышемирского, и, что еще важнее, ему было что о нем рассказать.

— Ты что, помнишь каждого автора? — задал я естественный в такой ситуации вопрос. — С тех пор прошло, по моим подсчетам, лет пять-шесть, не меньше.

— Не всех, конечно, — улыбулся Васильев. — С Юрием особая статья. И потом я давно на редакционной работе, хочешь не хочешь появляется мысленный мальчишка, которого, забывшись, еще можно назвать по имени, а завтра большой писатель. Вот и присматриваешься повнимательней, чтобы было о чем в мемуарах писать.

— И как выглядела бы глава о Вышемирском? Веселый блеск в глазах у Андрея чуточку потускнел.

— В несколько строк, — сказал он. — Удачно начал. Талантлив. Знал цену слову. Складывался свой стиль письма. Надо было работать и работать. Вместо этого пониженная требовательность к себе, лень, эпитонство. Творческая смерть. Такая вот глава, Володя.

— Больше похоже на эпитафию, — заметил я. — Печально, — согласился Андрей. — Но для нас автор перестает быть интересным, если бросает работать над собой и над своими произведениями! Ты читал его рассказы? — Он кивнул на папку.

— Нет, — схитрил я. — Тогда послушай. Он пришел к нам совсем еще молодым парнем. Нескладным, взъерошенным и полным надежд. Почти каждый, кто переступает порог редакции, верит в собственную гениальность, но гением является далеко не каждый. Юрий не был исключением. В его возрасте пишут многие, почти все, половина из них приходит в редакцию, а издаются единицы. Юрий принес два рассказа и был уверен, что их сразу пустят в набор...

— Разве так не бывает? — перебил я. — Большим терпением ты и в университете не отличался, — поддел Васильев. — Мы должны знать автора, знать его возможности.

— Понятно, — буркнул я. — В первом рассказе, как мне помнится, речь шла о мальчишке лет двенадцати. В школе во время перемены он съел конфеты своей соседки по парте. Девочка обнаружила пропажу и пожаловалась учительнице. Та, не долго думая, подняла ребяка и весь урок продержала на ногах, требуя, чтобы виновник признался. Мальчишка мучают угрызения совести, но он боится сказать, что сделал это он. Возвращаясь из школы, он решает рассказать все матери и поступить так, как посоветует она. Но дома его ждет ужасное известие: мать умерла. Всю ночь он бродит по городу, плачет, вспоминая маму, а под утро, вернувшись домой, идет в сад и там с ожесточением разбивает о ствол дерева скрипку, которую подарила ему мать. Приблизительно так.

Андрей выждал некоторое время и продолжил:

— Вот тебе сюжет второго рассказа: молодой человек в минуту глубокого душевного кризиса пишет письмо, содержание которого аналогично знаменитому монологу Гамлета. Помнишь? «Достойно ли терпеть удары и щелчки обидчицы-судьбы? Иль лучше с оружием встретить море бед и положить конец волненьям?!» Герой рассказа адресует письмо самому себе, предлагая вскрыть его через месяц и, если ничего не изменится в его жизни за это время, привести в исполнение свое решение: бросить дом, отца, друзей и уехать из города, чтобы начать новую жизнь. Проходит год. Молодой человек так и не вспомнил о письме. Однажды в его доме собирается компания. Он берет с полки какую-то книгу, чтобы показать ее гостям. Оттуда выпадает запечатанный конверт с надписью «Вскрыть через месяц». Кто-то поднимает конверт, вскрывает его и начинает читать письмо. Молодой человек хочет вырвать листок, но гости передают его из рук в руки и вслух дочитывают до конца, потом начинают читать заново. Заканчивается повествование тем, что герой мечется по дому, тщетно стараясь вырвать из чужих рук свое письмо... Зная твою дотошность, скажу сразу: содержания письма автор не приводил.

«Бросить дом, отца, друзей и уехать из города, чтобы начать новую жизнь, — звучало во мне. — Бросить... уехать... бросить... уехать...» При чтении рассказа я решил, что Вышемирский писал о себе, но Васильев... Почему он привел эту фразу дословно? «Почему, — спрашивал я себя, — почему он помнит содержание рукописей спустя столько времени?»

— Понимаешь, Володя, у него был талант, — негромко сказал Андрей. — Ему удавалось схватывать и передавать настроения людей, тонко описывать состояние человеческой души. Это дар. Я до сих пор помню отдельные места из его рассказов, словно прочел только вчера. Но ему не доставало опыта, четкой позиции. А теперь слушай внимательно, — предупредил он. — Не знаю, поможет тебе это или нет, но я убежден, что Юрий Вышемирский был одновременно и автором и героем своих произведений. Он добросовестно, я бы сказал, скрупулезно, переносил на бумагу свои собственные ощущения и состояния своей души.

Умница! Если бы в первые минуты встречи я не узнал, что Андрей влюблен в свою редакторскую работу, то предложил бы перейти в милицию. Нам такие люди позарез нужны!

— Настоящим героем рассказов был сам автор. И хотя действовали в них Валерки, Петьки, Борьки, настоящее имя у них было одно — Юрий Вышемирский. Чтобы понять это, не надо было быть очень уж большим психологом. Не случайно оба рассказа были написаны от первого лица. Это был порыв, крик души, сокровенные мысли, высказанные вслух.

— Ты меня не убедил,—как можно внушительней сказал я, решив схитрить и на этот раз.

— У меня есть прямое доказательство,—спокойно парировал Андрей, и я невольно вспомнил нашу товарищескую встречу по боксу, которую лет пятнадцать назад выиграл не я.—Но об этом чуть позже... Через неделю Юрий принес третий рассказ. О любви. Сюжет такой: герой приходит к своему приятелю и застаёт в его квартире девушку, которую любит много лет, не признаваясь ей в этом. Девушка одета в рубашку приятеля, на диване смятая простыня, в квартире, кроме этой парочки, никого нет. Герой догадывается, что это любовная связь. Возвращается домой, ищет сочувствия у родных, но не находит его. Повествование перебивалось воображаемыми сценами встречи героя с девушкой и его запоздалого признания в любви... Так вот, можешь быть уверен, что был у него этот приятель по кличке «Мендозо», впрочем, кличку он мог и придумать, была девушка с длинными черными волосами, которую он любил, и письмо сам себе он писал и историю с конфетами не выдумал...

— Что ты ему сказал? — поинтересовался я.

— В первый раз мы побеседовали довольно мирно. После того как он принес третий рассказ, я сказал, что ему противопоказано писать. Сказал, что нельзя ставить себя в центр мироздания и воображать, что литература — трон для эксгибиционистов. Я был с ним намеренно резок. Он ушел из редакции в шоке, на что я, собственно говоря, и рассчитывал.

— Рассчитывал?

— Да. Ему нужна была встряска, и я ему ее устроил. Еще через неделю он принес рассказ, который назывался «Мальчик на качелях».

Такого рассказа в папке не было, но я предпочел не спрашивать.

— «Мальчик» мне понравился. Правда, пришлось изменить название...

«Второй раунд» — четвертый рассказ Юрия,— догадался я.

— Он стал называться «Второй раунд», — подтвердил мою догадку Васильев. — Выпускной класс едет на практику в колхоз. Некий Зотов, самый сильный ученик в классе, беспричинно избивает Щелчка — тщедушного, худенького мальчишку. Главный герой, видевший, как Зотов глумится над беззащитным товарищем, не находит в себе смелости заступиться. Проходит несколько лет, и он случайно встречается с бывшим одноклассником. Они идут в кафе. Зотов мало изменился, разве что стал еще злее, агрессивней. Он не без удовольствия вспоминает, как издевался над Щелчком, смакует подробности. Уже после того, как они распрощались, главный герой догоняет Зотова и, ничего не объясняя, бьет его по лицу... Кстати, новое название Юрию подсказал я.

— А чем тебе не понравилось «Мальчик на качелях»?

— Понимаешь, Юрий как бы уподоблял жизнь своего героя раскачиванию на качелях: взлет, за ним падение, затем снова взлет, хорошие поступки чередуются с плохими, принципиальность с компромиссами, смелость с трусостью. Мне такая концепция показалась неверной.

— А пощечину в конце случайно не ты придумал?

Васильев не обиделся.

— В то время я и сам был не прочь узнать, чем на самом деле закончилась встреча с Зотовым,—отозвался он.—Ведь я не сомневался, что был в жизни Юрия и этот мерзавец, и Щелчок, и практика в колхозе. Представь себе, не ошибся...

— Это и есть то самое прямое доказательство?

— Оно самое.

Его светлые глаза стали задумчиво-неподвижными. Словно тень прошлого, горькая улыбка тронула его губы. Я понял, что наступил кульминационный момент разговора, и приготовился слушать.

3

...Был вечер. Васильев возвращался с семинара молодых прозаиков. После дискуссий, споров, выступлений, длившихся пять часов краду сначала в огромном кабинете редактора, потом в прокуренном коридоре и тесном фойе редакции, он чувствовал усталость. Тянуло в тишину и уют пустующей квартиры, но надо было еще зайти в магазин, потом отнестись передачу жене, в родильный дом. Он не предупредил ее, что будет занят в субботу, и она, конечно же, нервничает, с утра ожидая его прихода.

Андрей успел купить две бутылки сока, плитку шоколада, молоко и стоял в очереди за виноградом, когда сквозь стеклянную витрину магазина увидел знакомую сутуловатую фигуру Вышемирского. Тот стоял лицом к витрине и, размахивая руками, что-то возбужденно говорил высокому парню в нейлоновой куртке.

Очередь двигалась быстро. Через минуту Васильев выбрался из магазина. Юрий сразу заметил его,

сделав несколько шагов навстречу и, оглянувшись, что-то сказал приятелю.

— Здравствуйте, Юра.— Васильев протянул ему свободную руку.

— Здравствуйте,— вяло ответил Вышемирский.— Я здесь с товарищем, Андрей Иванович... Простите, у нас дела.

Васильев растерялся, не зная, как поступить. Впрочем, колебался недолго. Вышемирский был угрюм, озлоблен, и Андрей подумалось, что он нуждается в помощи. Решил остаться.

— Что ж вы не пришли на семинар?

— Не смог.— У Вышемирского не было ни малейшего желания продолжать разговор.

— Мы же договаривались еще на прошлой неделе, а вы исчезли, как граф Монте-Кристо,— предпринял попытку пошутить Васильев, чтобы сгладить заминку.

— Какой там граф! — Жизнерадостно пробасил высокий парень, подошедший сбоку.— Ты, друг, его плохо знаешь. Графоман он, а не граф!

Вышемирский отвернулся.

— И жульничает к тому же,— продолжал высокий.— Пятерку заныкал? Заныкал. Какой ты граф после этого?

— Он шутит,— сказал Вышемирский, обращаясь к Васильеву почему-то с неприязнью.— Нам пора, Андрей Иванович. До свидания.

Васильев не мог проникнуть в суть происходящего.

— Нет, ты подожди! — возмутился тем временем высокий и смачно выругался.— Хороши шутки! Я «Литературную газету» тоже читаю—знаю, как шутят.— Он искоса посмотрел на Васильева, как бы приглашая его принять участие в разговоре.— Сам посуди, дядя. Разве настоящие друзья так поступают? Пошли мы с ним на скачки. Скинулись по трешке на тотализатор, купили четыре билета и вина на два рубля. Вместе шили, вместе чебуреками закусывали. Смотрим, на восьмом заезде Арифмометр приходит первым, а в девятом у самого финиша Кулидон вырвался вперед. На одну голову. А мы на эту самую голову и ставили, все четыре билета. Выдачи двадцать один рубль. Итого: восемьдесят четыре карбованца. Ну, что, неправильно считаю, а, Юра?

— Помолчи,— просительно вымолвил Вышемирский.

Высокий безмятежно расхохотался, оскалив крепкие влажные зубы.

— Может, я вру? Или, может, ты мне в морду дашь, а? — Он снова обратился к Васильеву.— Вот такие дела, дядя. Графья-то, выходит, познаются в

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

беде. Вместе в школе учились, на соседних партах сидели. Арифметику тоже вместе проходили. А теперь этот Монте-Кристо свою теорему придумал. Вроде как вино покупал я на свои денежки, а на тотализатор только рубль кинул. И не я, а он билеты покупал. И лошадок тоже он выбирал. А денежку, знаешь, как делит? Пропорционально вложенным паям. Во дает! — Высокий хлопнул Васильева по плечу.— Он у нас вообще фантазер, этот граф, но я его прощаю. Мне не привыкать. Только вот что: на ипподром вместе пришли? Вместе. Вот и отдай долю.

Васильев сбросил руку, которую высокий «забыл» убрать с его плеча.

— Юра, вы ничего не хотите сказать? — спросил он.

— Ладно, дядя,— с наигранным добродушием сказал высокий.— Я разве не понимаю. Встреча старинных корешей. Поговорить надо, поделиться планами на будущее. Я не мешаю—делитесь.

— Это мой знакомый—Евгений,—представил высокого Юрий.— Пойдемте, я провожу вас немного.

— Проводи, проводи, знакомый,— снисходительно разрешил высокий и вместе с ними пошел вдоль освещенной фонарями улицы.

Юрий сосредоточенно смотрел под ноги и молчал. Гнетущее ощущение недосказанности сковывало Васильева.

— Что же вы молчите? — спросил он.

— Спой, светик, не стыдись,— тут же съязвил высокий, подтолкнув Вышемирского плечом.

— Я ждал вас,— стараясь не обращать внимания на высокого, сказал Андрей.— Над разговором еще надо работать.

— Слышь, Юр, работать надо,— вмешался высокий.— Ты почему не работаешь над рассказом?

Васильев почувствовал, как вытесняя многочасовую усталость, в нем закипает злость. А высокий самодовольно продолжал:

— Смотри, Юрка, не надорвись. Ведь что такое писатель? Сидит себе, желтеет под настольной лампой, бумагу марает. Годы идут, а он все сидит. Посмотрит однажды в зеркало—ага, уже седой и напололам лысый. Старость, значит, подошла. Пора итоги подбивать. А кроме фамилии в черной рамочке ему ничего и не светит. Верно я говорю, Юр?

Вышемирский ускорил шаги, но высокий не отставал.

— С другой стороны возьмем. Что они пишут? Ты, дядя, думаешь, правду? Шип с маслом! Кто-кто, а я

знаю. Вы вот думаете, что Женя — дурак, я ведь знаю, и вам невдомек, что знаю я, о чем вы тут секретничаете. В курсе я, понятно? Хмырь этот, что дружок меня называет, рассказ про меня накатал.

— Не смей, Зотов! — срывающимся голосом крикнул Вышемирский.

Васильев же остановился от неожиданности: «Зотов! Тот самый!»

— Ты не стесняйся, я не в обиде, — юродствовал Зотов, входя во вкус. — Писать не стеснялся? Вот и расскажи интересующемуся товарищу, как ты мне по шее наостылял. На бумаге, конечно. Что? Не слышу. Как это называется? Реализм, что ли? Я, знаешь, так и подумал, когда писульку твою у тебя в комнате нашел. Читаю и глазам не верю. Это когда же было, товарищ граф? В каком сневидении вы мне по шее дали? Э-э, Юра! Не с твоим хилым здоровьем в мстители записываться. Щелчка ему, видите, жалко стало. Так вот что: давай делить выигрыш, да пойду я домой. Скучно чего-то с тобой стало.

Они завернули за угол. Вышемирский остановился и процедил сквозь зубы, обращаясь к Васильеву:

— Ну что, довольны? Уходите теперь!

Зотов ухмыльнулся и с размаху хлопнул Васильева по плечу:

— В самом деле, дядя, топал бы ты отсюда. Мы с Юрком без сопливых разберемся. Я тебя первый раз вижу, и ты мне не очень нравишься. Так что топай.

— Убери руку, — процедил Андрей.

Высокий оскалился, схватил его за ладканы плаща и встряхнул. Васильев успел заметить, что Вышемирский смотрит на них глазами, полными страха, а губы его беззвучно двигаются, как у рыбы, выброшенной на берег.

— Слушай ты, козел, — просипел Зотов. — Не зли меня лучше! Катись со своей авоськой, пока я тебе ее на голову не натянул. Катись по-хорошему, не то я его, Юрку, заставлю бить. И он ударит. Не веришь?

Васильев верил.

Удар в низ живота оказался сильнее, чем он рассчитывал. Зотов глухо крикнул, согнулся и застыл в таком положении, удивленно выпучив глаза. Резким ударом снизу Васильев выпрямил его, и Зотов, цепляясь за стену дома, осел на асфальт.

— Эх, ты, — бросил Андрей то ли ему, то ли Вышемирскому, неподвижно стоявшему в двух шагах от Зотова.

Он подхватил сетку и медленно, не оглядываясь, побрел прочь...

4

— Да, история, — сказал я, когда Васильев закончил. — И больше ты его не видел?

— Нет, два раза ходил к нему, один раз в институт, второй раз домой. И оба раза не застал. Написал официальное письмо с приглашением зайти в редакцию. Он не явился.

— А «Второй раунд»? — спросил я.

— Не состоялся второй раунд, — усмехнулся Андрей. — Ни в жизни, ни в литературе.

— Как думаешь — почему?

Он понял мой вопрос правильно.

— Вспомни, что было в его рассказах: с одной стороны, сомнения, переживания, нерешительность, вызывающая сочувствие и жалость — почти красиво. С другой — безволие, трусость, уступки, сделки с совестью. Обещание начать жизнь сначала осталось обещанием, решительный поступок оказался вымыслом. При всей своей привлекательности, одаренности и тонкости Юрий мало чем отличался от грубого, жестокого и совсем непривлекательного Зотова, от придуманного им антипода.

Я был согласен с Андреем. С одним маленьким «но»: хотелось напомнить ему о скринке, разбитой двенадцатилетним мальчиком в саду, в день смерти матери. Это ведь тоже был он — Юрий Вышемирский. Юрий, не просто прощающийся с прежней жизнью под надежной защитой матери, но и предчувствующий, что с ее смертью ушел из его жизни единственный близкий ему человек.

5

Двери деканата открывались все реже. Все глуше становился гул, доносившийся из коридоров и просторного вестибюля.

Часовая стрелка на больших, похожих на перевернутое блюдце часах переместилась к цифре семь. Выходит, я сижу здесь уже третий час.

Несколько раз в приоткрытую дверь кабинета заглядывала уборщица, причем с каждым разом ее лицо становилось все более мрачным. Возвращаясь в соседнюю комнату, она демонстративно громко стучала шваброй, и через стену было слышно, как возмущенно позвякивает в ее руках ведро.

Сидевший напротив мужчина не добавил ничего

нового к тому, что я успел узнать раньше. Он продолжал говорить, а я пытался разобраться в том, почему сведения о профессоре так сухи и официальны. Может быть, в том моя вина? Вроде нет. Я старался вести разговор в сугубо доверительном ключе, но все мои собеседники, как один, считали нужным говорить одно и то же — о заслугах Вышемирского.

— Ну, а личная жизнь, — перебил я говорившего. — Замечали вы за ним хоть какие-то человеческие качества, может быть, слабости?

По-моему, он не ждал такого вопроса.

— Вы знали профессора много лет. Скажите, чем, например, он занимался в свободное время?

— Работал, — без запинки ответил мужчина. — Иногда в библиотеке, иногда дома.

— А в выходные дни?

— Тоже.

— Ну, а в отпуске?

— Он всегда работал! — с пафосом воскликнул мужчина. — Не вижу в этом ничего плохого!

Исчерпывающая характеристика, не правда ли? Я не удержался и спросил:

— Скажите, а он любил выпить? Или поухаживать за женщинами? Любил он кино? Может быть, музыку? Или футбол?

— Футбол? — робко переспросил он. — Не знаю... Не думаю. Вряд ли...

— Простите, но если ограничиться тем, что сообщали о Вышемирском вы и ваши коллеги, то можно подумать, что он был не человеком, а манекеном, на который вешали медали, которым присваивали почетные звания, объявляли благодарности. Мы с вами беседуем уже тридцать минут и не двинулись дальше перечисления его заслуг. Вы не находите это странным?

Он кивнул и неожиданно выпалил:

— Многие годы профессор ходил в одном и том же костюме. Мы даже острели по этому поводу, разумеется, не в его присутствии.

Так же внезапно он замолчал.

— Ваша секретарша намекнула мне, что особенно тепло он относился к преподавателю Клейменову Клавдии Степановне. Это верно?

— Не замечал.

Не хотел бы я, чтобы когда-нибудь, через много лет обо мне отзывались так, как отзывались о Вышемирском. А ведь дело к тому идет! Нет, нет, в ближайшее же воскресенье вместе с женой и дочерью мы проведем экстренное мероприятие, отправимся куда-нибудь... Куда? Ну, конечно, в Музей изобразительных искусств! Может быть, тогда обо мне скажут: все свое свободное время следовательно Скаргин посвящал искусству!

— Вы свободны, — сказал я.

Мужчина попрощался и деликатно прикрыл за собой дверь.

В соседней комнате звякнуло ведро. Уборщица заглянула в кабинет и, убедившись, что, кроме меня, никого нет, бросила мокрую тряпку на пол.

6

На улице стемнело. Стало прохладнее. Все вокруг было расплывчатым, неопределенным. Деревья казались не то слишком далекими, не то слишком близкими. Огни уличных фонарей окружали туманные ореолы. Где-то жгли сухие листья, и воздух был дымчатым и одновременно прозрачным. Так бывает только в середине осени.

Домой я возвращался пешком. По обе стороны улицы смутно белели здания. Я вдыхал пахнувший дымом воздух, чтобы не забыть, мысленно дописывал еще одну строчку в план работы: «Леонид Головня, парк имени Чкалова». Если у профессора при жизни были враги, то уместно проверить, не относился ли к их числу взяточник с кафедры Вышемирского, о котором рассказывал прокурор. Головня (это его фамилия), осужденный в свое время к четырем годам лишения свободы, успел освободиться из мест заключения и ныне работал сторожем в парке культуры.

«А что, если Юрий уже вернулся? — подумал я. — Может быть, съездить?» Я прикинул, сколько времени займет дорога на улицу Доватора, потом вспомнил о скрытом посте у дома. Ехать не было никакого смысла. Если там что-то произошло, первым делом сообщение поступит в райотдел. Оттуда Логвинову или Сотниченко. И тот и другой обязательно позвонят ко мне домой.

При мысли о доме я почувствовал легкое угрызение совести: в редакции задержался дольше, чем рассчитывал, из деканата позвонить забыл, а на часах уже восемь.

В кармане нашлась двухкопеечная монета. Я дошел до первой телефонной будки и набрал свой домашний номер. Трубку сняла жена.

— Зина, ты? — Вопрос в высшей степени глупый, но ничего умнее я придумать не мог. — Мне никто не звонил?

— Никто.

Я посмотрел на трамвайные рельсы, блестящие в двух шагах от телефонной будки: Парк имени Чкалова находится всего в одной остановке отсюда. Обидно было не воспользоваться этим.

— Ты домой собираешься? — спросила жена. Я чувствовал себя как охотник, погнавшийся за двумя зайцами: огорчать жену не хочется, но и отказаться от идеи посетить парк не могу. — Ты почему молчишь, Володя?

— Сегодня такая погода...

— И что? — насторожилась она.

— Листья жгут...

— Что-то я тебя не пойму.

— Зина... — начал я, но осекся.

— Говори, чего уж там. — В ее голосе я услышал нотки усталости.

— Зина, — снова начал я. — Зина, мы так давно не были вместе, вдвоем. — Куда делся мой практицизм? Мысль о парке, о Головне, о пунктах, галочках вдруг исчезла. — Я подумал, может быть, мы с тобой погуляем? Слышишь?

— Слышу, — сказала она.

— Уложи Олю и приезжай. Я буду ждать тебя минут через сорок у входа в парк имени Чкалова. А обратно вернемся пешком. Идет?

— Почему через сорок?

Женщина есть женщина!

— Раньше не могу... Не опаздывай, хорошо?

— Шей у тебя, конечно, нарасташку, — сказала она напоследок, и я представил себе ее улыбку так четко, словно находился где-то совсем рядом — только руку протяни.

Времени в моем распоряжении оставалось в обрез. Я повесил трубку и, на ходу поправляя шарф, побежал к трамвайной остановке.

Издredка удается догнать двух зайцев сразу. Хорошим охотникам, разумеется.

7

С шумной и ярко освещенной аллеи парка надо было свернуть к зданию бывшего пожарного депо, где, по моим сведениям, безотлучно находился сторож. По мере приближения к приземистому двухэтажному зданию шум, доносившийся с аллеи, утихал, а гуляющие встречались все реже. Под ногами потрескивали сухие ветви, с деревьев то и дело срывались и, кружа, падали на землю листья.

На втором этаже располагались кружки и секции, а весь первый этаж здания служил гаражом для парковских автомашин. Чуть в сторонке высилась бывшая пожарная каланча, отдаленно похожая на крепостную башню.

На мой стук дверь гаража распахнулась.

— Где найти сторожа? — спросил я у здорового парня в промасленной брезентовой спеловке.

— Это мыслителя, что ли? — Он широко улыбнулся и махнул в сторону каланчи. — Он в своей летней резиденции. На самом верху.

Поблагодарив его, я посмотрел в ту сторону. Кричать бесполезно, придется лезть на самый верх. Другого способа увидеться с Леонидом Осиповичем Головней не было.

Я начал подниматься по крутым, лягающим на каждом шагу ступенькам, прикидывая, сколько времени оставалось в запасе. Когда до верхней площадки оставалось метра два, раздался зычный голос:

— Кого там несет? Уши надеру!

Я просунул голову в люк, вырезанный в деревянном полу, и наткнулся на взгляд мужчины. Он сидел в выцветшем шезлонге, а слева от него на маленьком самодельном столике горела старая настольная лампа с оранжевым абажуром.

— Леонид Осипович? — спросил я, одолев последнюю ступеньку.

— Он самый. — Близко посаженные глаза мужчины светились любопытством. — А вы, позвольте узнать, кто такой?

Я представился.

— Надо же! И здесь нашли. — Он промурлыкал что-то вроде отрывка из арии и демонстративно, явно из расчета на зрителя в моем лице, потянулся. — А я слышу, кто-то поднимается — думал, алкаш какой-нибудь по ошибке забрел.

Леонид Осипович не спускал с меня прищуренных глаз. Не знаю, что интересного он нашел во мне, но сам он являл собой не совсем обычное зрелище. На нем была рваная телогрейка, под которой на памяти, будто жеваной рубашке болтались скрученный в жгут шелковый галстук со следами старых, уже развязанных узлов. Этот странный наряд дополняли засаленные полосатые брюки и начищенные зубным порошком белые парусиновые туфли. Последний раз такую обувь мне приходилось видеть году в пятьдесят седьмом.

Продолжение следует.

Людмила БАРЫКИНА

ПРИВЕТСТВУЯ ДЕНЬ ВОСХОДЯЩИЙ

Дом его стоит по-прежнему на тихой старой улочке Малоярославца, выглядывает из сиреневого палисада тремя уютными, посаженными близко друг к другу окошками. А войдешь в калитку, сделаешь несколько шагов — и на левой торцевой стороне избы увидишь еще оконце (с улицы его не приметить) в резном расписном обрамлении. Солнце, звезды, месяц образуют незамысловатый орнамент. Синий, красный, желтый — чистые цвета простой раскраски...

Тепло станет на душе, и невольно улыбнешься задумке хозяина — спрятал окошко от суетливых взглядов прохожих. И то правда, скользнут по фасаду один раз, другой, десятый и привыкнут глаза к затейливой резьбе, примелькается она. А тут каждый раз чудо. Может, строитель и хозяин дома художник Афанасий Куликов не думал об этом. Но факт остается фактом — это то оконце лучше всех объяснений подсказывает чувству, что жил здесь художник необыкновенный. Обаяние и своеобразие его творчества открывавшь для себя так же неожиданно, как это оконце, когда знакомишься с праздничным, ярким миром его лубков.

Имя Афанасия Куликова нельзя назвать новым. Художник был известен в

АВТОПОРТРЕТ.

30—40-х годах работами на исторические темы. Так, выполненная им вместе с Г. Н. Гореловым диорама «Бой у Чонгарского моста» стала частью живописной эпопеи «Штурм Перекопа». Над воссозданием героических событий по овладению Перекопом А. Е. Куликов работал рука об руку с такими известными советскими мастерами, как Г. К. Савицкий, Б. В. Иогансон, В. П. Ефанов, П. П. Соколов-Скала и другими. Имя Куликова в этот период было известно и связано в основном с работой в больших коллективах над картинами исторического жанра. И все-таки мы говорим об открытии. Об открытии, быть может, самой яркой и самобытной стороны творчества этого художника, которая связана с созданием русского советского лубка.

С первых дней Октября сын крестьянина-бедняка Афанасий Куликов стал пропагандировать мероприятия революционного правительства. В архиве художника чудом сохранился уникальный журнал «Путь освобождения», издание культурно-просветительного отдела Московского Совета Солдатских Депутатов. Редакционная коллегия журнала сразу же объявила, что «постарается привлечь в ряды своих сотрудников тех публицистов, художников и писателей из народа, которым старый режим не давал возможности обнаружить свои таланты». Среди сотрудников этого издания названы такие имена, как В. Брюсов, А. Бенуа, М. Горький, И. Грабарь, К. Коровин, П. Кончаловский, К. Петров-Водкин, А. Толстой, С. Эрьза и другие. А в одном из номеров, где помещены лубки «Крещение революцией» и «Го-

родская картинка», автор их — художник А. Куликов — назван солдатом. Дело в том, что в 1917 году его, рядового пехотного полка, стоявшего в Москве, отозвали для работы в художественной секции культотдела Московского Совета Солдатских Депутатов. Его творчество сразу заметили и оценили известные московские художники. В это время им созданы сразу ставшие популярными лубки «Горе земли-матери», «Рекрутская песня», «Кто забыл свой долг перед Родиной», «Бедный Макар». Листы Куликова наглядно показывали, что нес народу самодержавный строй, как налаживается новая жизнь после свержения царизма. Выдержанные в стиле народных картинок, выполненные, по собственному определению художника, «манерой, свойственной мне с детства и отвечающей моему настроению», лубки были понятны и близки солдату, рабочему и крестьянину. И настроение художника совпадало с настроением всего трудящегося народа. Бой, праздник и труд — энергичные ритмы времени четко и органично влились в многоярусные композиции ярких «настенных картин».

Тексты подписей Афанасий Куликов сочинял сам.

*Мы с тобой родные братья:
Я — рабочий, ты — мужик!
Наши крепкие объятия —
Смерть и гибель для владык.*

Художник понимал, что вдохнуть жизнь, новые идеи в лубочное искусство, закончившее свою славную историю еще в XVIII веке, можно было, лишь

открыв новый подход к популярной некогда старинной печатной картинке. И художник находит его, обратившись к народному творчеству, к знакомым с детства, ставшим частью индивидуального почерка приемам, к представлениям о прекрасном, сложившимся в многовековой народной традиции. Он оказался на верном пути и быстрыми темпами стал совершенствовать свое мастерство.

Талант, выдумка, острая наблюдательность, точный, виртуозный, уверенный рисунок, музыкальность линии и композиции, неожиданность, изобретательность сюжетов, искренность и неподдельная праздничность мироощущения, чуткость ко всему свежему — все это сделало лубочные картины Афанасия Куликова подлинными произведениями искусства, необходимыми народу предметами, украшавшими быт простого человека. Его «картинки» сразу же уходили в народ. Малограмотный крестьянин, тянувшийся к новому, вез домой из города картинку, на которой все действующие лица вроде бы давным-давно ему знакомы: «Чем черт не шутит, когда бог спит». Вешал ее в «красном» углу, рядом с иконами. Неторопливо рассмотрев картинку, он видел: солдаты стреляют друг в друга и умирают, а купцы в кабаках пьянствуют; буржуи прогуливаются с приятными дамами по проспекту, играют на скачках; на биржах столпились безработные; на глухой лесной дороге разбойники грабят мужика с подводой. А в это время помазанник божий восседает на троне; рядом поп и жандарм; подданные согнулись в три погребки в поклоне, а в ногах

ПРИЗЫВ СТЕПАНА РАЗИНА К ГОЛТЫБЬЕ.

знаменитый «институт» самодержавия — тюрьма. Это когда бог спит. А когда бог проснется... Здесь художник изобразил народное вече. Под плакатом, на котором начертано «Свобода», мужики собрались, толкуют о новой жизни. Подпись гласит: «Не люблю — не слушай, а правду говорить не мешай». На тучных нивах пасутся стада, плотники отделивают новые избы, нарядные девицы водят хороводы...

Покупал крестьянин и лубок-чапуш-ку:

*Нет теперь такой кручины,
Чтобы слепнуть от лучины.
Сядь за пряхей-выческой
С лампой электрической.*

Лубки Афанасия Куликова рассказывают о всех мероприятиях Советской власти — с первых декретов о мире и земле, разъясняя политику партии и правительства в деревне. Лубок призывает: «Всей школой освободимся от грязи!». Агитирует за займы: «Лишний рубль на займы, даешь трактор и комбайны!». Разоблачает кулака, призывает крестьянина к вступлению в колхоз: «Егор да Лука! Добивай кулака — займом, колхозом, красным обозом!».

В работах Афанасия Куликова мы находим все приметы времени, «зловонные» детали, подробности — детекторный приемник и трактор, красный платок и обмотки... И в то же время ярмарку, карусель, народный костюм, традиционные для миниатюры большие фантастические цветы, раскрашенные звучными красками, сказочную архитектуру. И все это гармонично уживается друг с другом. И еще одно достоинство

листов Куликова в том, что они очаровывают особым крестьянским взглядом на окружающий художника мир. Хотя Афанасий Куликов учился в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, жил и работал в городе Малоярославце, его пристрастия, вкусы да и сам жизненный уклад — деревенское хозяйство, большая семья (семеро детей) — все было связано с крестьянством.

Художник с полным правом мог бы сказать о себе словами Сергея Есенина: «Все равно остался я поэтом золотой бревенчатой избы».

В УЧЕНИИ

«Мне было двенадцать лет, но я еще не освоился до детского представления о жизни в городе. Рассматривая этикетки мануфактурной фирмы, где был изображен весь вид фабрики «с птичьего полета», я узнавал в каждой фигурке идущих и едущих людей — своих земляков, и брата своего находил, и верил, что это именно они нарисованы. И этот ярлык с многоэтажным корпусом, с дымящими трубами, с подписью и золотыми медалями, от которого исходил незнакомый запах, дразнил мое воображение. Теперь я скоро буду в этом городе, буду жить в этих высоких корпусах, ходить по этим прямым дорогам. Выйду в люди».

(Афанасий КУЛИКОВ.
Из воспоминаний детства).

Ныла спина, занемудри пальцы правой руки. В который раз подряд «Фонька» (так «ласково» величал Афанасия хозяин) копировал с образов различные части лица — нос, глаз, ухо. Устанешь за день на побегушках у хозяина, а вечером перерисовывай одно и то же: нос, глаз, ухо.

Он обнаружил способности и меньше других ребят, поступивших в учение в иконописно-парницкую мастерскую, получил подзатыльников. Меньше ошибался. А за каждый неверный штрих здесь били. Однако и способности не спасали Афанасия от регулярной, два раза в неделю, порки ремнем «по всем правилам этого симпатичного дела». Для порядка.

Перед сном пареньку вспоминались все незаслуженные обиды, скопившиеся за день, хотелось пожаловаться кому-нибудь родному, близкому. В такие минуты в памяти вставали мать, отец, сестры. Он закрывал глаза и старался представить что-нибудь хорошее из той, деревенской, своей жизни. И вспоминалось прошлое лето.

Приехал домой из Москвы повзрослевший и похудевший. Мать всплеснула руками: «Замучили парня в учении!»

Опять выдался урожайный год. В уездном городе Малоярославце, что расположился неподалеку от родной Исаковки, вишен была тьма, с урожаем не могли справиться все. Все жители окрестных деревень отправлялись на подмогу. С песнями. Казалось, что весь город поет от зари до зари. Подводки, наполненные знаменитой «владимировской», шли в Москву нескончаемым потоком...

Этим летом Афанасий повстречал Ксюшу. До этого в деревне он ее не видел. Оказалось, она недавно приехала с родителями из Ростова. Девочка стояла на крыльце соседнего дома, когда он проходил мимо. В руках у нее была большая красивая кукла, такие покупали в городе. Афанасий засмотрелся. Она тоже посмотрела на него, и ее глаза расцвели на румяном лице, как полевые цветы. Такой ее и запомнил будущий художник и полюбил на всю жизнь...

Афанасий успешно и быстро освоил все премудрости писания «студеней», то есть ликов, рук и ног — все остальное закрывалось ризой. Его перевели в помощь мастерам: он растирал краски, готовил грунт, исполнял различные подготовительные работы. Юноша старался перенять все секреты мастерства и очень в этом преуспел.

Надо сказать, что на общем довольно среднем, ремесленном фоне тогдашнего производства икон все-таки попадались редкие иконописцы, сохранившие лучшие традиции прошлого, благоговей-

ное и бережное отношение не только к тому, что изображается, но и к материалу: доске, левкасу¹, краскам. Работал такой живописец и в мастерской, где проходил «живописную школу» Куликов.

Старый мастер учил, что растирать земляную «красочку» (он неизменно называл краску «красочной») нужно обязательно пальцем, а не металлическим предметом, чтобы самому почувствовать, хорошо ли она измельчена. И обязательно в деревянной плошке — для того, чтобы грубые частички застревали в порах дерева и оставался только тонкий, как пыльца, порошок. Его-то и нужно было разводить родниковой (именной родниковой) водой и отстаивать в стеклянной посудине три дня. Говорил мастер и о том, что свинцовые белила, например, ни в какой другой, кроме родниковой, воде не растворяются и что цинковые белила дают особую чистоту и прозрачность цвета по сравнению со свинцовыми.

Афанасий старательно запоминал и закреплял на практике все тонкости искусства, преподанные ему иконописцем. Все это впоследствии очень пригодилось ему. В тяжелые послереволюционные годы, во время гражданской войны и восстановительного периода страна нуждалась в самом насущном. Трудно было и с бумагой и с красками. Между тем лубки Куликова, выполненные им в то время на плохой, серой, ломкой бумаге, и сейчас удивляют звонкостью, чистотой и яркостью раскраски. Оказывается, писал их художник собственноручно изготовленными красками, секреты приготовления которых запомнил еще с ученичества.

ПОХВАЛА СЕРОВА

«В 1905 году призвался в солдаты, но был оставлен на год — на поправку». Учился в московском Училище живописи, ваяния и зодчества под руководством художников: в головном классе — Корина и Горского, в фигурном — Касаткина и Милорадовича, в натурном — Архипова и Пастернака, в портретном — Серова и Коровина. За некоторые эскизы получал похвалы. «Из грязи да в князи». Ходил — земли под собой не чуял. Но как «бедному жениху» — ночь коротка», так и учиться — некогда. Деревня требовала подачки. Давал 10—15 рублей в месяц, и сам у себя был на шее.

Мечтал научиться работать так, как Серов...»

(Афанасий КУЛИКОВ.
«Автобиография»).

Пролетели пять лет учебы в иконописной мастерской. Куликов стал мастером. Теперь все именовали его не «Фонькой», а уважительно — Афанасием Ефремовичем. Сам хозяин, отмечая его таланты, предложил работу и хороший заработок. Но неуемное стремление к настоящему искусству, желание серьезно учиться живописи и рисунку привели Куликова сначала в студию А. П. Большакова, а потом в Училище живописи.

Обстановка в Училище после подавления революции 1905 года сложилась непростая — декадентские и формалистические течения соседствовали с реалистическими. Отзвуки самого мрачного времени в истории русской интеллигенции проникали и в стены Училища.

Яростные споры между различными группировками и течениями о судьбах русского искусства не всегда рождали истину. И все-таки Училище было средоточием лучших представителей русской живописной школы того времени, которые последовательно отстаивали демократические традиции в искусстве.

Афанасий Куликов начал занятия с одержимостью человека, увидевшего наконец реальный путь к осуществлению своей мечты. И работал тоже одержимо, чтобы обеспечить себе возможность учиться и регулярно посылать деньги в деревню родным, которые в его помощи крайне нуждались. Зарабаты-

¹ Левкас — специально подготовленный грунт, который наносили на доску.

вал на хлеб Куликов весьма нелегким трудом в стенолазной мастерской по росписи церквей. Так что тратить время на участие в крикливых сборищах ультралевых живописцев, которые выдвигали расправчатые программы якобы нового, «революционного», искусства, он не мог и не хотел. Афанасий Куликов четко сознавал, что ему нужно еще очень многому научиться: у Архипова, близкого ему крестьянскими темами, — поэзии русского национального пейзажа, у Серова и Коровина — силе реализма и глубине психологического проникновения в сущность человека.

Афанасию повезло. После трех лет пребывания в Училище он попал в класс к Серову. Куликов успешно осваивал живописные принципы маститого художника. Эскиз, на котором он изобразил зимнюю, в глубоких сугробах улицу провинциального городка, вызвал горячее одобрение учителя. На обороте холста Серов размашисто написал: «Похвала» — и расписался. Об успехах студента Куликова в те годы говорят и другие его работы — «Этюд женской головы», портрет И. И. Кузьминой.

В 1912 году Афанасий Куликов вышел из портретного класса с правом писать картину на звание художника, но от выполнения ее уклонился. Впоследствии он напишет в своей автобиографии: «Я понимал, что картину надо писать, именно картину. Я не написал, считая себя не созревшим для столь великого дела, к диплому же относился отрицательно. В это время я поразился живописным мастерством Рубенса, Тициана, Ван-Дейка, а фрески ярославских церквей привели меня в восторг, равный пережитому в детстве при создании расписных дуг, подносов, пряников, чайников, цветастых ярких ситцев и всей, тогда неизъяснимой, прелести родных праздников». Это признание художника проливает свет не только на его личность, требовательную к себе и удивительно скромную, но во многом подсказывает отгадку того, почему же Афанасий Куликов, твердо усвоивший традиции Серова и готовый продолжать их, направил свое творчество по другому пути, на котором ему суждено было сказать новое слово.

Безусловно, обращение Афанасия Куликова к лубку произошло не вдруг. Дух поиска, которым была пропитана вся атмосфера, окружающая студента Куликова в Училище, смутная неудовлетворенность достигнутым заставляла его разведывать новые пути. Отторгнув декадентские направления, как органически чуждые ему, он обратился к народным истокам, предчувствуя, что именно здесь его стихия. Он мечтал о таких формах живописной выразительности, которые бы объединили высокий изобразительный профессионализм и народные приемы изображения окружающего мира. Недаром в приведенном отрывке из автобиографии Куликов поставил рядом, как равноценные и несомненно важные для него, работы Рубенса, Тициана, Ван-Дейка и фрески ярославских церквей, которые, кстати, отличались демократизмом и яркой декоративной красочностью, свойственными народному творчеству.

В МАЛОЯРОСЛАВЦЕ

«В 1917 году попал на военную службу (как ратник II разряда) в пехотный полк рядовых...»

В том же 1917 году я впервые участвовал на выставке объединения «Мир искусства», показав четыре вещи: «Слепые около чайной», «Гармонисты в тракторе», «У святого колодца», «Беседа около деревенского трактора».

В 1918 году был демобилизован и работал в московском «Пролеткульте» по росписи вагонов. Затем уехал на родину в Малоярославце, где поступил на службу в Уездный Отдел Народного образования. Работал в школе 2-й и в Желнардоме — декораторов и актеров.

С 1921 года стал рисовать лубки для Госиздата и выполнять образцы росписи для московского Кустарного музея (Музей народного искусства. — Прим. ред.). С 1921 по 1923 год Госиздатом приобретены у

меня лубки: «День работу работаем» (песня), «Я, милешенек, у матушки родился» (песня), «Частушки» (несколько картинок на одном листе), «Русский на острове Новая Гвинея» (Миклухо-Маклай), «Два козла» (сказка Л. Толстого), а также календарные стенки и иллюстрации для детских книг...

В 1930 году вступил в члены Союза советских художников.

(Афанасий КУЛИКОВ.
«Автобиография»).

За окном быстро сгущались ранние зимние сумерки. Афанасий Ефремович склонился над простой ученической тетрадкой. Писал он по привычке экономно, мелким бисерным почерком в каждую клетку. Делал выписки из книг, аккуратно разложенных на столе. В последнее время художника особенно привлекали фигура Степана Разина и вся эпоха восстания. Он собирал материалы из редких источников, особенно выделяя сказания, песни, былины о легендарном народном предводителе. В 1929 году он сделал лубок «Призыв Степана Разина к гольтыбе» и понял, что на этом не остановится.

Друзья, художники хвалили его работу, по общему мнению, особенно выразительно получилась «гольтыба». Некоторые коллеги из Москвы удивлялись: где он мог раздобыть такие «типажи»? Куликов скромно улыбался и отвечал:

— Живу почти в деревне, среди своих односельчан. Там я своих героев и подсмотрел...

Художник отложил ручку, в доме было тихо, только из столовой доносились приглушенные детские голоса. Дети знали, когда отец занимается, нельзя его отвлекать, и поэтому вели себя тихо. Афанасий Ефремович вышел из мастерской и заглянул в столовую. За большим столом, где обычно обедала вся семья, по вечерам ребята готовили уроки. И сегодня тоже все были в сборе — три дочери, четыре сына и два племянника (они на время учебы жили у Куликовых). Ребята читали и писали. Он засмотрелся на их милые русоволосые головки, освещенные светом керосиновой лампы, стоящей в центре стола. Помедли минуту на пороге, Куликов неслышными шагами, чтобы не выдать своего присутствия, удалился... (На картине «Семья художника», 1929 год, Афанасий Ефремович с большим теплом запечатлел эту домашнюю сценку.)

Вскоре детей уложили спать. Теперь только из комнаты Ксении Трифоновны доносился сухой стук швейной машинки. Она перешивала одежду старших детей для младших. Ее ловкие руки постоянно что-то шили, штопали, латали. С большой семьей было очень трудно...

В этот поздний час, слушая мерный стук за стеной, художник испытывал особую нежность к жене и какое-то невольное чувство вины. Она всегда брала на себя большую часть забот по хозяйству, о детях, чтобы дать ему возможность спокойно работать. Он замечал, что не раз ее глаза делались грустными и вопрошающими, когда кто-нибудь из приезжих художников, которые часто гостили в их доме, повосхищавшись «крестьянским укладом жизни», большим садом, огородом, усадьбой, удивлялись, что у Афанасия, члена Союза художников СССР, участника всесоюзных и международных выставок, нет приличного костюма да и условия для работы оставляют желать лучшего. Видел он иногда и укоризненное выражение в ее глазах и был благодарен за то, что она умела смолчать, понимала его и верила, что трудности они постепенно преодолеют.

В 30—40-е годы художник очень много работал в разных жанрах. Кроме лубков и книжной графики, успешно выступал в миниатюре — росписи шкатулок, пластинок, подносов. Эти вещи красивы, колоритны и отличаются тонким вкусом. Недаром на Всемирной выставке в Париже Куликов получил за эскизы своих росписей золотую и бронзовую медали. Много прекрасных образов создал художник для музея кустарных работ. По ним учились и учатся по сей день

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

ВОПРОСЫ ВТОРОГО ТУРА

Из писем, присланных читателями на II тур Конкурса эрудитов, члены жюри отобрали двадцать вопросов. Постарайтесь ответить на них. Срок отправки писем — до 1 августа. (На конверте сделайте пометку — «Конкурс эрудитов»). При ответе ссылайтесь на номера вопросов (текста их можно не повторять), строго соблюдая их последовательность.

1. Одно и то же название имеют два произведения русской литературы и живописи. Какие это произведения, кто их авторы?

Сотрудники библиотеки сельскохозяйственного техникума, г. Константиновск Ростовской области

2. В поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» есть известные всем строки:

*Ты слушать исповедь мою
сюда пришел,—благодарю.*

В каких еще произведениях М. Ю. Лермонтова встречается эта же фраза?

М. СИЛКИН, Тобольск

3. Кто из русских овощеводов-селекционеров XIX века был членом Парижской академии сельского хозяйства? Этот ученый-самоучка вывел более ста сортов картофеля; был участником международных выставок в Вене, Филадельфии, Брюсселе, Кельне, Париже, Петербурге.

Е. ЮГАЙ, Павлодар

4. Кто из русских ученых и когда сконструировал действующую модель вертолета?

К. РЕССЛЕР, Псков

5. Кто первым из советских военачальников был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды?

Н. СМЕРНОВА, Богучаны Красноярского края

6. Все хвойные деревья содержат смолистые вещества; среди них есть единственное, которое составляет исключение. Как оно называется?

Н. ПОГОСЯН, Сочи

7. Какие физические свойства в земных естественных условиях присущи только воде?

Г. БАЛАШОВА, Москва

8. Как зовут Фауста, героя одноименной трагедии Гете?

П. ТРЕВОГИН, Ленинград

9. Когда впервые в русской художественной литературе появилось слово «спутник» в значении искусственный спутник Земли?

Н. РОМАНЬКО, г. Саки Крымской обл.

10. Какая фраза и кому принадлежащая легла в основу выражения: «Промедление — смерти подобно», употребленного В. И. Лениным накануне свержения Временного правительства?

И. ЖУЛАЕВ, Запорожье

11. Кто является основоположником учения о витаминах?

В. КАПИЛУС, т. Балаково Саратовской обл.

12. Какое животное самое длинное?

В. ФОКИН, Рязск Рязанской обл.

13. Кто первым из русских ученых стал лауреатом Нобелевской премии?

Л. РУДЕНКО, г. Желтые воды Днепропетровской обл.

14. Кем и когда впервые была выточена и расписана русская матрешка, из скольких фигур она состояла?

Н. ПЕРМЯШКИН, г. Алексеевка Целиноградской обл.

15. Когда установлено звание народного артиста Союза ССР и кто был первым удостоен этого звания?

А. ДАНИЛОВ, г. Белая Калитва Ростовской обл.

16. Когда поступила в обращение первая советская почтовая марка? Что было изображено на ней?

В. ШЕЙКО, п. Шерегеш Кемеровской обл.

17. Когда в России начал издаваться первый журнал, как он назывался?

Л. ЖАРОВ, г. Гусиноозерск Бурятской АССР

18. У кого из пресмыкающихся три глаза и где это животное обитает?

Н. МОРОЗОВ, г. Приморск Запорожской обл.

19. Назовите государство в Западном полушарии, на территории которого расположены два озера, из которых одно носит название этого государства, а другое — его столицы.

А. ИВАКОВ, с. Жариково Амурской обл.

20. Какой самый распространенный металл в природе?

Г. ГАНИНА, Ржев

Дорогие читатели! Вместе с ответами на эти вопросы вы можете прислать новые — на III тур Конкурса эрудитов. Сноски на справочную литературу обязательны.

народные мастера. Успех росписей подносом и шкатулок, выполненных Афанасием Куликовым, объяснялся не только его виртуозным мастерством, но и особым качеством — он относился к произведению искусства как к вещи, а в вещи видел произведение искусства. Поэтому все, что выходило из его рук, приживалось и служило человеку в быту так же естественно, как ковш для питья. Даже такая недолговечная и утилитарная, казалась бы, вещь, как календарная стенка, имела художественную ценность.

Куликов в это время постоянно выступает на Всесоюзных выставках Союза художников. В 1932 году на выставке «Художники РСФСР за 15 лет» он представляет наряду с эскизами росписей предметов прикладного искусства картину «Бездорожье», которая явилась началом серии работ на темы гражданской войны и истории Советской Армии. Для выставки «XX лет РККА» он пишет большую картину «М. В. Фрунзе в штабе». Другой значительной композицией Куликова на тему гражданской войны стала картина «Чапаев в деревне».

Много сил отдает художник работе по созданию исторических диорам и панорам совместно с известными советскими мастерами. Безусловная удача на этом поприще — упоминавшаяся уже диорама «Бой у Чонгарского моста». Диорама изображала момент боя 11 ноября 1920 года, когда части Красной Армии под огнем вражеских пушек наводили переправу на обгоревших сваях старого Чонгарского моста, сожженного белыми, и одновременно вели бой с врагом. За эту работу Куликову была присуждена премия комитета по делам искусств СНК СССР.

«ЗАКОНЧУ ПО ДОГОВОРУ ДЛЯ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ СССР...»

Война постучалась в двери мирного дома Куликовых. Трое сыновей отправились на финский фронт. Покидая родную кров, посадили в саду березки.

Одну из них в сорок первом уничтожил прямым попаданием фашистский снаряд. Воронку засыпать не стали. Постепенно она заросла кустарником. Ниже располагается живописный овраг, на дне которого бежит ручей, а в зарослях по склонам весной поют соловьи. Теперь на этом месте сыновья Куликова поставили скамейку. Приходят сюда отдохнуть, поговорить. И каждый раз воспоминания невольно уносят в те грозные времена, когда им пришлось покинуть родной очаг...

Проводила Ксения Трифоновна своих сыновей, и тревога навсегда поселилась в материнском сердце. Мать как бы и верит и не верит тому, что произошло. Неловко присела она на стул, одной рукой как-то беспомощно оперлась на край сиденья. Ее руки, натруженные, добрые, сильные, столько раз спасали детей от болезней, утирали слезы детских обид и страхов. Теперь они не в силах отвести беду. Теперь ее мальчики подросли и ушли на войну. Женщина наклонила голову, грустно смотрит перед собой ничего не видящими глазами. Такой запечатлел ее на портрете Афанасий Ефремович в 1939 году. Эта работа и сейчас висит в мастерской художника в малоярославецком доме.

Мог ли предположить художник, работая над портретом жены, быстро нанося на холст мазки, выражая в сдержанных, скупых по колориту красках свою отцовскую тревогу за судьбы сыновей, что всего через два года фашистские орды обрушатся на советскую землю, что в его дом придут оккупанты?!

...В октябре 1941-го в сводках Совинформбюро впервые появилось сообщение о Малоярославецком направлении. Снова, как и в Отечественную войну 1812 года, через старинный, овеянный немеркнувшей русской славой городок пролегли грозные военные дороги.

Отборные фашистские войска группы «Центр» бешено рвались к Москве. 18

Окончание на IV обл.

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

КОНКУРС «СМЕНА-80»

Редакция нашего журнала объявляет шахматный конкурс «Смена-80», посвященный Олимпийским играм в Москве, и приглашает любителей «гимнастики ума» принять участие в этом заочном соревновании.

Содержанием конкурса будут 25 композиций и фрагментов из шахматной практики, разбитые на двенадцать туров. За каждый правильный ответ, учитывая степень трудности решения, присуждается от 2 до 5 очков. В случае, если в каком-либо конкурсном задании участник найдет побочный ответ или нерешаемость, то ему засчитывается обусловленная для данного задания оценка.

Ответы должны быть лаконичными, в сокращенной шахматной нотации, без словесных примечаний. Прежде чем послать в редакцию свои решения, тщательно их проверьте, так как ни исправления, ни дополнительные варианты к ним в последующих письмах жюри не рассматриваются.

Свое решение задачи первого тура вам надо написать на чистом листе бумаги, вложить его в конверт вместе с открыткой, которую в июле—сентябре вам возвратят с указанием вашего конкурсного учетного номера. Этот номер нужно обязательно проставлять на почтовых карточках, связанных с заданиями второго—двенадцатого туров. На конверте просим четко, разборчиво написать адреса «Смены» и отправителя, фамилию, имя и отчество. Вверху слева поставьте пометку «Шахматный конкурс «Смена-80», первый тур». В письме же после текста с решением не забудьте сообщить нам свой возраст, где и кем работаете (или учитесь), какой у вас разряд по шахматам (если имеется).

Многих любителей шахмат, безусловно, заинтересуют установленные на этом конкурсе классификационные нормативы: 24 очка из 75 возможных — для получения четвертого разряда, 52 — для третьего и 70 очков — для второго разряда. Всем, кто добьется таких результатов (при обязательном условии участия во всех без исключения турах), редакция вышлет соответствующие справки, которые надо будет представить в шахматную Федерацию спортивного комитета по месту жительства.

Победители нашего заочного состязания определяются по наилучшей сумме набранных очков. 20 читателей награждаются премиями и специальными дипломами. Дипломами также будет отмечена большая группа активных участников конкурса, добившихся высоких показателей.

ПЕРВЫЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в два хода (2 очка).
Запомните, пожалуйста, что письма на первый тур отправляются в редакцию не позднее 20 августа 1980 года.

Леонид ПЛЕШАКОВ.
Фото Юрия УСТИНОВА.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

Первый выстрел рванул утреннюю тишину в начале шестого. И тут же, будто получив наконец долгожданный сигнал, заухали другие ружья. Били одиночными, стреляли дуплетами. А в пазухах, пока эхо ружейного грохота гуляло по ущелью, ему вторил треск самодельных хлопушек: мальчишки, чей возраст пока что не позволял обращаться с настоящим оружием, старались не отставать от взрослых и устраивали шум подручными средствами.

Значит, Праздник Воды все-таки состоится.

А еще накануне все было неясно. Невесть откуда напльившие тучи зацепились за вершины окружающих Кубачи гор и стали исподтишка поливать землю занудливым дождиком: то сыплет, то перестанет. Хватил бы уж ливень — и снова солнце, только не эта нагоняющая тоску непогодь.

— Если так будет и завтра, все сорвется, — сетовали знатоки.

Ночью тучи поразметало, и проклюнулись звезды. Теперь все зависело от девушек. Согласно давней традиции, праздник начинают они.

Едва солнце схватится за вершины, а в долины ступит неуверенный рассвет, по дороге, что, не торопясь, скребется вверх по противоположному от Кубачей склону горы, девушки отправятся к роднику «глазной воды». Оттуда, с дороги, виден сразу весь аул, от самого нижнего конца до вершины, увенчанной остатками древней крепости. Но и гладкий косогор, по которому пойдут девушки, из селения — как на ладони. Пойдут группами по три-четыре подружки. Нарядные, яркие платья; на головах — белые шелковые платки с бахромой; за спиной — горящие начищенной медью кувшины-мугалы, обязательный аксессуар в приданом даргинской невесты.

Где-то по дороге они остановятся, расстелют на траве платок, станут танцевать вокруг него. И вот тут-то в ауле, на вершинах окрестных гор, загрохочут выстрелы. Разостланный на склоне платок — сигнал для ружейного салюта. Теперь уж в Кубачах даже незрячий поймет: Праздник Воды начался.

Таков ритуал.

И первый залп в честь той, чей платок первым вспыхнул на зеленом косогоре. Ради такого стоило встать затемно. А то и вовсе не спать, караулить, когда на небе выведет.

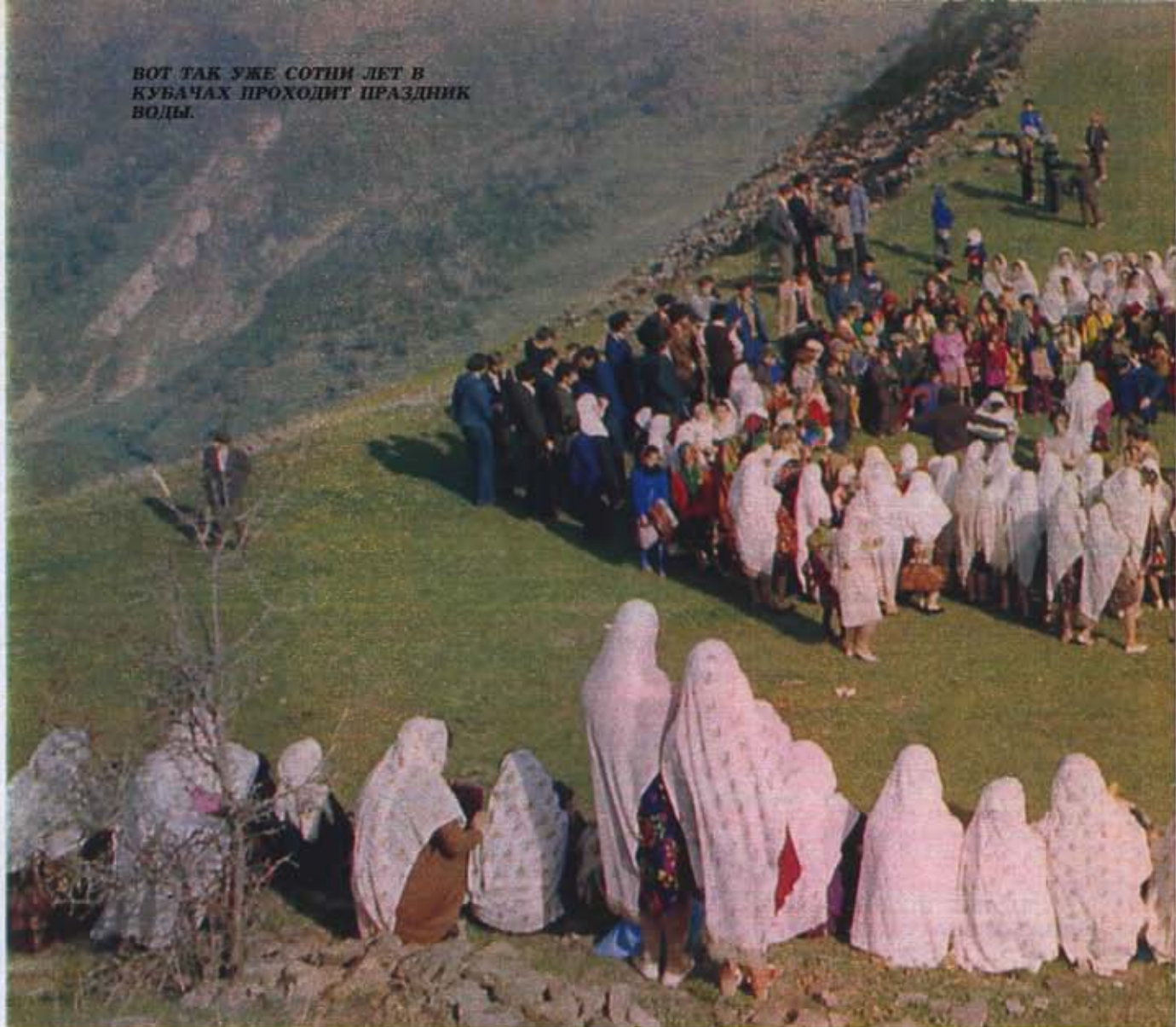
А парни каковы! Ведь устерегли же — сразу пальнули. Некоторые забрались на самый гребень горы. На фоне белесого неба их фигурки читаются темными силуэтами. Человек — не человек, камень — не камень, и только когда рядом вдруг вскипит белое облачко, а через несколько секунд в аул донесется раскат очередного дуплета, понимаешь — человек! Наверное, и ночевал там, на горе.

Аул тем временем окончательно проснулся. По тропинкам, ведущим к дороге, потек люд. Молодые, старые, вовсе дети.

Девушки от парней держатся особняком. У девчат сосредоточенно-деловой вид: идут за водой, а путь неблизкий. Ребята, те, что с ружьями, знай палят в белый свет, ну, а невооруженные коротают путь за мужским разговором. И слабый пол и сильный друг к другу без интереса. Но это только игра. Ведь это ради них, юного своего поколения, Кубачи каждую весну затевают подобное действо.

Накануне праздника старая Хады-

ВОТ ТАК УЖЕ СОТНИ ЛЕТ В
КУБАЧАХ ПРОХОДИТ ПРАЗДНИК
ВОДЫ.

...а сергуце

жа раскрыла мне «секрет» родника: его вода оберегает от «дурного глаза». Ее муж рассмеялся: «Все это предрассудки, просто химический состав солей в воде такой, что лечит глаза. Помой ею несколько дней — болезнь рукой снимает». Их внучка, приехавшая на праздник из Грозного, объяснила, что есть поверье: стоит девушке умыться водой из «глазного» источника — враз станет красавицей.

Но оставалось непонятным, почему при всей целительной силе родника испокон веков всем аулом идут к нему только раз в год, и приходится это на сороковой день после весеннего равноденствия — на начало мая. А май в Кубачах, как известно, месяц свадеб. И почему на праздник этот едут молодые кубачинцы из других краев страны, даже те, что родились не здесь, а вдалеке от аула и знают о его традициях только понаслышке. Ведь не из-за того в конце концов мчат они сюда сотни и тысячи километров, чтобы майским утром отмерить пешком еще шесть верст по горной дороге и напиться студеной влаги, бьющей из-под земли.

Хотя...

Дорога эта в общем-то стоит того, чтобы по ней пройти хотя бы раз в жизни. Она жметя боком к склону горы, будто боится сорваться в ущелье, что поджидает с другой стороны. Где-то там, на дне, струится река. Вдоль нее леса.

ЗДЕСЬ РАНО ПРИУЧАЮТСЯ К ТРУДУ.

Литературно-критическая мастерская «Смены»

ПОЭЗИЯ

Свежесть чувств

Илья Сельвинский в предисловии к первой книге Павла Маракулина обратил внимание читателей на главное в творчестве молодого кирзовского поэта: «Это подлинно поэтическое восприятие жизни как великого счастья... Все полно для него первозданной свежести, как

будто все эти явления возникли в мире только сейчас — и он, поэт, открыл их для человечества».

И вот через десяток с лишним лет после этих щедрых и ко многому обязывающих слов уже ушедшего от нас мастера свежесте чувств П. Маракулина не только не поблекла, а, наоборот, углубилась, стала острее. Свидетельство тому — новая, шестая книга поэта, названная просто и емко: «Лесная родина» («Современник», 1979 г.).

Если можно суть такой многогранной поэтической книги выразить одним словом, то это слово — искренность. Искренность души, откровенно распахнутой перед радостью жизни:

«Какое праздничное небо,
какая музыка везде!
Переломлю буханку хлеба
и наклонюсь к родной воде».

Уж насколько банальна мысль о том, что жизнь прекрасна, но, к сожалению, коротка, и все-таки веришь поэту, когда он словно выдыхает свое самое кровное: «Крылатая страсть движенья рвет провода и сети, вечно подступает к горлу издалика: жизнь на земле родимой — невыразимое счастье, лишь одного не знать бы — как она коротка!..»

Его родимая земля — всегда конкретна, осязаема, жива. И заселена она такими же конкретными, угловатыми, земными людьми. Это пахари и охотники, водители леспрохозовских тягачей и плотогоны — «потомки умельцев наследственного ремесла, безвестные гении вятской лукавой частушки». Все они — мастеровые люди — рубят лес, ловят рыбу, бьют дичь, но делают это, как издавна повелось на не слишком щедрой северной земле, по-хозяйски — бережно. Их написанные нравственные заповеди, их чувство своей земли как Родины, не делимой на малую и большую, стали крепкой сердцевинной всей поэзии Павла Маракулина.

Из этих же истоков и живописная манера поэта, своеобразность его художественных средств. Вряд ли можно придумать, можно только подслушать, подсмотреть в самой природе такие строки: «Обследуя кочку за кочной, ложась в травяную постель, о мужестве жить в одиночку скрипит на дугах коростель».

Поэт как-то сказал: «Костер из резинового колеса — тоже костер, но не для каждого». Его стремление выразить мир человеческих чувств через мир природы не самоцель и не узорчатый кругозор. Его лучшие стихи (особенно «Муравьиные войны», «Летучая мышь», «Про котят», «Третий стрелок») по-настоящему философские, ибо в постоянном обновлении природы, в ее неустойчивой жажде жизни ищет и находит Павел Маракулин ответы на вечные вопросы бытия.

Валерий ФОКИН,
преподаватель

ПРОЗА

Станция назначения — память

Писатель-фронтник Аркадий Минчковский выступил с первыми своими рассказами сразу после окончания Великой Оте-

чественной войны. Потом было написано немало повестей, книжек для детей, театральных пьес. Но никогда писатель не изменял любимому своему жанру — неспешному лирическому рассказу.

Новое тому подтверждение — сборник «Станция назначения» («Советский писатель», 1979 г.). В него включены и очерки — «Венгрия дважды в жизни», «Турок», «Издалика», — но вот какое дело: книга читается на одном дыхании, как исповедь, она покоряет какой-то особому доверительной тональностью. Достигается такое ощущение, очевидно, единством чувств и дум очень доброго лирического героя, который ведет читателя вначале из сивашских гнилых болот 1944 года по огненным дорогам войны, потом распахивает перед нами широкий и светлый мир послевоенный; пестрый и сложный мир неунывающего театрального детства по имени Цирк (рассказы «Легенда о Марии», «Мишель Пантелелч и его внук») и зовет с собой все дальше и дальше, в путешествия по разным городам и странам.

Мне приятно путешествовать с автором, читая рассказы и очерки, потому что все они по-особому хороши, все пронизаны выстраданным чувством теплоты. И все же... Наверное, не случайно Аркадий Минчковский дал своей книге название по рассказу «Станция назначения», который, честное слово, выделяется среди других своей особой лиричностью, мужественностью, композиционной плотностью.

Одна из бесчисленных и малозаметных страниц великой войны: старый администратор одного из московских театров по имени Аркадий Павлович изо всех сил стремится спасти вагоны с декорациями и костюмами, отправленные перед самым началом нашествия фашистов в южный город. Великие трагедии первых страшных дней — и тревожения старого, чуточку педантичного театрала... Какая,

казалось бы, несообразность! Но такова волшебная сила искусства: вагоны проводят по пылающим дорогам войны добрые люди, любящие театр, а мы, читатели, верим не просто в добросовестность главного героя, но и в его величие. Ибо величие — именно в том, чтобы в годину испытаний и горя народное каждое хорошо делало свое дело — неважно, большое или малое.

Сродни Аркадию Павловичу и фининспектор Углевич из рассказа «В командировке» и Владимир Акимович Белович (рассказ «Самый Старший Лейтенант»). И тот и другой не совершали на фронте громких подвигов. Но живет в памяти Мачехина Углевич, спавший ящик с продовольственными аттестатами для семей комсостава. Но будет жить в памяти Зины скромный, неприметный и удивительно надежный лейтенант — Самый Старший Лейтенант (кстати, и в прозице этом сокрыт немалый смысл!). Без таких крепких думом и чувством долга людей невозможно было бы выиграть тяжкую войну!

Так, от рассказа К рассказу нарастает в книге главы ее «мелодия» — тема благодарной памяти о тех, кто не дрогнул в битвах, кто прошел сквозь пламя четырех огненных лет, чтобы принести нам, потомкам, мир навсегда. Тех лет, «памяти о которых хватило на всю жизнь» А. Минчковскому и его собратьям по фронту и перу.

«Артист лишь тогда мастер, — пишет А. Минчковский, — когда в нем не видишь артиста. Тогда он настоящий». Перефразируя эти слова, можно сказать так: негромкая, чистая и честная проза сборника, в которой «не видишь артиста», — это настоящая проза. Проза, овеянная почти неуловимой поэтической грустью воспоминаний о минувшем — таком суровом и таком прекрасном.

Ирина ГУСЕВА,
студентка

Потом птица камнем сорвалась куда-то вниз, пропала, и невозможно было поверить, что мгновение назад она парила совсем рядом...

К заветному источнику мы добрались, когда начало припекать. Вода сочилась из скалы двумя тонкими струйками, сбегала на землю и, соединившись с такими же струйками из соседних родников, образовывала ручеек, который тут же мчал к недалекой реке. «Глазной родник» был огорожен кладкой из дикого камня и прикрыт подобием крыши. Вода в нем была студеной, вкусная и точно такая же, как в бесчисленных родниках, что бьют рядом и в самих Кубачах. И мы, оказалось, выламывали ноги шесть долгих горных верст только для того, чтобы убедиться в этом обидном от своей очевидности факте. Ведь ни Амузги, ни Шири за «глазной водой» не ходят, а казалось бы, им совсем рядом: пей, лечись, молодец, гони с лица морщины.

Народ прибывал. Парни все палили из ружей, а девушки надраивали песком медные бока своих мугалов в ожидании, пока наполнятся «целебной» водой кувшины тех, кто пришел раньше. Видно было, что процедура затянется не на один час. Но никто не торопился. Даже те, кто почему-то решил не спускаться к источнику, а расположился у края дороги, там, высоко вверх, и разглядывал происходящее у нас, как с театральной галерки. Там, у них, порой вспыхивали «зайчики», и становилось понятно, по-

чему у наших попутчиков болтались на шеях морские бинокли: они все знали наперед, берегли ноги и силы, а мощной оптикой достигали эффекта присутствия.

Выходит, смысл праздника вовсе не в воде. Вода только предлог и пролог к нему...

На обратном пути девчата о чем-то шушукались. Вроде бы хотели показать шедшим отдельно ребятам: у нас есть тайна, догадайтесь, какая. Все-таки так не секретничают. Была игра, если хотите, некий вид коллективного кокетства.

— Девушки выбирают место для праздника, — подсказали знатоки. — Но где это будет, знают только они.

Выбирали привередливо. То земля на облюбованной поляне оказывалась сыроватой, то едва образовавшийся для танца круг по неизвестной причине вдруг рассыпался, и мы шли дальше. И знаете, где остановились? Всего в полукилометре от Кубачей, когда время перевалило за полдень.

Местечко и вправду оказалось идеальным. Зеленая седловина между двух невысоких холмов. На их склонах амфитеатром рассыпались многочисленные зрители, а у подножия под ружейную палубу, разливистые перекоры гармоники и бешено отбиваемый ритм уже был образован круг, уже поплыла, вытянулась на носках лихая и нежная, резкая и плавная лезгинка. Праздник Воды подкатил к своему зениту.

Было хорошо. Хорошо от солнца, гор, молодой травы.

От этой немудрящей мелодии, перед которой враз смолкли кассетные магнитофоны, неумолимо сопровождавшие нас к источнику импортными синкопами и наимодейшими шлягерами.

От пестрого хоровода парней и девушек, которые парами входили в круг, отплясывали положенное, уступая место следующей паре.

От молодых мамаш с грудными младенцами на руках. От степенных молодых отцов, которым в пору бы еще лазить по окрестным скалам и палить из ружей. Хорошо было даже от вида согбенных стариков и старух, станцевавших свои предсвадебные лезгинки, наверное, еще в прошлом веке. И вот теперь на остатке сил приковылявших сюда, чтобы увидеть, как пляшут их правнуки, чьи свадьбы еще впереди, чтобы укрепиться в сознании: жизнь продолжается...

Однако кое-что в этой традиции оставалось непонятным. И объяснения типа «так было всегда» не прибавляли ясности. Ясность пришла постепенно, и, как ни странно, не здесь, а когда мы побывали в других аулах и селах Дагестана, отдаленных от этих мест десятками, а то и сотнями километров. Узнав, что мы недавно побывали в Кубачах, нас обязательно, улыбаясь, спрашивали:

— Ну как они там — все работают? И тут же поясняли:
— Они ни минуты не могут без дела,

обязательно в руках какая-нибудь работа.

Что правда, то правда. В других аулах мы видели и стариков, греющихся под солнцем на завалинке, мужчин за игрой в нарды, женщин, судачивших о своих делах, мальчишек, гонявших футбольный мяч. На улицах Кубачей такого не встретишь. Они вообще пустоваты. Может, поэтому нас и удивил председатель поссовета Магомед Гаджисаевич Никаев, сказав, что по последней переписи тут 1835 жителей. Судя по улицам, не скажешь. Пройдет старик, подгоняя ослика с вязанкой хвороста, девушка с двумя перекинутыми через плечо кувшинами воды, и можешь быть уверенным, что следующий прохожий тоже будет идти с делом или по делу.

Как-то, запутавшись в лабиринте узких улочек, мы попросили пробегавшую мимо девчущку лет десяти показать нам дорогу к гостинице. Как видно, свободное время у нее было, а роль гида нравилась. Она что-то спрашивала о Москве, о чем-то рассказывала сама. Но что интересно: стоило ей, приспособившись к нашему ходу, пойти шагом, как Бика Гокчиева извлекла из полиэтиленового мешочка с яркими клубками шерстяной пряжи спицы и пестрый недовязанный носок и с этого момента уже без остановки вязала. Шла, разговаривала, смеялась, объясняла встречным подружкам, кто мы, а ее пальцы сами собой ловко набрасывали петли на спицы, и носок с замысловатым орнаментом заметно

ПУБЛИЦИСТИКА

Мы путешествуем...

Известная актриса театра и кино Екатерина Маркова снялась в фильме «Дела сердечные», правдиво и волнующе рассказавшем о людях профессии мирной, но, можно без преувеличения сказать, и самоотверженной, героической — о врачах «Скорой помощи». Фильм запоминается. Мы часто видим белые машины с красными крестами на боках, которые летят с бешеной скоростью, и желаем, чтобы врачи успели принести больным людям спасение, исцеление от недугов... Именно те, кто приходит на помощь больным, страждущим, стали героями кинокартины, которая была показана на фестивале в Чикаго. Актриса была там... Одного из зрителей — студента Калифорнийского университета — поразило, что в Советской стране людей лечат бесплатно, а в США за «огромные» доллары. Он подверг резкой критике хищные законы бизнеса, в конце концов отверг их. И, ведомый чистой совестью, уехал в Латинскую Америку бесплатно учить детей.

Об этой истории Екатерина Маркова взволнованно поведала в своей книге «Бабочка с

острова Мичиган» («Детская литература», 1979 г.).

С этого начинается ее сборник... И сразу становится ясно, что перед нами — не «дорожные записки», а что талант актрисы неотделим в данном случае от писательского дарования.

Не туристские впечатления волнуют Е. Маркову, а жизнь людей, их интересы, характеры, которые она воссоздает, проникая в глубокие социальные проблемы.

Ведь, право же, не очерковой зарисовкой, а подлинно художественным рассказом, построенным на документальном материале, предстает перед нами и история итальянской семьи, которая стала близка писательнице прежде всего потому, что к ней, советской женщине, всей душой привязался маленький Марио, недавно осиротевший. Русская гостья чем-то напоминала ему мать: вероятно, своей добротой, человечностью, серьезным отношением ко всем его детским радостям и горестям...

Не придуманными персонажами, а живыми, реально существующими людьми приходят к нам, читателям, со страниц книги и иорданская девушка Джульетта и борец за прогрессивное арабское искусство Джалал («Порог боли»), африканские дети, в будущее которых мы верим, потому что видим, как трудно, но неумолимо побеждает в этих странах новая жизнь...

Проза Екатерины Марковой многоцветна, как пейзажи континентов и стран, о которых она повествует, как одеяния местных жителей. Эта проза и эмоциональна: писательница дарит нам чувство любви к честным труженикам, к самоотверженным служителям искусства, к юным гражданам разных цветов кожи. Дарит и чувства сострадания, боли, обиды за тех, кто несправедливо унижен. Вместе с автором книги мы негодуем, видя на австрийской земле циничного торговца ненавистными человечеству гитлеровскими портретами («Мелодии Венского

леса»), мы содрогаемся от воспоминаний о кошмарах Освецима («Останется... положить рук»).

Переворачивая последнюю страницу и понимаешь, что прочитал книгу, проникнутую благороднейшим желанием, чтобы все народы планеты были обогреты солнцем мира, свободы, справедливости, заботы о людях.

Передать читателям увиденное, пережитое, сделав их как бы своими спутниками, — это литературное мастерство, которым прекрасно владеет Екатерина Маркова. Мы путешествуем вместе с ней... И мысленно за это благодарим.

Елена КОЛЕСНИЧЕНКО,
студентка

ИСКУССТВО

Озорной праздник «ДЫМКИ»

Дымка... Легкая, неосознанная, еле заметная. Есть у этого слова и другие определения — глиняная, расписная, веселая. «Дымка»... Так нежно зовут зародившийся неподалеку от старинного города Вятки (ныне Киров) промысел расписных игрушек. Редкий гость Ки-

рова пройдет мимо этого оригинального сувенира. Заинтересует его историей промысла, его художественными особенностями, знаменитыми дымковскими мастерами. О вятской игрушке написано немало. Однако недавно вышедшая книга Надежды Перминовой «Дымковская расписная» (Волго-Вятское книжное издательство, 1979 г.) совсем не похожа на предыдущие. Маленькая, в нарядном переплете, богатая иллюстрациями, она сама чем-то напоминает игрушку. Но особенность книги не только в оформлении. Своеобразная манера, в которой написана «Дымковская расписная». Это — лирическое повествование. Плавное, образное, очень схожее с народным сказом. Может быть, потому с первой страницы становится ясно, что речь идет не просто о промысле, а о настоящем искусстве, корни которого уходят в века.

«На низком берегу Вятки-реки, против города Кирова, рассыпаны домики слободы Дымково», — напевно, словно сказитель былили, начинает автор свое повествование. Необыкновенные образы миниатюрной глиняной скульптуры возникают перед читателем: спускается к воде разодетая «Водоноска»; кокетливо прохаживается с кавалером барыня-щеголиха; скачет на коне в яблоках лихой гусар; а рядом нахохлились и распустили павлиньи хвосты горделивые индюки. Казалось бы, простые, незамысловатые сюжеты. Но не так-то легко воплотить их в глине. Увлекательно рассказывает Перминова о том, как небольшой кусочек глины постепенно обретает форму, затем тщательно полируется, обжигается, раскрашивается. Кажется, любой может в точности повторить такие несложные операции, но получается ли подлинная «дымка»? Для этого необходимо удивительное, наследственное мастерство, благодаря ему вятские игрушечники могут вдохнуть жизнь в каждую лепную деталь, а яркими мазками сотворить праздник красок, уси-

лить эмоциональное звучание их. Красочная, радостная и немного озорная — вот такая «дымка», известная в нашей стране и за рубежом. Но «...не всегда, — пишет автор, — она находила признание». Были времена, когда промысел почти угасал и лишь одна мастерица Анна Афанасьевна Мезрина упорно продолжала «работать игрушкой». Молодой художник Алексей Иванович Деншин помог ей. Так было спасено яркое дымковское искусство.

Анна Афанасьевна стала родоначальницей прославленного поколения мастериц Мезриных. Потом появились Деншины, Кошкины, постигали секреты мастерства и другие молодые таланты. Говоря об особенностях творческого поиска каждого из них, Надежда Перминова раскрывает перед читателем все новые и новые выразительные стороны знаменитой вятской игрушки. Нынешнее поколение дымковских мастериц насчитывает почти пятьдесят человек. «И многие достойны доброго слова, — заканчивает книгу автор, — потому что сила дымковской расписной в коллективном творчестве, в щедрых душах русских женщин, которые бережно нянчат ее каждый день, как любимое дитя».

Лирический рассказ Н. Перминовой познавателен и поэтичен. В нем нет высокопарных слов. Есть глубокое чувство. От первой и до последней страницы.

Елена КОВАЛЕВА,
студентка

прибавлял в длину. Тут и вяжут как-то по-особому: не спицей снимают или набрасывают петлю, а пальцами, и сразу две-три нитки, отчего вязка получается толстой и плотной. Пришей к таким носкам подошву, можно ходить, как в чулках.

Когда на балконе или плоской крыше какого-нибудь дома увидишь группу сидящих женщин, невольно думаешь: ну, кумушки собрались перемазать кости соседкам. Подойдешь ближе — вяжут или вышивают.

Да что там будни! Возвращаясь от родника «глазной воды», девушки несколько раз делали остановку: дорога в гору, а за спиной до краев наполненный кувшин. Так вот, сбросив ношу, они садились у обочины и начинали вязать.

Об искусстве и искусности кубачинских златокузнецов пишут много и охотно и в самых высоких тонах. Мастерство их заслужило тех высоких оценок. Ну, а где что-то необычное, из ряда вон выходящее, там уж обязательно какая-то легенда или поучительная байка со смыслом.

Перескажу две, услышанные от самих кубачинцев.

Однажды турецкий султан осадил Кубачи и готовился взять их приступом. Жители аула пошли на хитрость. На крышах своих сакль они выставили рядами широкогорлые мугалы, предварительно набив их негашеной известью. Когда с рассветом турки изготовились к атаке, кубачинцы стали поливать известь водой, та задыми-

ла, и враги, подумав, что это пушки, решили отступить.

Вот вторая, чем-то схожая со сказкой о тульском Левше. Персидский шах, вступивший с войском в Дагестан, послал кубачинцам серебряную проволоку в волос толщиной с язвительной такой припиской: «В моем царстве мастера не чета вам, вон какие тончайшие вещицы умеют».

В Кубачах просверлили тот серебряный волосок и вернули шаху со словами: «У нас из таких делают водосточные трубы».

Конечно, обе истории, выражаясь высоким стилем, несколько гиперболичны. Я не в том смысле, что сомневаюсь, будто в Кубачах смогут просверлить проволоку... Я о другом. Вряд ли шаху и султану могло прийти в голову силой покорять кубачинцев или оспаривать их всеми признанное мастерство. И тому и другому была нужна не малоплодородная земля Кубачей или эти суровые скалы — нужно было искусство их мастеров, а грубым напором тут добыться не многого: искусство в неволе умирает.

Город древних кузнецов Урбук еще в незапамятные времена достиг широкой известности на всем Кавказе, Ближнем Востоке и многих других странах. Сначала его знали под названием Зирихгеран (кольчужники), с XVI века его имя переименовали на турецкий манер — Кубачи, что в переводе означало то же самое — кольчужники.

Производство кольчуг, оружия,

резьба по камню, бронзовое литье — эти ремесла известны аулу давно. Их мастерство описано в литературных памятниках еще IX столетия. А начало его, надо полагать, уходит еще дальше, во тьму веков.

Как оно зарождалось, почему возникло именно здесь, а не в соседнем ауле, сейчас уже никто не скажет. Бесспорно одно: если кубачинцы довели до совершенства свое ремесло, отразив в мастерски исполненных изделиях свой характер, то и ремесло наложило неизгладимый отпечаток на уклад их жизни, обычаи, традиции да и характер людей.

Ну вот хотя бы внешние приметы.

Как говорил Магомед Гаджисаевич Никаев, в Кубачах живет 1835 человек, а всего кубачинцев тысяч шесть-семь. И все, где бы ни жили, по профессии ювелиры, граверы. Правда, тут нужно сделать небольшую оговорку. Пять уроженцев аула стали докторами наук (три медика, филолог, геолог), около двадцати защитили кандидатские диссертации. Двое вышли в писатели. Двести пятьдесят человек — с высшим образованием. Но какую бы профессию ни избрал кубачинец, еще раньше он получил традиционную, главную для аула специальность — златокузнеца.

Я спросил народного художника РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР имени И. Репина Расула Алихановича Алиханова, у кого он учился ремеслу. И услышал ответ, который ожидал заранее:

— У отца.

— А тот?

— У своего отца... У нас все в роду работали по серебру и золоту, и у моей жены Манавы отец был большим мастером. И дед ее и отец деда...

У Алиханова восемь сыновей и две дочери. Старшие сыновья работают на кубачинском комбинате «Художник», один в армии, младшие учатся в школе. Старшая дочь живет в Баку, замужем за кубачинцем, само собой ювелиром.

Можно было бы продолжать перечень всех родственников, и у всех, почти у всех, была бы одна профессия.

Конечно, время вносит поправки. Доктора и кандидаты наук — тому подтверждение. Но...

Мы побывали на уроках труда, которые вел в разных классах здешней десятилетки заслуженный деятель прикладного искусства Дагестана Гаджиомар Бахмудович Изабакаров. Что поражает больше всего: усидчивость, сосредоточенность учеников — свойства, которые не вязались ни с их возрастом, ни с темпераментом. Учитель давал задание, и они корпели над медными пластинками (или серебряными кувшинами, подносами — в зависимости от возраста), «выбирая» штихелями заданный рисунок. Работы старшекласников — хоть на выставку. Оказалось, они и вправду экспонировались уже на 17 международных выставках. Врожденные таланты? Отчасти. В основном же труд, навык, переданный поколениями опыт.

Кубачинскому искусству начинают учить в школе уже с подготовительного класса. А с первого по десятый — на уроках труда. Сначала осваивают простейшие приемы, линии, рисунки. С годами уроки усложняются. Первый выпускной экзамен у десятиклассников — по основам кубачинского искусства. И принимать его приходят лучшие мастера комбината «Художник». По результатам экзамена выпускникам школы присваиваются четвертый-пятый разряды, лучшие получают высший, шестой. А это уже квалификация мастера. И теперь вчерашний десятиклассник может оставаться в родном ауле и работать на комбинате, может ехать учиться в Махачкалу, Грозный, Баку, Москву, может избрать любую профессию, но одна специальность у него есть уже на всю жизнь: то, что умеют делать руки, забыть нельзя.

Все это рассказывал учитель Изабакаров, а сам тем временем работал: затачивал ученикам штихеля, поправлял чей-нибудь рисунок, делал набросок нового. Потом он вынул из стола серебряную пластинку со сложным филигранным узором. Промежутки между витой серебряной нитью были заполнены краской. Она казалась слишком яркой и потому несколько аляповатой. По виду же Гаджиомара Бахмудовича нетрудно было догадаться, что ему рисунок нравится.

Он посадил пластину в раскаленную муфельную печь, а когда через несколько минут вынул и дал остыть, я увидел изумительной красоты крышку серебряной шкатулки. Огонь облагородил металл и краситель.

— Перегородчатая эмаль, — пояснил Изабакаров.

А мальчишки, что подошли посмот-

способствовало только разобщенности, замкнутости, что заставляло выбирать места для аулов не из соображений удобства проживания в них, а чтобы сподручнее было обороняться: где-нибудь на макушке горы, откуда хорошо просматривались все подходы, где заранее увидишь возможных врагов, в стороне от торных путей, в таком местечке, на которое уж никто другой и не позарится, и только для тебя оно, несмотря ни на что, останется дороже всего, потому что родина.

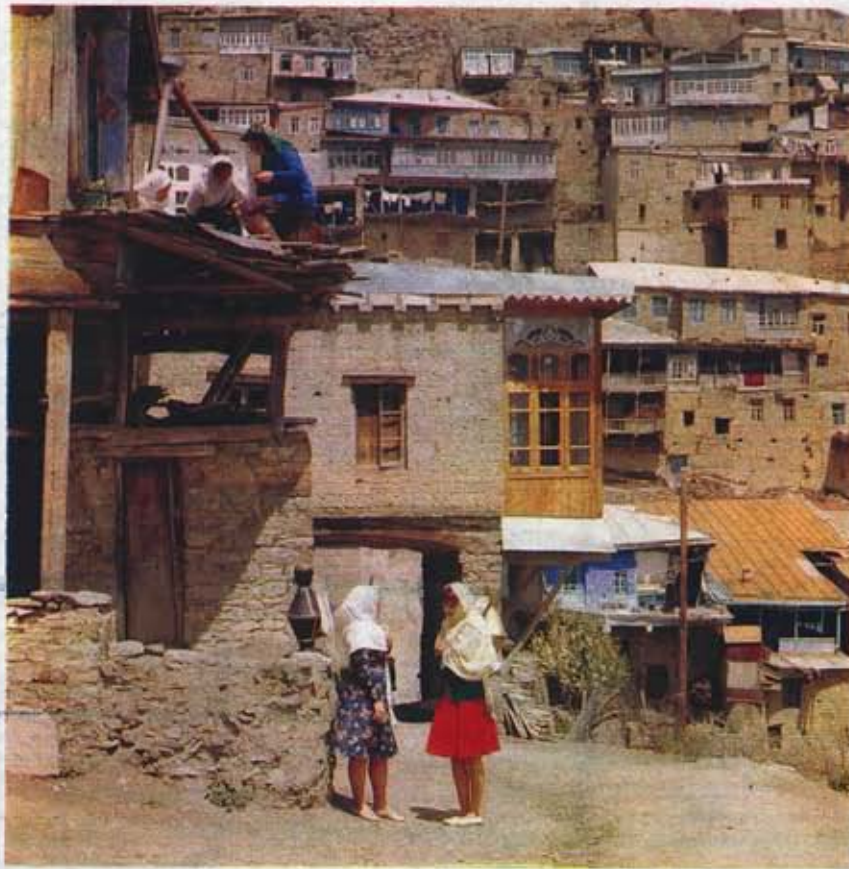
Ну, а кубачинцам в плане обособленности «помогло» еще и ремесло. Земля тут голодная и холодная. Тысяча

ранто, которое понимали и в Персии, и в Турции, и на Руси. В фондах Оружейной палаты в Кремле хранится шашка князя Мстиславского, сработанная кубачинскими мастерами в XVI веке. Прикиньте, где Москва, а где Кубачи — даже сейчас далеко. А по тем временам — край света. Сколько верст через сколько княжеств должны были отмерить кущи, чтобы заполнить заветное оружие! И ведь ничего, дошли, присмотрели что надо, сторговались, ударили по рукам...

Кубачинцы поныне женятся только на своих. Чем вызвана такая верность вековой традиции? Во всяком случае,

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ КУБАЧИНСКИХ ЗЛАТОКУЗНЕЦОВ ОТЛИЧАЮТСЯ РЕДКИМ РАЗНООБРАЗИЕМ РИСУНКА.

ОТ ПОДНОЖИЯ ГОРЫ К ВЕРШИНЕ АУЛ ПОДНИМАЕТСЯ ЯРУСАМИ УЛИЦ.

КРУЖЕВА ИЗ МЕТАЛЛА.

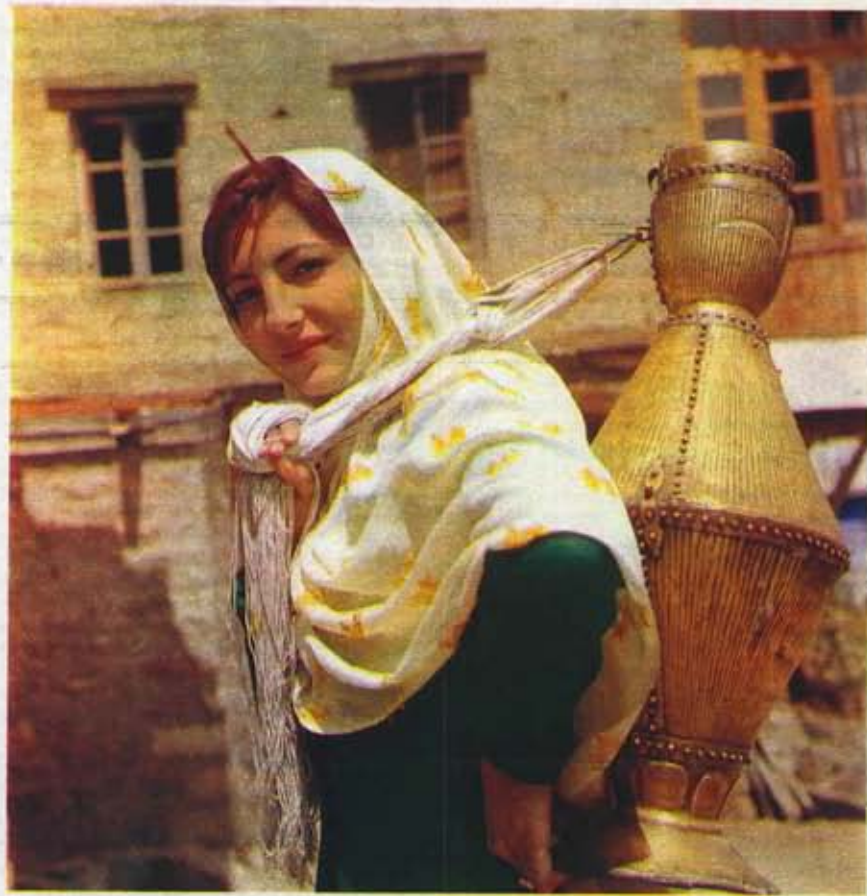
шестьсот метров над уровнем моря — это, что ни говори, высота. В садах Махачкалы и каспийского побережья в начале мая, например, абрикосы достигли нормальной величины, осталось только созреть, в Кубачах в эти дни деревья едва-едва зацвели. Ну, а террасные поля — какие это поля? Ключки земли, которые не прокормят. Испокон веков кормило, поило и одевало аул ремесло. Кубачинские мужчины, кроме того, что были они отменными кузнецами, еще резали по камню, дереву, кости, слыли искусными литейщиками. Женщины славились узорным вязанием, вышивали шелком и золотом, ткали ковры.

Их мастерство шифровалось веками. Профессиональные секреты отец передавал сыну, дед — внуку. Сохранять их в глубокой тайне было насущной необходимостью, единственным способом гарантировать и себе и своим потомкам надежный источник существования. Аул обособился от соседей, замкнулся в себе. Кубачинцы женились только на кубачинках, и последние выходили замуж только за своих парней. От ограниченности общения даже развитие языка пошло своим путем. Однако это обстоятельство мало беспокоило, ибо их искусство говорило само за себя, оно было тем эспе-

не желанием сохранить в тайне профессиональные тонкости своего национального искусства. Теперь это уже не секрет. Пожалуй, объясняется это общностью языка, обычаев, привычек, если хотите, характеров кубачинцев. В ауле говорят: «Ну где еще найти такую работающую жену, которая минуты не посидит без дела, или такого домовитого мужа с золотыми руками?»

Вот и спешат на Праздник Воды молодые кубачинцы, чтобы тут, в родном ауле, выбрать себе спутницу на всю жизнь. Сороковой день весны приходится на начало мая. А май, как известно, месяц свадеб. Легенда о магической силе «глазной воды» — только предлог. И поход к заветному роднику и весь праздник — это смотрины, ярмарка кубачинских невест. А еще — приобщение к земле своих предков. Не важно, где ты родился сам, где сейчас живешь, главное, чтобы помнил: здесь твои истоки, твоя земля, лучше которой для тебя нет. Пройдись хотя бы раз пешком к роднику — и убедишься в том на всю жизнь.

ЗА «ГЛАЗНОЙ» ВОДОЙ.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 05.05.80. Подписано к печати 20.05.80. А 10043. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1160000 экз. Изд. № 1301. Заказ № 2384. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

А 8 6 7 1 3 3 4 5 0 7 8 9 1 0 1 2 3 3 5 6 7 8 9 2 0

ЛЮБОВЬ НАСТАЛА

Музыка Раймонда ПАУЛСА.
Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

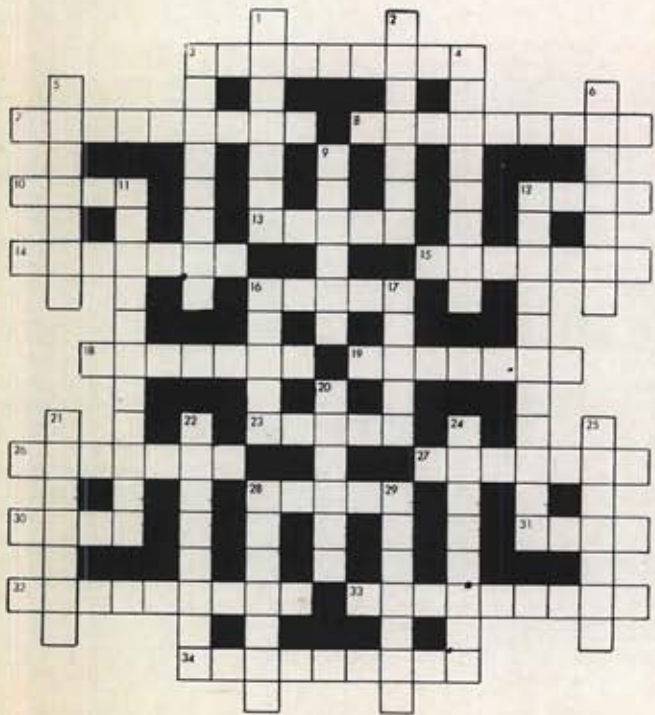
Как много лет во мне любовь спала!
Мне это слово ни о чем не говорило.
Любовь таилась в глубине, она ждала —
И вот проснулась,
и глаза свои открыла.

Теперь не я пою — любовь поет!
И эта песня в мире эхом отдается.
Любовь настала так, как утро наступает.
Она одна во мне и плачет и смеется.

И вся планета распахнулась для меня.
И эта радость, будто солнце, не остынет.
Не сможешь ты уйти от этого огня.
Не спрячешься, не скроешься —
любовь тебя настигнет.

Как много лет во мне любовь спала!
Мне это слово ни о чем не говорило.
Любовь таилась в глубине, она ждала —
И вот проснулась и глаза свои открыла.

Музыка Раймонда ПАУЛСА. Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО.

КРОССВОРД

Составил А. КОШКАРЕВ.
Казань

По горизонтали:

3. Общее признание. 7. При-
способленность организмов к усло-
виям существования. 8. Морская
мера длины. 10. Картина худож-
ника-передвижника Н. В. Недре-
ва. 12. Народный поэт Литвы. 13.
Огородное растение. 14. Специ-
альное место для приема сол-
нечных ванн. 15. Порт на берегу
Сицилии. 16. Отрицательный
полюс электрического аккумуля-
тора. 18. Бальный танец.
19. Спортивная игра с мячом.
23. Музыкально-драматическое
произведение. 26. Государство в
Центральной Европе. 27. Порт в
Турции. 28. Объединение пред-
приятий одной отрасли. 30. Пер-
сонаж симфонической сказки
С. С. Прокофьева. 31. Белорус-
ская народная плясовая песня.
32. Постоянная величина. 33.
Участок водной поверхности
порта. 34. Обилие в почве воды,
сырость.

По вертикали:

1. Существенное, неотъемле-
мое свойство предмета, явля-
ния. 2. Плотная разновидность
талька. 3. Высшее научное уч-
реждение. 4. Автор текста «Ду-
бинушки». 5. Выразитель миро-
воззрения определенного обще-
ственного класса, направления.
6. Высокий женский голос. 9.
Космическое тело. 11. Наука о
ледниках. 12. Закусочные пище-
вые продукты. 16. Убеждение,
основы мировоззрения. 17. Пла-
вучая горная машина. 20. Сти-
хотворение М. Ю. Лермонтова.
21. Крупное животное, обита-
ющее в тропических лесах Аф-
рики. 22. Советский летчик-кос-
монавт. 24. Французский писа-
тель XIX века. 25. Прерывистая
линия, образуемая точками. 28.
Пешеходная дорожка по сторо-
нам улицы. 29. Военнослужащий
специального рода войск.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 10

По горизонтали:

1. Кабosh. 5. Токио. 7. Бланшон-
не. 8. Папп. 11. Осло. 13. Мимун.
14. Коттиш. 16. Корреа. 17. Баскет-
бол. 18. Москва. 19. Спринт. 20.
Брасс. 22. Конь. 23. Бокс. 27. Кон-
солини. 28. Церар. 29. Крайг.

По вертикали:

1. Крапп. 2. Шуба. 3. Слалом. 4.
Мюнхен. 5. Трек. 6. Окано. 9. Пе-
терссон. 10. Амстердам. 12. Стра-
улино. 15. Шлага. 16. Кросс. 20.
Блинов. 21. «Солин». 22. Кайц.
24. Свинг. 25. Акар. 26. Диск.

ПРИВЕТСТВУЯ ДЕНЬ ВОСХОДЯЩИЙ

Начало на 25-й стр.

октября 1942 года после длительных упорных боев Малоярославец был оставлен...

Куликов эвакуироваться не успел: надо было вывозить картины, рисунки, эскизы, коллекцию деревянной народной игрушки, книги. Положение усложнилось еще и тем, что Афанасий Ефремович почувствовал приступы жестокой язвенной болезни. Но мысль, что все его работы могут достаться врагу, была страшнее физической боли. Превозможная страдания, художник с помощью жены и дочери начал мастерить в погребе вторые стены, за которыми прятали картины. Он торопился, ведь надо было перевести женщин в какое-нибудь безопасное место. Многие рисунки, лубки, графику пришлось просто зарыть в землю. Деревянную игрушку спрятать не успели. Коллекцию, которую художник собирал всю жизнь, разграбили фашисты, обосновавшиеся в его доме.

Куликов переправил дочь с грудным ребенком на руках и жену старшего брата — тоже с ребенком — в родную деревню Исаково. Там, ему казалось, они будут в безопасности. Потом больной, поддерживаемый женой, пешком пришел туда и сам. Он не знал, что в районе деревни завяжутся ожесточенные бои и они все окажутся в оккупации.

Однажды утром в дверь избы резко постучали. Больной художник вышел в сени, слабейшими руками отпер дверь. На пороге возник фашист с парабеллумом в руке. Какие-то доли секунды они стояли друг против друга, словно изучая и оценивая ситуацию. Чужое, самоуверенное лицо врага. Чужие, жестокие глаза — такой не пожалеет ни женщин, ни детей. Но все же Куликов заметил даже в этих глазах настороженность и беспокойство.

Осунувшийся, с подкашивающимися от слабости ногами, седой старик в одежде русского крестьянина не мог, конечно, быть серьезным препятствием на пути фашиста. Но в доме могли укрыться партизаны. Партизан этот уверенный молодой гитлеровец боялся.

Заминка длилась секунду. Оттолкнув художника к стене, фашист шагнул через порог и сделал знак рукой. Тотчас из-за его спины показались солдаты и, как серые мыши, рассыпались по комнатам. Партизан в избе не оказалось. Второпях похватали со стола все съестное (женщины как раз собрали завтрак), на ходу рассовали по карманам ватрушки, яйца, яблоки...

Позже Афанасий Ефремович запечатлел этот драматический момент в лаконичном эскизе углем к картине «Первый немец». На листе изображено, как было в действительности: спиной к зрителям стоит ссутулившийся старик, в дверях — фашист, с устремленным прямо на нас стеклянным взглядом. Вся сцена — как поединок.

В Исакове начались пожары, болезнь все более обострялась, и художнику пришлось перебраться в Малоярославец. В городе всю хозяйничали немцы. Спешно укрепляли оборону. Опустевшие улицы с разграбленными магазинами, с беспризорными, большей частью разрушенными домами мирных жителей, были изрыты противотанковыми рвами и окопами. Восточная часть города простреливалась танками и орудиями. Трудно было узнать живописный, раскинувшийся на холмах, утопающий в вишневых садах, любимый художником Малоярославец.

Дом Куликова был занят штабом какой-то немецкой части. Кое-как он помещился с женой в небольшом домике соседа. Болезнь окончательно свалила его с ног, начались кровоизлияния желудка. Без всякой медицинской помощи метался он на полу в грязной многолюдной избе. Но крепкий организм все-таки поборол болезнь.

От кого-то немцы узнали, что хозяин занятого ими дома, художник, находится по соседству. Немецкий офицер пригласил Куликова в его же собственную мастерскую, достал найденную за диваном не оконченную Куликовым картину «Артиллерия на боевой позиции». Указал на холст:

— Это ваше? Картина нам нравится... Такие картины нам нужны. Мы одерживаем историческую победу. Ленинград пал, скоро возьмем Москву. Все немцы должны знать, какие у нас были сильные враги. Кончайте картину для нас. Мы создадим хорошие условия для работы.

Куликов до боли в скулах сжал зубы. Офицер ждал ответа. Потом повторил еще раз:

— Такие картины нам нужны.
Художник тихо, но твердо проговорил:
— Подождите еще торопиться... Не

НАРОДНОЕ ГУЛЯНЬЕ. ПОДНОС.

ЖАТВА. ЛУБОК.

ГОРЕЛКИ. ПОДНОС.

КАШЕЙ. ЛУБОК.

верю вам. Не торопитесь... А картину я закончу по договору для Союза художников СССР.

...Афанасий Ефремович дожил до победы. Дождался возвращения с фронта троих сыновей. Картину «Артиллерия на боевых позициях» он закончил и получил за нее Почетный диплом Союза художников СССР.

На выставке Афанасия Ефремовича Куликова, которая в прошлом году проходила в Москве, в Выставочном зале Союза художников СССР на улице Горького, рядом с Музеем Революции, было празднично и светло. Светло от необыкновенно жизнерадостного мира его картин. Художник Куликов очень заразительно умел радоваться жизни и удивительно просто и красиво передавал восхищение жизнью в своем творчестве.

Кажется, и сейчас он стоит рядом, плечом к плечу со своими героями, простыми людьми — пахарями, ткачами, косцами, пекарями — на ярмарках и крестьянских сходах, на уборке урожая и колхозном собрании, на праздновании 1 Мая и деревенских гуляньях. Стоит и улыбается нам своей открытой, подкупающей улыбкой, приветствуя восходящий день.

Летописцем эпохи назвал его в отзыве о выставке Леонид Леонов. И действительно, Афанасий Куликов, художник обаятельный, искренний, непосредственный, родившийся в конце XIX века, в 1884 году, и дожив почти до середины XX века, до 1949 года, всем многоцветием своего творчества приветствовал новую эпоху — восшедший с Великой Октябрьской революцией счастливый день своей Родины.